

И ДЕВА ПЛУТ

Блайт Гиффорд

Сирота Доминика, выросшая в монастыре, собирается в паломничество, чтобы помолиться о выздоровлении своего умирающего господина, графа Редингтона. По возвращении она планирует принять постриг. Настоятельница монастыря и Ричард, брат графа, замыслили погубить Доминику. Они тайно подкупили наемного рыцаря Гаррена, присоединившегося к группе паломников, чтобы тот соблазнил девушку. Потеряв невинность, Доминика не сможет стать монахиней, а Ричарду ничто не помешает сделать ее своей любовницей. Спасти ее может перемена в сердце Гаррена, но того волнует только судьба графа, которому он многим обязан. Во время паломничества Гаррен понимает, что заключил сделку с дьяволом, но спасти Доминику, которая помогла ему обрести веру, возможно, уже слишком поздно...

Замок Редингтон, Англия, июнь 1357 года.

— Господь воскресил меня из мертвых, Гаррен, — произнес Уильям. — И ты был орудием Его.

Гаррен взглянул на друга, который лежал в кровати с запавшими как у мертвеца щеками, и подавил мрачную усмешку. Когда Уильям, граф Редингтон, лежал среди павших на поле брани при Пуатье, Господь не пошевелил и пальцем, чтобы помочь ему.

Теперь, взирая в колеблющемся свете свечей на бледное лицо Уильяма, он гадал, не стоило ли и ему отступить. Возможно, смерть была бы милосерднее подобного существования.

Нет. Пока есть силы, он будет бороться против Господа за его жизнь.

— Ты единственный меня не оставил, — молвил Уильям. — Все остальные ушли, бросив меня умирать.

Точнее, ушли искать выживших французов, чтобы ради выкупа увести их в плен.

Но Уильям не умер, хотя случались дни, когда было сложно понять, жив ли граф или уже отошел. Пока армия победителей волочилась через Францию к побережью, чтобы сесть на корабли и отплыть на родину, Уильям пребывал в некоем подобии земного чистилища, а Гаррен как мог поддерживал в нем жизнь, вливая в него воду и проталкивая между его зубов кашу и перетертое мясо.

— Я не бросил тебя из обычного упрямства.

— Не преуменьшай свое деяние. — Он говорил прерывисто, с трудом втягивая между словами воздух. — Ты нес меня. На себе.

— Со всеми доспехами в придачу. — Гаррен улыбнулся, не разжимая губ, и шутливо тронул кулаком его плечо. — Не забывай об этом.

Сохранности доспехов семья Редингтона обрадовалась больше, чем возвращению их владельца. В то время, как остальные английские рыцари тащили на себе награбленные трофеи, Гаррен нес Уильяма и вернулся из французской кампании, которая сулила несметные богатства, таким же нищим, каким был.

Пока Уильям набирался сил, Гаррен понимал: оно того стоило. Но спустя несколько недель тот начал страдать от приступов рвоты, которые то затихали, то терзали его часами напролет, и ныне лежал на занавешенном красным бархатом смертном одре. Окно его спальни выходило на пахотные поля. Никогда больше Уильям не ступит на их влажную, плодородную землю. Его желудок и кишечник пришли в такое плачевное состояние, что слуги не успевали менять постельное белье, но, отдавая графу последнюю дань уважения, не бросали попыток содержать его в чистоте.

Что ж, по крайней мере он умрет в своей постели.

— Я хочу... попросить... еще об одном. — Ледяные пальцы умирающего вцепились в него с неожиданной силой.

«Я спас тебе жизнь. Что еще я могу сделать?» — подумал Гаррен. Впрочем, разве подобная жизнь такой уж бесценный дар, если в свои тридцать с небольшим Уильям оказался прикован к постели?

— Соверши за меня паломничество.

Паломничество... Своеобразная взятка, которую Бог никогда не принимал и не примет в расчет. Путешествие к усыпальнице, где лежат женские кости и перья ангела.

— Уильям, вряд ли тебя исцелит Блаженная Ларина, если этого до сих пор не сделал Господь.

— Я тебе заплачу.

Гаррен отодвинулся. Ради Уильяма он был готов поступиться всем. Но не гордостью.

— Попроси кого-нибудь другого. Дураков в округе хватает.

Лицо Уильяма исказила боль. Он ухватился за живот, пытаясь справиться с очередным приступом рвоты.

— Другим... я не доверяю.

Гаррен отделался невнятным бормотанием, которое не означало ни «да», ни «нет», и бережно взял его иссохшую кисть в свои большие ладони. Как же все изменилось с тех пор, как Уильям взял его — семнадцатилетнего, никому не нужного сироту — в оруженосцы. Этому человеку он был обязан всем.

Держась за него, Уильям подтянулся и придал телу полусидячее положение. Он был всего пятью годами старше Гаррена, а выглядел немощным стариком. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что кроме них в комнате никого нет, Уильям вытащил из-под подушки сложенный лист пергамента размером с ладонь. Письмо было прошито тонким шнуром, концы которого скрепляла красная восковая печать с гербом Редингтонов.

— Вот. Отдай священнику. В усыпальнице.

Гаррен забрал послание из его трясущихся рук. Как он сумел удержать перо, чтобы написать его?

Голос Уильяма тоже дрожал.

— Печать должна остаться цела.

Гаррен мысленно усмехнулся. Он всегда был никудышным чтецом, даже в свою бытность в монастыре.

Уильям стиснул его руку, требуя внимания — и ответа.

— Прошу тебя. Мне больше некого попросить.

И Гаррен, всмотревшись в глаза друга — друга, с которым они столько пережили вместе, — понял, что пока Уильям дышит, он согласится выполнить любую его просьбу.

Он кивнул и откашлялся.

— Хорошо. Но твоих денег я не возьму. — Это путешествие должно быть подарком.

Не соглашаясь, Уильям повел головой, оставляя на подушке клочья светлых волос. Слабая улыбка тронула его посиневшие губы.

— Возьми. купишь мне свинцовое перо.

Памятный знак паломника. Доказательство совершенного путешествия. Кичливая метка истинно верующего. Гаррен сжал его пальцы.

— Я принесу кое-что получше. Если ты не можешь сам прийти ко святыне, значит, я принесу святыню к тебе. Я добуду настоящее перо. — Осквернение святыни ради утешения умирающего почему-то не казалось ему святотатством. Реликвия это вещь. Видимая, осязаемая, реальная — в отличие от эфемерных и лживых обещаний Церкви.

Уильям — и без того бледный — побелел как полотно.

— Это кошунство...

По спине Гаррена пополз холодок. «Господь накажет меня», — подумал он по старой

привычке и чуть не расхохотался. Никакое наказание не сравнится с тем, как Господь обошелся с ним в прошлом.

— Не волнуйся. Я заберу всего одно перышко, самое маленькое. Никто и не заметит.

Уильям устало смежил веки, проваливаясь в предсмертное забытие, которым ныне была его жизнь.

Дверь без стука отворилась, и Гаррен с отвращением услышал бодрый голос Ричарда, младшего брата графа. Ричард уж точно не согласился бы стать ради него пилигримом — ни за деньги, ни, тем более, из братской привязанности.

— Он еще дышит?

— Тебе, похоже, не терпится услышать, что нет.

— Разве ты не согласен, что подобное существование сложно назвать жизнью?

Гаррен был согласен, но по иным причинам.

— Возможно. Но куда он дышит, граф Редингтон он, а не ты. — Впрочем, Ричарду нужно всего лишь подождать. Еще немного — и он унаследует титул.

— Что это? — Словно имея на то право, Ричард потянулся к сложенному листу пергамента.

Гаррен спрятал письмо за пазуху.

— Видимо, обращение к святой. — Теперь, когда он дал согласие, предстоящее путешествие страшило его, но не тяготами дороги, а необходимостью идти в компании набожных пилигримов, которые свято верили в то, что невидимый Господь откликнется на их молитвы, если заплатить установленную Им цену. Гаррен знал, что все это бесполезно. — Он попросил меня совершить паломничество к усыпальнице Блаженной Ларины и помолиться о его выздоровлении.

— Когда вернешься, помолишься еще раз — за его душу, — хмыкнул Ричард.

«Когда я вернусь», — подумал Гаррен, — «я буду молиться о своей душе».

В келью с едва заметным поклоном проскользнула юная девушка, своим появлением отвлекая мать Юлиану, которая стояла на коленях перед распятием, от созерцания облупившейся краски на левой руке Христа.

Хрустнув коленями, настоятельница поднялась на ноги и разместилась в кресле, гадая, чем она обязана этому визиту. Доминике, этому тощему подкидышу, следовало быть более благодарной за то, что в монастыре ее приняли, вырастили и обеспечили полезной работой, разрешив стирать для сестер и убирать кельи.

После нашествия Черной смерти деревни опустели. Поток пожертвований монастырю почти иссяк. Конечно, лорд Ричард мог бы облегчить их положение, но...

Девушка, прерывая ее думы, без разрешения заговорила:

— Матушка Юлиана, разрешите мне сопровождать сестру Марию к усыпальнице Блаженной Ларины.

Настоятельница подумала, что ослышалась — настолько возмутительным образом была высказана эта просьба. Никаких «пожалуйста», никаких «умоляю». Только настойчивость во взгляде пронзительных синих глаз, и ничего больше.

— Что ты сказала, Доминика?

— Я хочу совершить паломничество, а по возвращении стать послушницей.

— Ты хочешь вступить в орден? — Она позволила девчонке жить и расти в месте, для нее не предназначенном, и вот чем обернулась ее доброта. Надо было отдать подкидыша жене угольщика, покуда была такая возможность. — Но у тебя нет приданого.

— Оно и не нужно, — назидательно ответила та. — Достаточно искренней веры.

Настоятельница промолчала, считая ниже своего достоинства доказывать этой сироте, что голой верой сыт не будешь. Чтобы одеть и прокормить двадцать женщин, требуется нечто более основательное.

— Ты не можешь принять постриг.

— Почему? — Девушка вздернула подбородок. Ужели она вообразила себя вправе оспаривать ее мнение? — У меня получается копировать манускрипты ничуть не хуже, чем у сестры Марии.

Напомнив себе, что Господь учил терпению, настоятельница попыталась смягчить тон.

— Доминика, почему ты решила, что это твое призвание?

Синие глаза девушки вспыхнули с одержимостью святой... или сумасшедшей.

— Господь сам сказал мне об этом.

— Господь не разговаривает с брошенными подкидышами. — Настоятельница набожно сцепила пальцы — так сильно, что они побелели. Она сама во всем виновата. Она сама позволила девчонке сидеть с ними за одним столом и внимать священным текстам, и вот результат — теперь она вообразила, будто понимает Божью волю. — Он обращается только к тем, кто служит Ему во храме, и лично мне Господь ничего не говорил о том, что ты должна вступить в орден.

— Матушка, но вы же знаете, я создана для того, чтобы нести слово Его. — Она подошла поближе и понизила голос. — Я хочу перевести Священное Писание на обычный язык, чтобы простые люди лучше его понимали.

Настоятельница прижала пальцы к губам. Ересь. Под ее крышей завелась еретичка. Если Редингтоны узнают, не видать ей больше от них ни фартинга. Впору пожалеть о том, что она позволила девчонке выучиться читать и писать.

— Я точно знаю, мое место здесь, — продолжала тем временем девушка. — И вы тоже убедитесь в этом, когда я доберусь до усыпальницы, и Господь даст мне знак. — Лицо Доминики вспыхнуло столь истовой верой, какую настоятельница много лет не наблюдала в других и не испытывала сама. — Сестра Мария будет моей свидетельницей.

Сестра Мария всегда ее баловала.

— Но за чей счет ты собралась путешествовать? Кто купит тебе дорожную одежду и оплатит пропитание? Кто будет выполнять твои обязанности во время твоего отсутствия, в конце-то концов?

— Эту ношу согласились взять на себя сестры Катерина, Барбара и Маргарита, а сестра Мария обещала оплатить мое пропитание из своего приданого, — дерзко ответила та. — Я много не съем.

— Приданое сестры Марии принадлежит монастырю. — Настоятельница прижала кончики пальцев к пульсирующим вискам. Вот что бывает, если позволять монахиням заводить любимчиков.

— Прошу вас, матушка Юлиана. — Наконец-то додумавшись смиренно встать на колени, девушка потянула настоятельницу за край черного одеяния. Пальцы ее были

выпачканы чернилами, а ногти обкусаны так сильно, что земле в огороде было совершенно не за что уцепиться. — Мне очень, очень нужно пойти.

Настоятельница, совершенно ошарашенная, вновь заглянула в ее глаза. В них горела вера. А может быть страх.

Внезапно она поняла, чем все может закончиться. Познав жизнь за пределами монастырских стен, Доминика не вернется. С ее-то внешностью, которой позавидовала бы любая девица из числа мирян, она ляжет с первым же мужчиной, который задумает ее обольстить. Ну, а с ребенком в животе ни о каком постриге не может идти и речи.

Мать Юлиана вздохнула. Впрочем, кто знает, как оно обернется. Эти горящие истовым огнем синие глаза горазды отпугнуть любых ухажеров. На все божья воля. Лучше отпустить ее. Пусть унесет свои опасные идеи подальше от ушей господ и аббата. Правда, в ее отсутствие монахиням придется заниматься стиркой и огородом самим, ибо нанять работницу из деревни им было не на что.

— Хорошо. Будь по-твоему. Но чтобы больше я не слышала от тебя ересь. Если во время путешествия с тобою случится хоть малейшая неприятность, можешь не рассчитывать сюда возвращаться, а тем более принимать постриг.

Доминика сложила ладони и возвела очи к небесам.

— Спасибо тебе, Отец Небесный. — И она, не дожидаясь разрешения, резво выбежала из кельи.

Настоятельница вздохнула. Ее саму и единым словом не поблагодарили. Только Господа. Что ж, пусть отныне Он о ней и заботится.

Доминика задыхалась от радости. Не чуя под собой ног, она птицей летела по коридору. В груди разлилось теплое чувство уверенности. Господь всегда отвечал на ее молитвы, пусть иногда ему и приходилось немного помочь.

Она нашла сестру Марию на залитом солнцем монастырском дворе, где монахиня учила Иннокентия, пса Доминики, команде «сидеть». Точнее, пыталась. Лохматый черный пес, как и его хозяйка, был никому не нужным, случайно прибившимся к монастырю существом, бесприютным и непослушным.

— Она разрешила, разрешила! — Доминика закружила сестру по двору и не отпускала, пока они обе не запутались в подоле ее длинного черного одеяния. Пес возбужденно залаял. — Мне тоже можно пойти!

— Тише, тише, — попыталась сестра уговорить и Доминику, и пса, который, заливаясь лаем, вертелся в погоне за своим коротким хвостом. Этому трюку его научила Доминика.

— Хороший мальчик. — Доминика почесала его за ухом. Второе ухо у собаки отсутствовало. — Не волнуйся, сестра. — Девушка крепко обняла ее. — Господь сказал мне, что все будет хорошо.

Сестра с опаской огляделась по сторонам.

— Только не вздумай говорить матушке Юлиане о том, что ты слышишь Его голос.

Доминика пожала плечами. Мать Юлиана уже это знает, но сообщать об этом сестре необязательно.

— В Писании сказано: «Стучите, и отворят вам», — сказала она на латыни.

— Если она услышит, как ты болтаешь на латыни, то может и передумать.

— Но зачем затыкать уши, когда Господь говорит с нами?

— Затем, чтобы не вкладывать в Его уста свои собственные слова.

Доминика вздохнула. Господь одарил ее ушами, глазами и разумом. Наверняка он не против, чтобы она использовала их по назначению.

— Неважно. Главное, что она разрешила, а когда мы вернемся, я стану послушницей.

Присев, сестра взяла Доминику за руки. Доминика любила прикосновение этих рук — мягких, ибо им не приходилось стирать или возиться в земле, с жилистыми, привыкшими держать перо, пальцами. В детстве Доминика ужасно завидовала мозоли на среднем пальце сестры, этому отличительному знаку переписчиков, и мечтала скорее обзавестись такой же.

— Только помни, дитя, Господь не всегда отвечает на наши молитвы так, как мы ожидаем.

— Да разве Он может ответить иначе? Здесь вся моя жизнь. — Доминика любила ее размеренность и предсказуемость; тишину часовни, где Бог тихим голосом говорил с нею; яркость красных, синих и золотых красок, которыми она расцвечивала Его слова. Она хотела остаться здесь навсегда, стать настоящей монахиней, как сестра Мария. — Я читаю не хуже сестры Маргариты, а пишу лучше всех, кроме тебя.

Сестра вздохнула.

— Доминика... Ты опять забываешь: нет гарантии, что Господь одарит тебя тем, к чему ты стремишься.

— О, в Нем я уверена полностью. Осталось уговорить матушку Юлиану.

Сестра смиренно воздела руки к небу.

— С возрастом ты научишься меньше полагаться на Господа. Идем. Надо собрать вещи. — Она тяжело встала. Привыкшая часами сидеть за работой в скриптории, сестра передвигалась с трудом. — Завтра мы выходим в дорогу.

Доминика улыбнулась. Когда послание будет передано в надежные руки и они вернутся, ей больше никогда не придется покидать монастырь.

Главное — истинная вера. И решимость.

— Нам нужны деньги, ваша светлость. — Мать Юлиана заставила себя склонить шею. Перед таким человеком, как лорд Ричард, унижаться было нелегко.

Чтобы он согласился ее принять, пришлось прийти сразу после дневной трапезы, когда парадный зал был переполнен стражниками, охранявшими замок, оруженосцами и слугами. В их присутствии лорд Ричард не посмел отослать ее прочь. Когда все разошлись, в воздухе остался витать запах тушеной баранины. В желудке у нее заурчало.

— На что вам деньги, матушка? — спросил Ричард. Узкоплечий, длинноносый, он опустил в кресло, покопался в ухе мизинцем и принялся вычищать из-под ногтя грязь. — Я думал, монашки равнодушны к мирским вещам.

Неужели он настолько груб со всеми просителями? Она вовсе не собиралась его грабить. Ей была нужна ничтожная сумма.

— На продукты, чернила и средства для ежегодного паломничества, ваша светлость.

— Увы, мы все переживаем тяжелые времена. — Он положил ногу на ногу и покрутил ступней, рассматривая носок своего башмака.

— Ваш отец всегда покровительствовал нашему монастырю, — напомнила она. Стены парадного зала, как и при жизни старого графа, были завешаны гобеленами, но после его смерти здесь будто бы стало холоднее. Никогда еще она не скорбела о его кончине так сильно, как сейчас, когда наблюдала перед собой его младшего сына — темноволосого человека, с высокомерным, желтоватым лицом. — Он обещал поддерживать нашу работу в скриптории.

— Мой отец умер.

— Поэтому я пришла к вам.

— Как вам известно, с подобными просьбами положено обращаться к моему старшему брату. А это в данный момент невозможно.

— Мы денно и нощно молимся за него. Как его здоровье, ваша светлость?

Лорду Ричарду не удалось скрыть за напускной скорбью улыбку.

— Боюсь, матушка, дни его сочтены, но мы не теряем надежды. — Он подавил смешок.

— Наемник даже вознамерился совершить ради него паломничество.

Она перекрестилась.

— Вы о том рыцаре, который воскресил вашего брата из мертвых? — Весть об этом разнеслась во всей округе. Некоторые богохульники даже прозвали его Спасителем.

Лорд Ричард откинулся на спинку кресла и фыркнул.

— Если верить его словам. Сложно, знаете ли, доверять человеку, который воюет за деньги, а не во имя преданности своему сюзерену.

Интересная претензия, если вспомнить, что сам лорд Ричард сделал все, чтобы отвертеться от воинской службы во Франции.

— Чем только не приходится заниматься безземельным рыцарям. Воистину пути Господни неисповедимы.

— Неужели? Ну что ж, возможно, ваши молитвы и поход наемника смягчат сердце Блаженной Ларины, и мой братец чудесным образом исцелится. — Его тон поскучнел. — Кто в этом году исполнит обет?

— Сестра Мария. И Доминика, — добавила она, помолчав.

Он весь подобрался, выпрямил спину и впервые поднял на нее глаза.

— Эта маленькая переписчица? Разве она уже пришла в возраст для такого путешествия?

Неужели о том, что девчонка умеет писать, известно решительно всем? Лишь бы она не проболталась в замке о своих еретических устремлениях.

— Ей минуло семнадцать, милорд.

Нос его дернулся, будто у гончего пса, почуявшего добычу.

— Надеюсь, она еще девственница?

Настоятельница выпрямилась.

— Вы столь низкого мнения о моем монастыре?

— Будем считать, вы ответили «да». Чего она ждет от этого паломничества?

Сцепив пальцы, она немного поразмыслила над неожиданной вспышкой интереса с его стороны. Возможно, это будет ей на руку.

— Божьего знака. Она хочет вступить в орден и надеется, что Господь одобрит ее

намерение.

— А вы его не одобряете?

Она задумалась на минуту. Наверное, все-таки лучше сказать правду.

— Нет. Не одобряю.

— Тогда наши с вами интересы пересекаются. Правда, меня беспокоит кое-кто другой. Наемник. — Его темные глаза вспыхнули. — Благодарность моего брата перешла все границы. Он мнит этого Гаррена каким-то святым, и мне бы хотелось доказать, какой он на самом деле плут.

Настоящим плутом был сам лорд Ричард. Об этом было хорошо известно и настоятельница, и, вне всякого сомнения, его брату. Она ждала, что он предложит, уже зная, что это предложение едва ли будет приятным.

— Пусть этот Гаррен совратит нашу маленькую девственницу. Посулите ему денег. Он из тех людей, которые за грош готовы на все. А когда она предъявит ему обвинение, мы оба добьемся желанной цели.

— Милорд, я не могу...

— Вы не хотите, чтобы она стала монашкой. Я, кстати, тоже. Когда Гаррен окажется опозорен, Уильяму придется его вышвырнуть. — Он сделал паузу и улыбнулся. — Если, конечно, к тому времени Господь не заберет моего брата к себе. Если же нет, то место праведника у его постели займу я. Что касается девчонки, то я придумаю, чем ее занять. — Его ухмылка не оставила сомнений в том, что занятия эти будут проходить в опочивальне. — Не волнуйтесь, матушка, у нее останется время на то, чтобы вас обстирывать.

— Милорд, как вы можете просить меня о таком? — Нет. Как она может всерьез рассматривать его предложение? Но помимо Доминики на ее попечении находилось двадцать душ, которые уже посвятили себя Богу. После смерти графа их судьба окажется во власти лорда Ричарда.

— Если вы согласитесь, я постараюсь оказать вам поддержку. В виде щедрого пожертвования за грех наемника, например.

Настоятельница вспомнила, как наказывала девушке сторониться неприятностей. Но разве при этом она не надеялась, чтобы случилось нечто, что помешает Доминике принять постриг? Возможно, через лорда Ричарда Господь сообщает о том, что услышал ее потаенную просьбу.

— Надеюсь, милорд, оно окажется поистине щедрым.

Он рассмеялся трескучим смехом.

— Ну, его размер будет зависеть от ваших с Блаженной Лариной успехов, разве нет?

У девчонки были глаза самого дьявола. Быть может, именно такая судьба ей и уготована. А что касается наемника, то пусть о его душе печется Господь.

— Я ничего вам не обещаю, — осторожно произнесла мать Юлиана. — Могу только попробовать подготовить почву. — И молить Господа о прощении.

— Тогда я тоже ничего вам не обещаю. — Он искоса взглянул на нее. — Подготовьте ее как следует.

Гаррен давно утратил веру, но просьба монахини соблазнить девственницу повергла его в шок.

— Ее зовут Доминика, — сказала настоятельница, восседавшая в своей обшарпанной келье с таким достоинством, словно в тронном зале. — Вы с нею знакомы?

Он безмолвно покачал головой.

— Подойдите сюда. — Настоятельница поманила его к выходящему в сад окошку. — Вон она. Взгляните своими глазами.

Девушка, о которой шла речь, сидела спиной к ним в монастырском огороде. На ее плече покоилась толстая, цвета зрелого меда коса. Что-то напевая себе под нос, она копошилась между грядками. Ее воркование напомнило Гаррену жужжание сонной пчелы.

Его сердце непроизвольно забилося быстрее. Даже на расстоянии было видно, что девушка мила и хорошо сложена. Совратить такую будет нетрудно. И все же в нем поднялась волна возмущения. Он и не думал, что способен вновь испытать это чувство.

— Насиловать ее я не стану. — За время службы во Франции он в избытке насмотрелся на то, как рыцари, растеряв все свое благородство и уподобляясь кабанам во время гона, портили женщин. При одном воспоминании об этом его затошнило. Нет, лучше умереть с голоду, чем взять за такое деньги.

— Неважно, каким способом вы добьетесь цели, — пожала плечами настоятельница. — Главное, чтобы она не вернулась сюда девственницей.

Гаррен снова оглянулся на девушку, которая возилась в земле. Он не был рыцарем из куртуазных романов, но обхаживать женщин умел. Девицы, которые прошли за войском через всю Францию, могли это подтвердить. Свое слабое местечко есть у каждой женщины, надо лишь хорошо его поискать. Где же оно расположено у этой? Может быть, за ушком, формой напоминавшим раковину? Или на изгибе длинной шеи?

Девушка встала. Заметив, что на нее смотрят, она мимолетно улыбнулась, и Гаррен понял, что еще никогда не видел таких ясных синих глаз. Ему показалось, что она видит его насквозь, будто его черная душа была загорожена от нее не более, чем витражным стеклом.

На мгновение его пробрал страх, какого он не испытывал даже перед боями.

Он отмахнулся от этого нелепого ощущения. Чего ему бояться? В ней нет ничего примечательного. Высокая. Округлые груди. Россыпь веснушек на лице. Рот с серьезной верхней губой и нижней, полной и чувственной. В целом создавалось впечатление, что она несколько не от мира сего.

Девушка отвернулась и вновь склонилась над грядками.

— Зачем? — Множество раз он задавал этот вопрос небесам, но они молчали. Что же ответит настоятельница захолустного монастыря?

Но та не стала вдаваться в подробности. Звякнув распятием, которое болталось на ее груди подобно мечу на бедре воина, она отошла от окна, из-за которого по-прежнему доносилось беспечное воркование.

— Полагаю, вы считаете меня жестокой.

— Я был на войне, мать Юлиана. Бесчеловечностью — и людской, и Всевышнего — меня не удивишь. — Внезапно его озарило неприятное подозрение. Совращение невинной девы может в два счета привести его к алтарю. — Если вы ищете для нее супруга, то я на эту роль не гожусь. Содержать жену мне не на что.

Он и себя-то содержать не мог.

— Брать ее в жены вас не попросят.

Заметив следы штопки на ее поблекшем черном одеянии, он задумался, есть ли у нее обещанная сумма.

— И чтобы никакого штрафа.

— Будь у вас деньги на штраф, вы бы не раздумывали над моим предложением. Нет, никакого штрафа не будет. У Господа иные планы.

Снова Господь. Сколько же зла творится в мире от его имени! Лицемеры, подобные матушке Юлиане, и отвратили его от Церкви.

— Моя бессмертная душа, ясное дело, вас не волнует, но как же девушка? Что с нею станет потом?

Глаза настоятельницы блеснули, словно она прикидывала, какого ответа его удостоить.

— Ничего. Ее жизнь почти не изменится.

Гаррен в этом сомневался. Но денег, которые ему предлагали, с лихвой хватит на то, чтобы совершить за Уильяма паломничество, и еще останется. После смерти Уильяма Ричард не потерпит его присутствия в замке. Конь да броня — вот и все его имущество. До тех пор, пока между Англией и Францией действует перемирие, ему некуда податься.

Если сложить награду с тем, что у него осталось после Франции, можно поселиться в каком-нибудь отдаленном, уединенном уголке, где никто не помешает им с Господом презирать друг друга.

— Вы заплатите мне прямо сейчас?

— Я монахиня, а не идиотка. Деньги вы получите по возвращении и только в том случае, если справитесь с заданием. Так что, вы согласны?

Счастливое воркование девушки все еще стояло у него в ушах. Впрочем, одним грехом больше, одним меньше. Какая разница, сколько их, если Господь без разбора карает всех — и грешников, и праведников. Кроме того, Церковь и так забрала себе достаточно душ. Душа этой девицы ей без надобности.

И Гаррен кивнул.

— Ее будет сопровождать сестра Мария. Она ни о чем не знает и хочет, чтобы девушка приняла постриг и присоединилась к ордену.

— А вы не хотите.

Настоятельница перекрестилась, и ее пробрала еле заметная дрожь.

— Она подкидыш с дьявольскими глазами. Пускай Дьявол забирает ее обратно. — В ее улыбке не было и намека на благочестие. — А вы будете Его орудием.

— Смотри. Вон он. Спаситель, — слышала Доминика шепот сестры Марии. Сестра остерегалась громко произносить это кощунственное прозвище, которым его наделили за то, что он воскресил человека из мертвых — подобно истинному Спасителю.

— Где? Который? — встрепелась она и не подумав понизить голос. Двор замка заполонила челядь, собравшаяся поглазеть на пилигримов. Рев ослов, фыркание лошадей, лай собак — весь этот шум после тишины монастырской обители резал ей слух. Иннокентий тоже не отставал от прочих четвероногих созданий и отчаянно лаял на всех, кто проходил мимо.

— Вон там. Около большой гнедой лошади.

Она ахнула. Тот самый человек, который смотрел на нее из окна кельи матери-настоятельницы.

Внешне он несколько не походил на святого. С такими широкими плечами впору было противостоять реальному миру, а не вести духовную жизнь. На голове его вились темно-каштановые кудри цвета поношенных кож, а на щеках проступила щетина, которая скоро должна была превратиться в положенную пилигримам бородку. Лицо, обветренное и загорелое, говорило о том, что он провел немало времени под открытым небом.

Они вновь встретились глазами, и она — как и в первый раз — ощутила внутри себя отклик, словно он заговорил с нею. Из-за его благочестия, не иначе.

Тут Иннокентий совершенно неблагочестиво гавкнул и бросился в погоню за большим рыжим котом. Доминика вздохнула. Похоже, будет непросто уберечь его от соблазнов большого мира, когда они отправятся в путь.

— Я сбегаю за ним. — Не дожидаясь возражений сестры Марии, она подхватила юбки и упорхнула прочь. Прохладный утренний ветерок закружил вокруг ее лодыжек, когда она со смехом пронеслась мимо пары ослов и наконец настигла пса у копыт лошади.

Большой гнедой лошади. Возле которой стоял широкоплечий мужчина.

Спаситель оказался выше, нежели ей казалось издалека. К его поясу вместе с миской паломника и дорожной котомкой был приторочен солдатский меч, а шею обвивал шнурок, на котором висело нечто, спрятанное от чужих глаз за воротом туники.

— Доброе утро, — произнесла она и, вздернув подбородок, заглянула в его карие — нет, темно-зеленые — глаза. — Я Доминика.

Он посмотрел на нее в упор, настороженным и печальным взглядом человека, который по воле небес прошел через многие испытания.

— Я знаю, как вас зовут.

Под его взглядом кровь начала пульсировать в кончиках ее пальцев, а в животе затрепетало какое-то странное, но приятное ощущение.

— Господь подсказал вам? — Если Он говорит с нею, то вне всякого сомнения ведет длительные беседы и с этим святым человеком.

Он насупился. А может спрятал усмешку.

— Нет. Мать-настоятельница.

Интересно, о чем еще поведала ему матушка Юлиана? Пес завертелся у нее на руках, и она почесала его макушку.

— Это Иннокентий.

Он-таки не выдержал и усмехнулся.

— Несомненно в честь нашего Святого Отца из Авиньона.

Об этом настоятельница точно не стала бы говорить. Доминика поспешила продолжить, пока он не успел задуматься, не оскорбила ли она Папу, назвав в его честь животное.

— Мы все очень благодарны за то, что вы воскресили графа из мертвых, — произнесла она. — Скажите, а он смердел как Лазарь?

— Что, простите?

— В Библии сказано, что Лазарь смердел, пролежав четыре дня во гробе.

Уголок его рта дернулся вверх.

— Неужели вы узнали о зловонии Лазаря из проповедей аббата?

Лучше не признаваться, что она прочитала об этом сама.

— Во время дневной трапезы сестры читают Писание и разрешают мне тоже послушать. — Она ждала гневной отповеди и не дождалась. Очевидно, этот святой человек и не подумал заподозрить ее во лжи, впрочем, совсем крошечной.

— Не уверен, что история Лазаря способствует аппетиту, — молвил он. — Но — да, мы оба изрядно смердели к тому моменту, как добрались домой.

— Хотя граф, конечно же, не пролежал мертвым четыре дня, когда вы его воскресили.

Его веселость сошла на нет. Зеленые глаза потемнели.

— Я не воскрешал его из мертвых. Я просто не дал ему умереть.

Для Доминики эта поправка не меняла сути.

— Потому что верили в могущество Господа. «Верующий в Меня, если и умрет, оживет».

— Не ошибитесь с тем, в кого верите. Вера может быть опасна.

Мрачный совет показался ей одновременно простым и сложным, как тексты Писания. Она вспомнила, чем заканчивалась история Лазаря. Фарисеи приказали убить его, когда узнали о том, что сделал Иисус.

— Вы знаете, как меня зовут, а вот я вашего имени не знаю, сэр...

— Гаррен.

— Сэр Гаррен откуда?

— Сэр Гаррен-из-ниоткуда. Сэр Гаррен Никто. — Он поклонился. — Как и положено смиренному пилигриму.

— У вас нет своего дома?

Он потрепал гриву лошади.

— У меня есть Рукко де Редингтон.

— Редингтон?

— Подарок графа. — Он нахмурился.

Какой чудесный подарок! Почему же он хмурится? Граф, должно быть, высоко ценит его, если подарил такое великолепное животное.

— То есть, ваш дом — лошадиное седло?

— Я служил наемным солдатом. Воевал за деньги.

— А теперь?

— А теперь я наемный пилигрим, — пробормотал он. — И пойду за деньги в паломничество.

О том, что вместе с ними пойдет наемный пилигрим, Доминика знала. Но то, что этим человеком окажется Спаситель, было для нее неожиданностью.

— Кем же был тот несчастный покойный, который завещал двадцать монет на паломничество во имя своей души?

— Он еще не покойник.

Наверное, он имеет в виду графа Редингтона. Доминика испытала облегчение. Тайна графа в хороших руках, если, конечно, не изводить вопросами его гонца.

— Простите меня, — сказала она. — Пусть священная тайна вашего путешествия хранится у вас в сердце.

— В ней нет ничего священного, и сам я не святой.

Похоже, она его разозлила. Но как он может отрицать, что озарен светом божьим, когда всем известно, какое деяние он совершил? Сегодня он отправится поклониться Блаженной Ларине, а в будущем не исключено, что люди будут ходить в паломничество уже на его могилу.

— Господь избрал вас своим орудием, чтобы спасти графу жизнь.

Он наградил ее долгим безмолвным взглядом.

— Человек может служить орудием как Богу, так и Сатане.

Она вздрогнула.

Прозвонил колокол. Одетые в серое пилигримы, напоминая стадо гусей, потянулись к часовне. Она отпустила пса на свободу, и тот, виляя хвостом, убежал обратно к сестре Марии. Доминике тоже было пора уходить, но ноги отказывались ее слушать.

— Пожалуйста, благословите меня, — прошептала она.

Плечи его дернулись под серым, как кольчуга, балахоном.

— Попросите благословения у аббата.

— Но вы же Спа... — Она осеклась. — Вы особенный.

Зеленые глаза — переменчивые, как его настроение — сверкнули, и ей подумалось, что вера и впрямь может оказаться опасна.

— Я уже говорил вам. Я не святой. И никакого благословения дать вам не могу.

— Прошу вас.

Она взялась за его большую квадратную ладонь и, встав перед ним на колени, прикоснулась дрожащими губами к ее тыльной стороне, покрытой мягкими темными волосками.

Он отдернул руку.

Она забрала ее обратно и водрузила себе на макушку, крепко прижав сверху своими ладонями.

Его рука напряглась. А потом медленно погладила ее по голове и соскользнула вниз, на обнаженную кожу шеи. Прикосновение обожгло ее словно клеймо. В груди стало тесно, и она попыталась сделать вдох. И ощутила, что к привычному запаху пыли примешался новый запах. Мужской, четко выраженный. Его запах.

Колокол замолчал, но долгожданного покоя она не почувствовала. Биение крови в ушах почти оглушило ее, словно все ее четыре органа чувств разладились и вышли из равновесия.

Отшатнувшись, он сделал неопределенный жест. Что это — благословение, выражение неприязни или приказ уходить?

— Спасибо, сэр Гаррен-отсюда, — прошептала она и, боясь оборачиваться, поспешила убежать под защиту сестры Марии.

Ладони Гаррена пылали огнем.

Боже правый. Да она считает его святым. Это же чистой воды богохульство... У него вырвался смешок.

Плоть его по-мужски откликнулась и отвердела, что, впрочем, осталось сокрыто под просторным одеянием пилигрима вместе со всеми прочими его грехами.

Его миссия будет слишком простой. Слишком приятной. Его так и тянуло воспользоваться ситуацией и коснуться нежных изгибов ее тела, но горящая в ее глазах пылкая вера в то, что он был Божьим посланником, остановила его. Каким же разочарованием будет для нее узнать, что в нем нет совершенно ничего святого.

Гаррен подавил чувство вины. Ничего не поделаешь. В свое время она поймет, что вера — это ловушка для дураков.

Обернувшись, он увидел на пороге часовни мать-настоятельницу, которая, похоже, наблюдала всю сцену от начала и до конца. Она улыбалась с таким видом, словно была не против, чтобы он овладел девушкой прямо здесь, на пыльном дворе.

Он разозлился. Может быть, учинить небольшую месть? Обмануть Церковь. Сказать настоятельнице, что испортил девушку и взять деньги за грех, которого он не совершал. Девушка, разумеется, заявит, что осталась невинной, но, так или иначе, репутация ее будет погублена. Зато она станет свободной. Недостигаемой для когтей Церкви.

Улыбнувшись, Гаррен похлопал Рукко по крупу, передал поводья конюху и присоединился к цепочке паломников. Служанки и слуги, стражники и оруженосцы, даже настоятельница и Ричард — все до последнего поваренка уважительно отошли в сторону, пока они шли через двор к часовне. Он надеялся, что Уильям не смотрит в окно и не видит, как Ричард, узурпировав его место, разыгрывает из себя графа Редингтона.

Гаррен пересчитал своих будущих попутчиков. Меньше дюжины. Молодая супружеская чета. Мужчина со шрамом на лице и поехавшим на бок носом. Полная женщина, по виду жена торговца. Двое братьев с одинаковыми впадинками на подбородке. Еще несколько человек. И все одеты в длиннополые серые балахоны с крестом на груди.

Доминика, рядом с которой семенила маленькая, не выше ее плеча, монахиня, шла, высоко держа голову и серьезно глядя вперед, не отвлекаясь на пса, который елозил у нее на руках. Левое ухо зверя подрагивало в такт движениям хвоста, правое же отсутствовало — очевидно, потерянное в схватке с лисой. У порога девушка опустила пса наземь и трижды обернулась, взглядом приказывая ему сидеть. Гаррен усмехнулся. Похоже, пес не успел перенять ее благочестие.

Когда девушка зашла в тень часовни, Ричард остановил ее и, приобняв, что-то зашептал на ухо. Она молча отстранилась и продолжила путь, не удостоив его даже взглядом.

Гаррен непроизвольно стиснул кулаки. Потом заставил себя разжать пальцы. У него и так предостаточно причин, чтобы ненавидеть этого человека.

Почувствовав на себе взгляд Ричарда и настоятельницы, он понял, что из всех пилигримов остался стоять во дворе один. Замковая челядь расступилась перед ним пошире.

До деревянных дверей часовни, казалось, было несколько миль.

На негнущихся ногах Гаррен пошел вперед, не отводя глаз от каменного козырька над входом и пытаясь не обращать внимания на взгляды и перешептывания слуг. Балахон с

нашитым по настоянию Уильяма крестом, коробочка реликвария — все эти атрибуты казалось ему костюмом, одолженным у бродячих комедиантов. У сердца покоилось загадочное послание Уильяма. Привычными были только меч да свинцовая ракушка, которая, задевая реликварий, висела у него на шее — память о семье, которую Господь отказался спасти несмотря на то, что они заплатили запрошенную цену.

— Поторопись, Гаррен. — Ричард никогда не считал его достойным приставки «сэр». — Всевышний и аббат уже ждут.

Внутри, в солнечных лучах, льющихся сквозь витражи, плясали пылинки. Гаррен поравнялся с Доминикой и опустился на колени перед алтарем. Все внимание девушки было приковано к аббату, а на него, как и на Ричарда во дворе, она даже не оглянулась.

Следуя заведенному порядку, аббат начал читать молитву на латыни. Как и все церковники, он заботился только о том, чтобы его речь была понятна глухому Всевышнему, а не простым людям.

Девушка, будто все понимая, безмолвно шевелила губами. Медовые волосы мерцающим нимбом распушились вокруг ее лица. Она была такая юная, уязвимая, такая неискушенная, но у Гаррена почему-то возникло странное ощущение, что душой она вопреки всему много сильнее его. Казалось, невозможно дотронуться до нее и остаться прежним человеком.

Аббат перешел на простой язык.

— Пилигримы, готовы ли вы к путешествию? Готовы ли вы отринуть мирские блага и встать на дорогу простыми и скромными путниками, каким был Отец наш Небесный?

Гаррен увидел, как Доминика кивнула, и задумался, какими же мирскими благами она может владеть. У него самого их было немного. Все имущество, скопленное за девять лет, он мог унести на себе.

— У святые вы должны исповедаться, иначе ваше путешествие не будет богоугодным. Вы готовы чистосердечно покаяться во грехах?

Прошелестело многоголосое «да». Один Гаррен смолчал. Пусть сначала Всевышний вернет должок. Потом он, может быть, и покается.

— Кроме того, лорд Ричард просит всех вас молиться о здоровье его возлюбленного брата, графа Редингтона, состояние которого, несмотря на чудесное избавление от смерти, ныне ближе к небесной жизни, нежели к земному существованию.

Внезапно в наступившей тишине раздался голос Уильяма, слабый, но все еще властный:

— Я благодарен брату, но о своем исцелении хочу попросить сам.

— Что за... — вполголоса пробормотал Ричард.

Гаррен привстал, готовый уверовать в чудо. Если бы увидеть Уильяма здоровым и сильным как прежде... Закрывшись ладонью от солнца, он повернулся к двери и увидел в проеме силуэт Уильяма, которого — исхудавшего и бледного как привидение — поддерживали под руки слуги. Еще один держал наготове оловянную кастрюлю.

По толпе пронесся вздох. Потом руки задвигались, творя крестное знамение, словно паломники увидели перед собой вылезшего из гроба покойника.

Жестом Уильям повелел слугам идти вперед. Толпа расступилась, и его поднесли к алтарю, где над ним склонилась мать-настоятельница. Ричард, раздраженно поджав губы, не двинулся с места.

Аббат взволнованно закатил глаза, спрашивая у неба подсказки.

— Благодаря вашим чистым устремлениям Господь даровал графу силы. — Он повысил голос: — Паломники, молитесь о чуде!

Уильям поднял руку.

— Я благодарен... за ваши молитвы.

У Гаррена защемило сердце. Еще недавно голос Уильяма был ясным и сильным, теперь же он напоминал старческое сипение.

— Я распорядился, — продолжал граф, — снабдить вас запасом еды на первый день.

— Вы очень щедры, лорд Редингтон, — сказал аббат, а Ричард насупился.

Уильям слабо повел кистью, словно отгоняя дым.

— Да будет всем известно, — он перевел дыхание, — что Гаррен принял паломничество вместо меня и несет с собой мое послание Блаженной Ларине.

Он схватился за живот, отвернулся и его вырвало в подставленную слугой кастрюлю. Гаррен прикрыл глаза, словно страдания Уильяма могли прекратиться, если на них не смотреть. Слово таким образом он мог повернуть время вспять.

— Давайте же помолимся о здоровье лорда Редингтона и о том, чтобы сэру Гаррену сопутствовал успех в его предприятии, а после я благословлю ваши посохи и вручу вам *testimoniales*, — поспешил произнести аббат.

Гаррен принял паломничество вместо меня. Что же они теперь о нем думают?

Доминика одарила его улыбкой, а остальные паломники застыли в священном трепете, точно он и впрямь был посланцем небес.

Все, кроме настоятельницы и Ричарда.

Прижавшись лбом к алтарной ограде, Доминика пыталась сосредоточить мысли на Боге. В конце церемонии аббат благословил ее посох поцелуем, и она тоже прижалась губами к сырому, плохо очищенному от коры и сучков, дереву.

Затем ей вручили сопроводительное письмо от епископа — свиток с несколькими строчками, которые как по волшебству превращали человека в настоящего пилигрима. Пальцы Доминики покалывало от волнения, когда она прятала свиток в котомку, где уже лежали ее письменные принадлежности — перо, чернильница и обрывок старого пергамента. А еще ей не терпелось поскорее остаться одной и сравнить почерк писца со своими буквами.

Она опустила голову и спрятала лицо в ладонях. Прислушалась к голосу Бога, стараясь не отвлекаться на присутствие Спасителя. Вдруг он наблюдает за нею? Проверить она не решалась. Он казался крепким и нестигаемым, как посох в ее руках — человеком, на которого можно опереться. Наконец она покосилась на него сквозь пальцы. Он тоже держал посох, но держал его как оружие и выглядел при этом так, словно ему не нужна была никакая поддержка — ни друзей, ни даже Господа.

Она крепко зажмурилась и напомнила себе, зачем собралась в путь.

Прошу тебя, Господи, подай мне знак, что я призвана служить Тебе и распространять слово Твое.

Доминика хотела прибавить «на понятном людям языке», но решила пока не смущать небеса дополнительными просьбами.

Открыв глаза, она взглянула на графа. Слуга вытирал с его лица пот. В разгар Черной смерти Господь пощадил лорда Уильяма, но забрал его отца, старого графа. Люди долго, много недель оплакивали его смерть. Она помнила, какими красными и воспаленными от слез стали глаза сестры Марии. Но его сына небеса пощадили, а спустя годы направили Спасителя, чтобы тот спас его снова.

Она помолилась о здоровье графа. Он был хорошим человеком, достойным Божьей помощи. И ее помощи тоже.

Прозвучало последнее «аминь». Паломники встали и, опираясь на посохи, вереницей потянулись к дверям. Проходя мимо графа, каждый останавливался и благодарил его за дневной запас еды.

Когда к нему приблизилась сестра Мария, он поблагодарил ее за работу над псалтырью, которую сжимал своими скрюченными пальцами.

Сестра ласково, с материнской заботой, отвела прядку тонких светлых волос с его покрытого испариной лба. Многие нынче побаивались к нему прикасаться. «Проказа», — шептали люди при виде розовато-белесой сыпи, которая покрывала его кожу.

Наконец дошла очередь до Доминики. Недолго поколебавшись, она пересилила страх и опустилась перед умирающим на колени. Лорд Уильям всегда был очень добр с нею — не в пример лорду Ричарду.

Граф приложил палец к губам.

— Помни. Никому.

Сжав губы, она кивнула и оглянулась. Лорд Ричард о чем-то переговаривался с аббатом и матерью Юлианой. Вспомнив, что аббат наказал им чистосердечно покаяться, она

задалась вопросом, не равна ли недосказанность лжи. Хотелось бы верить, что нет. Лжи без слов не бывает. Только слова воплощают ее в реальность.

Когда она отошла, над умирающим склонился Спаситель и по-доброму тронул его за плечо. Насколько можно было судить, граф был ему дорог. Доминика испытала облегчение. Сэр Гаррен не будет медлить. Они доберутся до усыпальницы в срок и успеют спасти графу жизнь.

Вместе с сестрой они вернулись к алтарю, где преклонили колена, чтобы получить последнее благословление — от матери-настоятельницы. Доминика ждала ободряющих напутственных слов, но вместо этого мать Юлиана нагнулась к ее уху и чуть слышно прошептала:

— Помни: малейшая неприятность — и можешь не рассчитывать обрести среди нас дом. — Она отвернулась и на латыни обратилась к сестре Марии.

Доминика стиснула посох так, что в ладонь впился сучок. Другого дома кроме монастыря у нее нет и никогда не было.

Получив благословление, сестра Мария с трудом разогнула колени и поднялась на ноги. Лет ей было не больше сорока, но работа в скриптории преждевременно состарила ее тело. Только голос благодаря пению оставался молодым.

Доминика, еще не оправившись от потрясения, взяла ее под локоть. Покуда они медленно шли к выходу, глаза девушки затуманились слезами, и паломники, стоявшие на солнце снаружи, превратились в размытое серое пятно. Нет, не может быть, чтобы Господь позволил настоятельнице вмешаться в Его планы на ее жизнь.

Они остановились на пороге, и Доминика смахнула с ресниц слезинку.

— Что случилось, дитя? — Сестра Мария озабоченно тронула ее за плечо. — Почему ты плачешь? Ты передумала и хочешь остаться?

«Больше всего на свете», — подумала Доминика, но заставила себя улыбнуться. Незачем сестре знать, чем огорошила ее мать Юлиана. Она вздохнула и вытерла ладонь о колючую шерсть балахона.

— Конечно, хочу. Именно поэтому я и отправляюсь в путь. Чтобы потом остаться в монастыре навсегда.

— Но мир за его пределами огромен. За время пути многое может произойти.

— И я буду все это записывать, чтобы вспоминать о нашем путешествии, когда вернусь. — Она похлопала по котомке, где лежали ее сокровища: перо и драгоценный пергамент.

— Это ты сейчас так говоришь. — Глаза монахини подернулись печалью. — Может статься, ты передумаешь возвращаться.

— Конечно же, не передумаю. — Путешествие еще не началось, а Доминика уже отчаянно скучала по уютному убежищу монастыря. — Мне знаком каждый камушек в часовне, каждая ветка на деревьях в саду. Мое место здесь и нигде больше.

Они вышли во двор. Сестра, щурясь на солнце, расправила на ее плечах балахон, всего за один день пошитый из грубого серого полотна любящими руками сестры Барбары, ибо сама Доминика шила гораздо хуже, чем выводила буквы.

— Ника, ты когда-нибудь жалела о том, что росла без матери?

Услышав свое давнишнее прозвище, Доминика улыбнулась. Так она называла себя в детстве, когда не умела выговаривать свое имя целиком.

— Меня растила не одна, а несколько матерей. Ты, сестра Барбара, сестра Катерина, сестра Маргарита, — перечислила она, накрывая маленькую кисть сестры ладонью.

Та усмехнулась.

— И ни одна из нас не смогла отучить тебя грызть ногти. — Улыбка погасла. — А о своем отце ты не жалеешь?

— Разве можно жалеть о человеке, которого я никогда не знала? Кроме того, у меня есть наш Отец Небесный. И я дала себе зарок трудиться во славу Его и распространять Его священное слово. — Зажмурившись, она обратила лицо к небу, и под теплыми лучами солнца воспоминание о словах настоятельницы поблекло. — Я точно знаю, в чем мое предназначение. Моя вера не приемлет сомнений.

Сестра покачала головой.

— Я научила тебя многому, но всему научить невозможно. Поверь, время от времени сомневаются все, даже праведники. Но вера живет несмотря на любые сомнения.

Спаситель сказал, что вера может быть опасна. Она оглянулась на часовню. Он все еще сидел возле лорда Уильяма и держал его за руку. Его широкоплечая фигура щитом закрывала изможденное тело умирающего.

«*Fides facit fidem*», — молвила она про себя. Вера порождает веру.

Сжимая холодную руку Уильяма, Гаррен жалел, что не может поделиться с ним своим здоровьем и силой. Кожа умирающего шелушилась, словно тело его, разрушаясь, стремилось скорее освободить дух.

— Я доставлю твоё послание, не спрашивая, о чем оно, и принесу перо, будь это хоть тысячу раз грехом. — Он оглянулся. Ричард все еще говорил с аббатом, а настоятельница что-то шептала на ухо девушке. — Только не выставляй меня перед этими людьми каким-то пророком.

На губах Уильяма заиграла слабая улыбка. Этим утром боли мучили его ощутимо меньше.

— Друг мой, возможно, ты ближе к Богу, чем думаешь.

— Тебе, конечно, виднее, — хмыкнул Гаррен, — но если бы Господь все-таки прислушивался к моим молитвам, в это паломничество ты отправился бы сам, своими ногами. — Он приставил локоть к локтю Уильяма и без усилия согнул его руку. — Когда я вернусь, померяемся силами, а на кон поставим деньги в уплату паломничества. Кто победит, тот и заплатит.

— Мне казалось, ты предпочитаешь кости.

— Не хочу оставлять победу на волю случая.

— Эти деньги — ничто по сравнению с тем, что ты для меня сделал.

— А паломничество — ничто по сравнению с тем, что ты сделал для меня. — Гаррен был готов пойти на все чтобы отплатить Уильяму за его доброту. Абсолютно на все. А воспоминание о том, как Доминика напевала себе под нос в огороде, лучше изгнать из памяти.

Какие бы силы не подняли Уильяма из кровати, но они постепенно убывали. Бледная кожа туго натянулась на его лице, делая его похожим на череп.

— Но если ты не поторопишься, то биться на спор тебе будет не с кем.

— Надеюсь, все же будет, — молвил Гаррен сквозь зубы. — Иначе кому я отдам перо из крыла святой?

Слабым шепотом граф сокрушался о его кощунственном намерении, но Гаррен не слушал. Уильяму он был обязан большим, нежели Богу. *Я сделаю все, что потребуется, чтобы добраться до места и успеть вернуться, пока он еще жив.*

И он почти услышал, как Господь засмеялся над его клятвой.

Позади зашуршали черные одежды матери Юлианы.

— До чего радостно видеть, что вы нашли в себе силы выйти из опочивальни, лорд Редингтон. Воистину, это ответ на наши неустанные молитвы.

Гаррен не сомневался, что она не кривит душой, желая графу выздоровления. Монастырь жил в основном за счет пожертвований Редингтонов, а Ричард, в отличие от Уильяма, был не самым щедрым патроном.

— Спасибо, что молитесь обо мне, мать Юлиана. А что, Доминика тоже собирается с ними? — Он кивнул в сторону девушки, которая, придерживая сестру Марию под локоть, шла к дверям.

Интересно. Оказывается, Уильям знает о ее существовании.

— Она очень просила отпустить ее, и я не смогла отказать, милорд. — Настоятельница изогнула бровь. — Посмотрим, куда Бог направит ее, когда она впервые увидит большой мир.

Гаррен с отвращением посмотрел на нее, и она отвела взгляд. Вовсе не Богу предстояло сбить Доминику с пути истинного.

— Кто она, Уильям?

Теперь уже мать Юлиана вскинула на него голову.

— Только не говори, что ты ее не заметил. У тебя глаз на женщин наметан. — Глаза Уильяма, пусть ныне и поблекшие как заношенная туника, озорно блеснули. — Соломенные волосы. Синющие глаза.

— Такое впечатление, что ты заметил ее для себя, — отшутился Гаррен. Он оглянулся. На солнце коса Доминики сияла золотом. Уильям допустил неточность. Ее волосы не были соломенными. Они были цвета сладкого эля в момент, когда сквозь его тугую струю просвечивают языки пляшущего в очаге пламени.

— Моя семья несет ответственность за монастырь и за всех его обитателей.

По спине Гаррена пополз холодок. Что, если Уильям питает к девушке нечто большее, нежели вежливый интерес? Неважно. Когда они вернутся, его скорее всего уже не будет в живых, и он никогда не узнает, что с нею случилось. От этой мысли, однако, на душе легче не стало.

— Уильям... — начал он.

— Милорд, — перебила его мать-настоятельница, — раз уж вы настолько оправились, я бы хотела попросить вас...

— Брат, какое безрассудство! — Бросив аббата, Ричард подскочил к ним и локтем оттеснил настоятельницу в сторону. — Ты нисколько не бережешь себя. Никколо, сюда!

Итальянец возник рядом, словно воплотившись из воздуха. Гаррен вздрогнул. Давно ли он опшивается тут и слушает их разговоры?

Этот человек, с крупным носом и мясистыми губами, прежде служил одному из ломбардских ростовщиков, на деньги которых король собирал армию для похода во Францию. Ричард приютил его у себя и выделил в замке каморку, где итальянец ставил

какие-то алхимические опыты — тщетно пытался обратить свинец в золото, как подозревал Гаррен.

Ричард, впрочем, утверждал, что Никколо занимается созданием эликсира на основе золота, чтобы исцелить недуг Уильяма. Даже удивительно, сколь много недугов по мнению людей был способен исцелить этот драгоценный металл.

Пряча глаза, Никколо склонил голову.

— Слушаю, лорд Ричард.

— В таком состоянии ему нельзя подниматься с постели, — сказал тот. — Думаю, моему брату пора принять новую порцию твоего целительного эликсира.

Никколо хлопнул в ладоши. Двое слуг взяли Уильяма подмышки, и его пальцы выскользнули из ладони Гаррена.

— Возвращайся скорее, — услышал Гаррен и прошептал, не зная, доведется ли им свидеться снова:

— Прощай, брат.

Умирающего унесли, Ричард направился за ним следом, а Гаррен резко развернулся к матери Юлиане.

— Вы умолчали о том, что графу небезразлична судьба Доминики. — Ее имя, впервые произнесенное им вслух, было сладким на вкус.

Лицо, обрамленное белым платком, вспыхнуло.

— Это не имеет значения. Так или иначе, она не создана для пострига. Кроме того, у нас с вами уговор. Имейте честь держать слово.

— Честь? Странно слышать от вас о чести, матушка, с учетом того, о чем вы меня попросили.

Она мельком оглянулась на Ричарда.

— Пути Господни неисповедимы.

— Послушать вас, так на Его волю можно списать все человеческие прегрешения, однако за свои грехи мне всегда приходилось расплачиваться самому.

— Полагаю, с полным кошельком делать это сподручнее.

— Так и есть. — Согласившись с нею, он почувствовал себя нечистым. Впрочем, этот грех не сравнится с теми, которые он совершал ради вознаграждения наемника. Но все же, откуда у матери Юлианы деньги? И почему она так решительно настроена против девушки?

Внезапно ему стало душно. Захотелось скорее встать на дорогу, ощутить всем телом дыхание ветра. Разделаться с бессмысленной просьбой Уильяма. Коротко поклонившись, Гаррен, ни сказав больше ни слова, вышел на залитый солнцем двор и увидел, что Доминика указывает на него пальцем.

— Вон он.

Паломники, все как один, обратили на него полные надежды взоры.

— Нам нужен ведущий, — произнес курчавый юноша. Он держал за руку девушку, похожую на него словно сестра-близнец. — Им должен быть Спаситель.

Люди столпились вокруг него в ожидании ответа, безликие, как стадо овец. Гаррен досадливо поморщился.

— Согласен, — кивнул он. — Не сомневаюсь, что Спаситель Иисус всю дорогу будет освещать нам путь. — Вот. Кажется, у него получилось соорудить подходящий ответ.

— Нет, — сказал юноша. — Спаситель. То есть — ты.

Спаситель. То есть — ты.

Какое глумление над Всевышним. Гаррен подавил усмешку.

Между тем десять лиц, освещенных лучами утреннего солнца, не сводили с него выжидательных взглядов. Маленькая монахиня. Молодые супруги, которые жались друг к другу. Толстуха не первой молодости. Двое братьев. Хмурый человек со шрамом. Юный оруженосец. Еще один мужчина, высокий и такой тощий, что малейший порыв ветра мог, наверное, сбить его с ног.

И Доминика. Рот приоткрыт, лицо озарено верой — в него.

Никто из них не был способен ни защититься от дорожных грабителей, ни добыть себе пищу в лесу. Никто из них не умел выживать.

Никто, кроме него, наученного войной.

— Ладно. Я поведу вас, — вздохнул Гаррен. — Но только потому, что хочу добраться до места без приключений. — И как можно скорее вернуться назад, чтобы застать Уильяма живым. — А не потому, что я какой-то Спаситель.

— Спаситель? Это кого же ты спас? — проворчал человек со шрамом. Ну, хоть кто-то перед ним не заискивает. Гаррен всмотрелся в изуродованное лицо в обрамлении седых, жестких как проволока, волос. Сколько ему лет? Сорок, шестьдесят? Сколько бы ни было, жизнь явно его потрепала. — Меня уже никому не спасти. Ни человеку, ни Господу. — И он, развернувшись, потопал прочь.

По лицам паломников — будто ветерок по траве — пробежало смущение.

— Что-что? — Толстуха вытянула шею. — Говорите громче. Я глуха на правое ухо, но левым слышу прекрасно, — сообщила она во весь голос и, повернув голову, продемонстрировала свое левое ухо. — Кто-нибудь уже ходил по этому пути? А то, когда я ходила на поклон мощам апостола Иакова в Компостеле, проводник нам попался неопытный, и мы неделю блуждали в Пиренеях, покуда не...

Пока она верещала, Гаррен ощутил тяжесть свинцовой ракушки на своей груди. Услышал ли апостол Иаков молитвы этой женщины?

Доминика похлопала толстуху по плечу, привлекая ее внимание.

— Сестра Мария ходила к усыпальнице Блаженной Ларины, и не один раз.

— Ника, прошу тебя... — Маленькая монахиня тронула ее за локоть.

Ника. Ее называют Никой. Он тронул языком нёбо, повторяя про себя ее имя.

Толстуха оглядела ее с головы до пят.

— И не один раз, говоришь? Тогда пусть она и ведет нас, а не этот ваш Спаситель.

Все, включая Гаррена, дружно рассмеялись, что несколько разрядило обстановку после выпада сердитого человека со шрамом.

Посмеиваясь, толстуха приблизилась к нему вплотную. На ее шее, позвякивая о золотой крестик и оловянную бляшку с изображением святого Фомы Кентерберийского, висела ракушка из Компостелы. Она ощупала его плечи с таким видом, что впору было почувствовать себя племенным жеребцом, к которому приценивается покупатель.

Доминика ахнула, забавно возмущенная непочтительным обращением с его персоной.

— Что ж, похоже, парень ты крепкий, — сказала женщина. — Вон какие широченные у

тебя плечи да сильные руки. Сражался при Пуатье?

Во рту возник привкус французской грязи, и он сжал кулаки.

— Да.

— Великая битва и великая победа. И еще ты вернул графа Редингтона к жизни. — Она одобрительно кивнула. — Господь хранит тебя, а значит заодно приглядит и за нами.

«Господь», — подумал Гаррен, снимая с себя ее руки, — «не имеет к этому никакого отношения».

— Я солдат, а не святой. Ваши души — ваша собственная забота. — Спина заныла, словно вместе с тяжелым мечом он взвалил на себя ответственность за этих людей. — Берите еду и собирайтесь. Через час мы выходим.

Паломники, кроме Доминики и монахини, как воробьи разлетелись по сторонам. Все из-за нее, из-за этой девицы. Это она надоумила их возомнить его Спасителем. Надо сейчас же положить этому конец.

— Доминика... — заговорил он.

Завидев его сердитое лицо, она отвернулась.

— Я схожу за нашей едой, сестра, — торопливо бросила она через плечо и убежала на кухню, а лохматый черный пес помчался за нею следом.

— Полагаю, ее вера стала для вас нежеланным бременем, — молвила маленькая монахиня.

С минуту он изучал ее. В своем длинном мешковатом одеянии эта миниатюрная женщина напоминала ребенка, который надел материнское платье. Выцветшие голубые глаза смотрели устало. Если верить матери Юлиане, она хотела, чтобы Доминика присоединилась к ордену. Знать бы, насколько это правда.

— Спасибо, что согласились вести нас, — добавила она. — Знаю, для вас это было непросто.

Гаррен вздрогнул. Если она думает, что он надел балахон паломника по своей воле, то глубоко заблуждается. Он пошел на это ради Уильяма, а не затем, чтобы его превозносили до небес.

— Просто я не тот, за кого меня принимают, сестра.

— Это можно сказать о любом из нас, дитя мое. — Он не помнил, когда его в последний раз так называли. — Только Господь знает нашу подлинную сущность.

— Тогда Он знает, что я мошенник. Обманщик. Плут. Я не настоящий пилигрим, сестра. — Он с иронией бравировал своим положением, словно видел в нем повод для гордости. — Меня наняли за деньги.

Чтобы поклониться святыне и сделать кое-что еще, в чем он не мог признаться.

— У всех пилигримов есть секреты, — нараспев сказала сестра Мария. Она явно почувствовала в его ответе недосказанность, но не стала допытываться, о чем он умолчал. — Господь все равно любит нас, что бы мы ни скрывали.

Он вперил взгляд в ее лицо. Не содержат ли ее слова скрытого смысла? Кажется, нет. Она не знает, какую судьбу настоятельница уготовила для ее драгоценной Ники.

— Сестра, вы провели всю жизнь вдали от мирских искушений. Неужели и у вас есть секреты?

— И с Божьей помощью я их сохраняю.

Размышляя над значением ее слов, Гаррен невольно позавидовал стойкости ее веры. Эта вера заключалась не в лицемерном оправлении обрядов, но жила глубоко в ее сердце. Бог не

обманывал чайный сестры Марии. По крайней мере, до сих пор. Если бы все церковники были такими, он и по сей день был бы в монастыре. И был бы счастлив отпустить туда Доминику.

— Вы называли ее Никой, — произнес он, борясь с чувством вины за то, что ему предстояло сделать.

Сестра Мария изменилась в лице.

— Что вы сказали?

— Я спросил, почему вы называете ее Никой.

Она улыбнулась, и вокруг ее глаз собрались морщинки.

— Я знаю ее с самого рождения. Так она называла себя, когда училась говорить.

— С самого рождения? Но я думал... — Он осекся. Не стоит давать ей понять, что он обсуждал девушку с матерью Юлианой.

— Я сказала «с самого рождения»? Я имела в виду — с того дня, когда Господь поручил ее нашим заботам. — Слишком низенькая, чтобы достать до его плеча, она мягко потрепала его по руке. — А теперь Он препоручил ее вам.

Все. Довольно напоминаний о его грядущей подлости.

— Сестра, выходит, это не первое ваше паломничество?

— Четвертое. Я ходила в год Черной смерти, чтобы помолиться о душах, которые были на попечении старого графа. Правда, и граф, и сестра, которая сопровождала меня, тогда умерли. — Ее глаза затуманились скорбью. — Но остальных Блаженная Ларина уберегла. С тех пор мы ежегодно отправляем кого-нибудь поблагодарить ее за спасение. И еще раз я ходила в год избрания Папы Иннокентия.

— А третий?

Сестра Мария отвернулась и устремила взор в сторону кухни.

— Третий... очень давно. — Она взялась за посох, тяжело навалилась на него и сделала шаг. — А теперь, если позволите, мне нужно взять мои вещи.

Он посмотрел ей вслед. В каждом ее движении сквозила боль. Пусть она принимала паломничество и раньше, но раньше она была моложе.

— Сестра, — окликнул он ее, — можно попросить вас об одном одолжении?

— Меня? О каком же, дитя мое?

— Знаю, вы бы предпочли идти пешком наравне со всеми, но... — Но что? Какое оправдание сочинить, чтобы уговорить ее пожалеть свои больные ноги? — Но мой конь Рукко привык нести на себе седока. Идти порожним для него непросто. — Боевой конь и не заметит веса ее хрупкого тела, но ей об этом знать необязательно. — Кроме того, вы единственная бывали в этом путешествии раньше. Если вы поедете верхом, то сможете смотреть за дорогой и направлять нас.

— Благослови вас Бог за вашу доброту. — Она лукаво улыбнулась, и на ее щеках показались ямочки. — И вправду, зачем мучить бедное животное? Оно же не виновато в том, что его хозяину наскучило ехать верхом. Я как раз молилась о том, чтобы Господь помог мне перенести тяготы путешествия, и вы тут как тут.

— Не путайте мою помощь и помощь Всевышнего, сестра. Это совершенно разные вещи. — Как ни жаль, но скоро она в этом убедится.

— Иногда Божья помощь приходит с самой неожиданной стороны.

«И Божье наказание тоже», — подумал он.

Доминика протиснулась в темную, прокопченную дымом кухню, и у нее разбежались глаза. Тушки кроликов, лесных голубей, жирных гусей свисали с потолочных балок в изобилии, какого ей еще не доводилось видеть. Запах подсохшей крови смешивался с ароматом свежее испеченного хлеба. Поварята сновали туда-сюда, удирая от окриков повара, как она сама только что удрала от гнева Спасителя.

Он злился на нее, как будто это Доминика рассказала тому приятному юноше и его жене, как он воскресил лорда Уильяма из мертвых. А даже если и так, то что? На его месте она бы гордилась тем, что совершила чудо. Впрочем, может быть, он и прав, ведь, как любила говаривать матушка Юлиана, гордыня предшествует гибели.

— Не все сразу! Встаньте в очередь! — рявкнул повар. Из глубин кухни выбежал его маленький помощник и добавил к горе сыра и разномастных, покрытых землей овощей, сваленных в кучу на столе, буханку вчерашнего хлеба. — Хорошо бы граф предупреждал о своих добродетельных намерениях загодя.

Послушно пристроившись за глуховатой толстухой, Доминика с невольной завистью принялась рассматривать ее пошитый из тонкой шерсти балахон. Та косилась из-под ресниц на высокого и тощего мужчину, стоявшего рядом.

Он ответил на эти знаки внимания улыбкой и согнулся в поклоне.

Доминика торопливо опустила глаза долу. Заметив на полных лодыжках толстушки алые чулки, она опешила. Разве честным женщинам пристало носить столь яркие цвета? Кто она? Может быть, раскаявшаяся блудница?

— Хорошая пища крайне важна для баланса жизненных соков, — сообщил высокий мужчина.

Толстуха приложила ладонь к здоровому уху.

— Сударь, вы, случайно, не лекарь?

— Меня зовут Джеймс Ардерн, — ответил мужчина и снова отвесил поклон. — Я действительно лекарь и прибыл сюда из Сент-Джона.

— Ах, какая удача, что вы идете с нами!

— А вы, сударыня, откуда будете? — спросил он.

— Из Бата, — ответила она. — Я Агнес Кроптон, вдова. — И когда Лекарь направился к выходу, кокетливо помахала пальцами ему на прощание.

Вдова. «Не судите, да не судимы будете», — напомнила себе Доминика, глубоко раскаиваясь в том, что мысленно оговорила почтенную вдову, и пробормотала:

— Соболезную вашему горю.

— Которому именно?

— Смерти вашего мужа. О, простите... И вашей глухоте, конечно же, тоже. — Доминика вздохнула, скучая по тишине монастырской обители. Общаться с Богом было проще, чем с незнакомыми людьми.

— Я имела в виду, которому из мужей. — Повар отвернулся, и она мигом стащила кусочек сыра и сунула его в рот. — Что касается моей глухоты, то такой меня сделал мой второй муженек. Дрянной он был человек. Бил меня смертным боем, и по голове тоже. Спасибо, Господь быстро прибрал его. — Она выразительно кивнула. — Но это было очень давно.

— Следующий! — крикнул повар, и Доминика подпрыгнула на месте.

Вдова между тем продолжала:

— Хорошо, что среди нас есть лекарь. Какие только напасти не случаются в путешествиях. Вот когда я была в...

Повар дернул Вдову за рукав.

— Я сказал «следующий». Ты что, глухая?

— Представь себе, да! — огрызнулась та. — Храни тебя Бог за твою прозорливость.

Недовольно брюзжа, Повар сунул ей в руки кулек с овощами.

— И уберите отсюда собаку! — прикрикнул он на Доминику. — Вот, полюбуйтесь, он уже стащил кусок сыра! А ну, пошел вон! Животных не кормим.

Иннокентий не дотянулся бы до стола, даже вытянувшись во весь свой невеликий рост, но Доминика не стала спорить. Одной рукой подхватив пса, она забрала три оставшихся свертка с провизией.

— Это для сестры Марии и Спасителя, — пояснила она сварливому повару и поспешила догнать Вдову. — На сегодня я и сама была бы не прочь оглохнуть, — удрученно простонала она.

— Глухота порой очень удобна — особенно когда рядом кто-то докучливый, — хмыкнула та. — Откуда ты, милочка? Как тебя зовут?

— Доминика. — Щурясь на солнце, она огляделась в поисках сестры Марии и Спасителя и отпустила пса. — Я живу здесь же, в монастыре.

— Ты не похожа на монахиню.

— Я еще не монахиня. Но совсем скоро ею стану. — От одной только мысли об этом на ее губах расцвела улыбка.

Вдова фыркнула.

— С такой-то внешностью и в монашки?

Встреппенувшись, Доминика принялась ощупывать свое лицо — проверила щеки, нос, подбородок, даже подергала себя за уши. Настоятельница говорила, что у нее пугающие глаза. Неужели и остальные черты ее лица столь же неприятны? Может быть, в ее внешности есть изъян, о котором она не знает?

— Со мной что-то не так? У нас в монастыре нет зеркал.

— Все очень даже так. — Вдова ущипнула ее за щеку. — Улыбайся почаще, девочка. Вот так, покажи свои ямочки. Не волнуйся. Ты без труда найдешь себе суженого.

— Но я не хочу замуж. Я хочу быть монахиней.

Вдова Кроптон недоверчиво, даже осуждающе покачала головой.

— Монастырь — прибежище на самый крайний случай, милочка. Такой хорошенькой девушке негоже хоронить себя в келье.

«Не хоронить, а распространять слово Божье», — поправила ее Доминика мысленно, но вслух ничего не сказала. Кто она такая, чтобы объяснять людям планы Всевышнего.

— Вы идете поклониться Блаженной Ларине, чтобы она вернула вам слух? — спросила она, меняя тему.

Вдова усмехнулась.

— И поэтому тоже. — Она приложила ладонь к своему пышному бюсту, на котором висели привезенные из разных святыниц бляхи. — Ни апостол Иаков, ни святой Фома мне не помогли, но, быть может, надо мной сжалится добрая Ларина.

— Значит, вам уже доводилось посещать святыни? — Она, наконец, нашла взглядом

сестру Марию, которая вместе со Спасителем стояла у его гнедого коня.

— Пять раз. — Вдова от души рассмеялась. — Сколько раз вдовела — столько и ходила.

— Вы вдовели пять раз? — изумилась Доминика. — Что же случилось с вашими мужьями?

— Умерли. Впрочем, все они были много старше меня. — Она потерла дряблую шею. — Мужчины — существа хилые, моя милая. Не полягут в сражении, так помрут от оспы или утонут в реке, а то упадут с лошади и сломают себе шею.

Доминика невольно перевела взгляд на сэра Гаррена. Он закатал рукава, обнажив до локтей загорелые руки, и закреплял на седле мешок со скарбом. Нельзя было не обратить внимания на то, как играют мышцы под его кожей. Вот уж кого не назовешь хилым. По сути, он совершенно ничем не напоминал изображения худых и бледных святых на стенах часовни. Скорее его можно было сравнить с крепким, надежным дубом.

Однако, Вдова, несомненно, разбиралась в мужчинах куда лучше ее.

— Значит, сейчас вы одиноки?

— Именно так, иначе меня бы здесь не было. В Бате слишком тихая жизнь, милочка. Там никогда ничего не происходит. — Вдова лукаво ей подмигнула. — Это вторая причина, по которой я отправилась в путь.

— В монастыре тоже тихая жизнь, но я очень хочу там остаться. — Наедине с тишиной и Богом. — Я еще ни разу не покидала обитель.

— О, тогда тебе столько предстоит узнать и увидеть! В дороге никогда не угадаешь, что принесет с собой новый день. Правда, знай я, что в этом походе будет столько правил, то пожалуй, осталась бы дома. Подумать только, идти пешком! Да еще в этих серых балахонах. Когда я ходила на поклон апостолу Иакову в Компостеле, мы ехали на ослах и в Испанию, и обратно, и никто не видел в этом ничего зазорного.

Кивнув, Доминика снова обеспокоенно посмотрела на сестру Марию. Если все сложится благополучно, хорошо бы вернуться назад ко дню святого Свитина, но сестра в последнее время передвигалась с большим трудом, а от предложения Доминики ехать верхом на осле отказалась.

— Как его зовут? — громогласно спросила Вдова, отвлекая ее от тревожных мыслей. — Этого вашего Спасителя.

— Сэр Гаррен.

— Он чем-то напоминает моего четвертого мужа. — Она похлопала Доминику по руке. — Я любила его крепче всех. В браке бывает всякое, милочка, но до чего приятно, когда твою постель согревает мужчина.

— Он же Спаситель! — Слова Вдовы были кощунственными, как и странное волнительное ощущение, которое она испытала при мысли о сэре Гаррене, согревающем ее постель. Она было собралась напомнить Вдове, что готовится принять постриг, и никакие мужчины ей не нужны, но та, приметив на другом конце двора Лекаря, проговорила:

— Извини. Схожу-ка узнаю, не захватил ли он с собой майоран. Мне понадобятся припарки против отекаания ног.

Оглянувшись, Доминика увидела, как сэр Гаррен подсаживает сестру Марию в седло. Он обращался с нею так же ласково и заботливо, как недавно с лордом Уильямом.

Она облегченно вздохнула, обрадованная тем, что сестра поедет верхом. Как у него вышло уговорить ее? Впрочем, ничего неудивительно. Он Спаситель, вот люди к нему и прислушиваются.

Надо будет непременно поблагодарить его. Но позже, когда уляжется его хмурое настроение. И ее страх.

Несмело приблизившись к огромному боевому коню, Доминика протянула сестре Марии ее долю припасов, а второй сверток передала, не поднимая глаз, Спасителю. Обращаться к нему с благодарностью она была пока не готова. Сперва следовало тщательно подобрать слова.

В полдень паломники вышли в путь. Возбужденно переговариваясь, они миновали подъемный мост замка и повернули на запад, следуя за Спасителем, который вел под уздцы Рукко. В седле, свесив ноги на одну сторону, покачивалась сестра. Доминика шла по другую сторону этого внушительного животного, так что корпус коня закрывал девушку от его хозяина. Рядом, держась на безопасном расстоянии от лошадиных копыт, бежал Иннокентий.

Между замком и монастырем во всех направлениях желтели и зеленели знакомые поля. Но с каждым шагом на запад монастырь становился все дальше. Вскоре Доминика уже не узнавала местность. Над ее ухом монотонно зудела Вдова, заглушая пение жаворонков бесконечным повествованием о своих предыдущих паломничествах. После ее детального рассказа о пути через пролив до Кале Доминике почудилось, что она сама забрела во Францию — таким незнакомым стал окружавший ее пейзаж.

Ноги ее быстро устали. Впору было позавидовать выносливости Рукко, могучие мышцы которого слаженно перекачивались под рыжеватой шкурой. Она вытянула шею и нашла глазами Спасителя. Как и его конь, он шел упругим, размашистым шагом.

Пока было время, она принялась составлять в уме благодарственную фразу, с которой собиралась к нему обратиться. Конечно, удобнее было бы ее записать, но пергамента у Доминики было в обрез. Хорошо, если его хватит на записи о путешествии. Наконец правильные слова были подобраны. Несколько раз она мысленно повторила их в такт своему шагу. Осталось дожидаться, когда они со Спасителем останутся наедине. Только тогда — чтобы не услышала сестра Мария — она произнесет их вслух. Монахиня не любила, когда вокруг нее суетились.

К моменту, когда Спаситель объявил о привале, Доминика взмокла под своим шерстяным балахоном, как истомившаяся в печи булочка. Он помог сестре спешиться, и она заметила у него подмышками влажные пятна. «А ему тоже жарко», — подумала она с удивлением. Кто бы мог подумать, что такая святая душа обитает в обычном грешном теле, которое потеет не меньше ее собственного.

Тайком за ним наблюдая, она увидела, как он зашел за дерево, чтобы облегчиться. Выходит, и ему приходится удовлетворять телесные нужды. Потрясенная, Доминика представила его за этим занятием, и ее щекам стало жарко, но уже не от солнца. Она поспешила прогнать греховную картинку из головы и попросила небеса о прощении.

Когда Спаситель вернулся, а сестра скрылась в зарослях кустарника, она подошла к нему и, готовая заговорить, запрокинула голову. Со своим ростом она нечасто смотрела на мужчин снизу вверх, но он был почти таким же высоким, как лорд Уильям, и намного выше аббата.

Собравшись с духом, она выпалила зазубренную благодарность:

— Спасибо за то, что уговорили сестру Марию ехать верхом. Даже в столь малом деле вы проявили себя как Спаситель.

— Никакой я не Спаситель! — процедил он сквозь зубы, кажется, еле сдерживаясь, чтобы не накричать на нее, и мельком оглянулся на остальных. — И перестаньте талдычить об этом людям.

— Но вы спасли лорда Уильяма! — К продолжению разговора она не готовилась, и слова вылетали из ее уст сумбурно. — При Пуатье, где наш доблестный Черный Принц с Божьей помощью одержал победу.

— Ну, если это Бог наслал на французов трусость... — На его лицо, как туман поутру, набежало пасмурное выражение. Почему он сердится? Что плохого она сказала?

— Но это было истинное чудо! — Доминика говорила уверенно, ибо слышала немало рассказов о той славной победе. — Нас было втрое меньше, мы были окружены, и все же французы пали, словно их поразила невидимая рука.

— Я верю только вот этим рукам. — Он предъявил ей свои ладони. Большие, квадратные, загрубевшие, они, как она уже отмечала дважды, умели быть необычайно ласковыми. — Это они, а не Бог, принесли Редингтона домой.

В ее воображении все было иначе. Доминика представляла, как над лордом Уильямом появляется ангел в белых одеждах, простирает свою тонкую длань, и тот оживает и поднимается над землей. Оказалось же, что его вынесли с поля, взвалив на плечи, как мешок с мукой.

— Пусть так, но с Божьей помощью. — Она перекрестилась. — Все это знают.

Он опустил руки и раздраженно вздохнул.

— Никто ничего не знает. На самом деле я всего лишь вернул ему долг.

Она мигнула.

— Лорд Уильям тоже воскресил вас из мертвых? — Граф, конечно, был сильным и добрым господином, но о том, чтобы он умел воскрешать людей, она не слыхала. — Я думала, он подарил вам лошадь.

Он надолго замолчал, будто переместившись мыслями в прошлое.

— Он подарил мне новую жизнь.

За раздумьями о том, не спросить ли, что он имеет в виду, Доминика не сразу заметила, как Иннокентий с лаем перебежал через дорогу и на своих коротеньких лапках погнался по полю за кроликом. Безбрежное зеленое море пшеницы мигом поглотило и кролика, и его косматого преследователя.

— Вернись немедленно! — вскричала она и подхватила юбки, чтобы броситься за ним следом, но Спаситель удержал ее за руку.

— Он терьер. Не будете же вы бегать за ним всякий раз, когда ему вздумается поиграть в догонялки. — Губы Спасителя дрогнули в улыбке.

— Но он может потеряться! Он же никогда не бывал за пределами монастыря. — Как он найдет дорогу назад, если даже его владелица не представляет, где они находятся? И половины дня не прошло, как они в пути, а окружающий мир уже пугает ее.

Лай Иннокентия затих где-то вдалеке, а Вдова, которая шла позади, засмеялась.

— Надо было наказать ему, чтобы добыл нам ужин.

— Но он так любит репу... — чуть не плача, проговорила Доминика. Вспомнив, сколько раз ее питомца заставляли в огороде с носом, выпачканным в земле, она закусила губу. Вдруг он не вернется? — Где он найдет репу, если убежит?

Теплые пальцы Спасителя все еще держали ее за запястье.

— Пусть побеждает на воле. Ничего с ним не станется.

— А если он не вернется? Кто будет о нем заботиться? — Скорее бы вернулась сестра. Она-то ее понимает.

— Пес, у которого оторвано ухо, в любом случае не пропадет, — ответил он, так и не отпуская ее. Под его пальцами пульс ее забился чаще.

Она с грустью вспомнила, как его единственное ушко стояло торчком, напоминая рог единорога, как оно подрагивало, когда он гонялся за своим хвостом. Если он пропадет, как ей пережить эту потерю?

Подошла сестра Мария, и пока Спаситель усаживал ее в седло, Доминика сбивчиво поделилась с ней своим горем.

— Если ему суждено вернуться, Господь приведет его назад. Лучше скажи, ты о нем помолилась?

Доминика пристыженно покачала головой. Она не знала, есть ли у Всевышнего время отвлекаться на поиски пропавших собак.

К ним приблизился оруженосец — миловидный юноша, своими белокурыми локонами напоминавший ангелов на фресках. Смерив Доминику ироничным взглядом, он выпятил грудь и подошел к Спасителю вплотную, всем своим видом демонстрируя, что он здесь не последний мужчина. Наверное, ему хочется доказать, что он уже взрослый, подумалось Доминике.

— Сэр Гаррен, нам пора идти. Мы же не будем сидеть и ждать, когда вернется собака?

Сэр Гаррен — хотя было сложно даже мысленно называть его таким именем — улыбнулся, обнаруживая терпение, которого ему хватало на всех, кроме нее.

— Мы будем сидеть здесь, покуда я не решу иначе. — В его интонации прозвучали стальные нотки — чуть слышные, но вполне ощутимые для того, чтобы и Саймон, и все остальные вспомнили, кого они выбрали главным и чьих приказов должны слушаться. — Почему бы тебе, юный Саймон, не обойти кусты и не проверить, все ли на месте?

И юный оруженосец с пылающими ушами зашагал к леску.

Не прошло и минуты после его ухода, как из молодой пшеницы высунулась лохматая запыхавшаяся мордочка со свисающим из пасти розовым языком. Подбежав к Доминике, пес волчком закружился вокруг нее, вымаливая прощение, и она подхватила его на руки и крепко прижала к груди.

— Плохой, плохой пес.

Сестра Мария, наклонившись, почесала его за ухом.

— Не надо, не хвали его, — нахмурилась Доминика. — Пусть запомнит, что убежать нехорошо.

— Вот видишь, дитя, все обошлось. Ты должна не терять веры.

В Бога или в Спасителя, который дал Иннокентию время вернуться?

— Вот. — Доминика протянула сестре кудлатый клубок шерсти. — Держи его у себя и не отпускай.

Монахиня вопросительно взглянула на Спасителя.

— Лошади не любят собак, дитя мое.

— Рукко относится к ним вполне терпимо, — ответил он. Легкая улыбка витала вокруг его губ.

— Хорошо, но до самого Корнуолла верхом он не поедет, — предупредила сестра, устраивая, однако, Иннокентия перед собой, и когда паломники продолжили путь, он утомленно раскинулся у нее на руках.

И не угадаешь, откуда ждать угрозы, думала Доминика, споро шагая вперед, словно от тревог можно было убежать. Она знала, что в путешествиях случаются ужасные напасти, вроде нападения диких кабанов или даже драконов, но и не предполагала, что может потерять Иннокентия.

Спаситель поравнялся с нею и сбавил шаг.

— Не тревожьтесь вы так за своего пса. — Голос его был согрет нотками сдержанного веселья. — Судя по его оторванному уху, рос он не в монастыре и до вашей с ним встречи многое повидал.

Украдкой на него оглянувшись, Доминика поймала себя на мысли, что чем чаще она на него смотрит, тем сложнее представлять его с ангельскими крылами за спиной.

— Как и вы.

Он не нахмурился, но его лицо переменилось, будто подернулось непроницаемой пеленой.

— Как любой солдат.

Он был далеко не «любимым солдатом», однако разговоры о его особенных отношениях с Господом, похоже, раздражали его.

— Вы много поездили по свету?

— Достаточно. — Он был по-монашески скуп на слова.

— Расскажите мне о Божьем мире.

— Вы никогда не выходили за пределы монастыря?

— Только в замок. — Об этих визитах Доминика предпочитала не вспоминать. Точнее, только о тех, когда она сталкивалась с лордом Ричардом. — А это правда, что за морями живут драконы?

— Дальше Франции я не заезжал. Спросите Вдову Кроптон, у нее получается описывать дальние страны лучше меня. — Улыбка смягчила резкие черты его лица. В отличие от суровых святых, он, кажется, терпимо относился к человеческим слабостям. Только ей одной он не делал поблажек. — Но не будем об этом. С очаровательной леди не принято беседовать о войне, тем более таким погожим летним днем.

Доминика подозрительно на него покосилась. Уж не насмешничает ли он над нею? Но нет, глаза его смотрели по-доброму и уже не сердито, и тогда она — хоть и не была леди — приосанилась и перебросила косу через плечо, на миг призадумавшись, не впала ли она во грех тщеславия.

— А о чем принято беседовать с леди? — спросила она. — У нас в монастыре не дозволены праздные разговоры. — Настоятельница отчитывала Доминику всякий раз, когда она открывала рот. Когда же она писала, пергамент безропотно принимал любые ее слова.

— О красотах природы. — В его голосе появилась хрипотца. — Или о красоте ее глаз.

Изумленная, она остановилась и подняла на него голову. И натолкнулась на взгляд темно-зеленых глаз, опущенных длинными, густыми ресницами. Этот взгляд завораживал ее, проникал в самое нутро, обволакивал ее сердце.

Повинуясь инстинкту, она обратила взор на истертые камни дороги, и ноги снова понесли ее вперед.

— Матушка Юлиана называет мои глаза дьявольскими.

Он проворчал что-то неразборчивое.

— Такого не позволит себе ни один истинный рыцарь. Скорее, он сравнит ваши глаза с мерцающей синевой предрассветного неба.

— А ваши похожи на зеленую листву, сквозь которую проглядывает бурая кора деревьев.

У него вырвался резкий, как пощечина, смешок. Видимо, она опять ляпнула что-то невпопад.

— Вот уж не ожидал такого ответа, — улыбнулся он.

Ну, по крайней мере, она его не рассердила.

— Почему? Вы описали мои глаза. Разве я не должна была описать ваши?

— Нет. Вам следовало засмущаться и покраснеть.

И она засмущалась и покраснела.

— Мне редко доводилось беседовать с мужчинами, и я не знаю всех правил. Уж очень они, мне кажется, причудливые.

Он сощурился на солнце.

— Мир вообще довольно причудлив.

— Вот поэтому мое место в монастыре. Хотите, поговорим о Боге? — с надеждой спросила она. — Эта тема будет приятна для нас обоих.

— Только не для меня.

Монастырские правила касательно молчания были строгими, но позволяли избегать таких неловких ситуаций. Может, спросить о его родном доме и семье?

— Где прошло ваше детство?

Острый взгляд.

— Не имеет значения.

Она вспыхнула, но уже не от смущения. Ее обуял грех гнева.

— Я опять сказала что-то не то? Но вы сами предложили поговорить. Если краснеть да смущаться, то серьезного разговора у нас не получится.

Щекам стало жарко под его быстрым, обжигающим взглядом.

— Оно и не предполагалось.

Смысл этих слов был непонятен, как когда-то давно латынь. Она ощутила себя неудобно. И затосковала по привычному течению жизни в монастыре, где каждой минуте на протяжении дня было отведено свое дело. Где не нужно было сомневаться в словах, ибо все они воспевали Бога.

— Если мое присутствие вам неприятно, то мне лучше удалиться. Еще раз большое спасибо за вашу доброту к сестре Марии.

Отвернувшись от него, она дождалась Вдову и все оставшееся время шла рядом с нею. Та болтала без умолку, по счастью, не требуя, чтобы ей отвечали, и к вечеру Доминика знала во всех подробностях о ее путешествии от Кале до Парижа на пути к Компостеле.

А еще она долго думала, что же написать о Спасителе, но так ничего и не придумала.

«Я все испортил», — думал Гаррен, в одиночестве шагая навстречу заходящему солнцу. — «Она больше никогда не заговорит со мной».

По привычке он то и дело поглядывал по сторонам и прислушивался к незнакомым звукам, ибо даже здесь, на земле Редингтонов, паломники не были защищены от воров. Но

вокруг не было ни души. Только желтоглавые лютики качались на тонких, высоких стебельках, и весело чирикали воробьи.

Никто из паломников не осмеливался к нему приближаться. Все они шли позади, скупившись вокруг Вдовы и слушая ее трескотню. До него долетел смех Доминики. Это он — он и больше никто — должен был смешить ее, но вместо этого, растеряв всю свою обкатанную во Франции галантность, повел себя как раздражительный боров и спугнул ее.

Впрочем, не он один в этом виноват. Как можно очаровать девицу, которая не ведает правил игры и непрестанно возводит очи к небесам, отказываясь замечать земные радости?

Наслаждаясь моментом покоя, он вдохнул полной грудью сладкий английский воздух. Жить сегодняшним днем — вот и все, что ему осталось. Вспоминать прошлое слишком болезненно. Что касается будущего... Никакие потуги при жизни заработать себе место в раю не принесут плодов. Господь одинаково жесток ко всем — и к грешникам, и к праведникам.

Доминика определенно была праведницей. А может, просто еще не сталкивалась с соблазном. Ничего. Скоро он это исправит. Одного взгляда на ее бездонные синие глаза было достаточно, чтобы понять: рано или поздно кто-нибудь совратит ее. Так почему не ему быть первым?

Он позволил себе развить эту мысль до конца. Ника в его объятьях, медовая река ее волос струится по его телу... Полные, налитые груди вздрагивают под его губами... Хорошо, что он идет впереди, и никому не видно, как его плоть отозвалась на эти фантазии.

Его влекло к ней. Влечение упрощало его задачу, но не было обязательным условием. Как ему самому необязательно было нравиться шляхам, которых он покупал на Роуз-стрит. Как и они, он согласился на это ради денег.

Гаррен почувствовал себя нечистым.

Нет. Дело было не только в деньгах. В нем видели либо святого, либо грешника. Орудие Божье или жадного до наживы наемника. Он не был ни тем, ни другим. Кем бы его не считали, не деньги были ему нужны.

«Мое место в монастыре», — сказала Доминика. А где его место? Не в монастыре, это уж точно. Где прошло твое детство, Гаррен-из-ниоткуда? Гаррен Бездомный. Гаррен Никто.

Дом. Сейчас и не вспомнить, как он выглядел. Серая каменная твердыня под серыми небесами. Раскидистые кроны деревьев. Неизменный на протяжении года лес. Одна башня или две? Всегда начеку. Всегда в ожидании нападения с любой стороны нечеткой границы. Крики английских солдат вперемешку с боевым кличем шотландцев. В шесть лет он уехал и вернулся только одиннадцать лет спустя — на несколько жутких недель, когда на землю черным ливнем обрушилась Смерть.

Запах вереска иногда воскрешал в его памяти картинки из детства. Его матери нравился запах вереска. Она даже набила его высушенными цветами подушечку, сидя на которой Гаррен слушал ее рассказы о том, как Христос творил чудеса, обращал воду в вино и преумножал хлеба.

Глупые сказки. Он понял это вовремя, как раз перед тем, как ему предстояло принести обет бедности, целомудрия и послушания.

Он прогнал непрощенные воспоминания. Прошлое есть прошлое. Его не изменишь и не вернешь. Нужно жить сегодняшним днем. Он окинул взглядом земли Уильяма. Зеленые поля — каждое обсажено по краю деревьями — мягко обнимали покатые холмы. Синие, желтые бабочки густо роились над душистыми травами. Каково это — считать своим домом эту

щедрую, плодородную, сладкую землю? Ее не топтали сапоги захватчиков. Реки крови не оскверняли почву. Девять поколений подряд дикие крики солдат, живых или умирающих, не заглушали щебета воробьев.

Он невольно завидовал Уильяму и мечтал однажды тоже возыметь роскошь ступать по своей земле. Быть может, потом, когда он сполна вернет Уильяму долг, когда тот умрет, а Ричард его прогонит... Может, тогда где-нибудь сыщется клочок земли, брошенной или ничейной, которую можно сделать своей, была бы воля и сильные руки.

Но это значило, что сперва нужно уложить девицу в постель. Впредь он будет с нею галантным и обаятельным, и она — как любая деревенская девчонка — не устоит. Главное, не смотреть ей в глаза, когда она раздвинет под ним ноги.

Держись вежливо и обходительно.

В сознании эхом прошлого прошелестели слова матери, и он тряхнул головой. Ему будто снова было шесть, и он, уже в седле, уже готовый двинуться в дальний путь, слушал ее последние наставления.

Как только стемнело, Гаррен, все еще погруженный в размышления, распорядился разбить около дубовой рощицы лагерь и установил среди паломников очередность ночных дежурств. Переутомлять их — и в особенности сестру Марию — в первый же день не хотелось. Впереди их ждала долгая, непростая дорога.

Поблизости нашелся ручей. Ледяной водой Гаррен ополоснул лицо и обтер шею, настраиваясь улучшить момент и заговорить с девушкой.

Держись вежливо и обходительно. Всевышний приглядит за тобой.

Всевышнему предстояло за многое ответить. Но с юной Доминикой совет матери мог пригодиться.

Пристроившись неподалеку от костра, Доминика обвела взглядом лагерь, выискивая среди паломников Спасителя — или сэра Гаррена, если ему угодно, чтобы к нему обращались именно так. Она вообще никак не хотела к нему обращаться. А высматривала его только затем, чтобы ненароком не оказаться рядом. Упаси ее боже еще раз заговорить с ним, когда любые ее слова вызывают у него недовольство.

Она забросила косу за спину и закусил губу. Грешно, наверное, обижаться на человека, состоящего в особенных отношениях с Господом, но сегодня он был с нею настолько невежлив, что она сочла себя вправе избегать его общества.

После того, как он распорядился сделать привал, и пилигримы разделили вечернюю трапезу, сестра Мария собрала всех вместе в импровизированный хор. Было непривычно слушать пение, которое не отражалось эхом от каменных стен. Чистый голос сестры Марии, возносящий хвалу Господу, заразил воодушевлением всех без исключения, даже Вдову, которая по причине глухоты выводила слова невпопад, но с превеликим энтузиазмом. Впрочем, ее пение переносить было проще, чем бесконечную болтовню.

*Верь, и ты воспрянешь на крыльях
Взлетишь, как Ларина, взлетишь, как Ларина;
Верь, и ты взлетишь, как Ларина
Прямо в чертог Его.*

Тихонько подпевая себе под нос, Доминика отбивала такт носком башмака. Гимн напомнил ей, зачем она здесь и что должна обрести в конце своего путешествия: знамение свыше о том, что она может вернуться домой. И она была счастлива этому напоминанию.

Она пересчитала поющих. Сэра Гаррена среди них не было, как и Саймона с человеком со шрамом. Наверное, ходят где-то втроем и охраняют лагерь.

Вдруг словно щит заслонил ее со спины от ветра. Она оглянулась. Позади возвышался сэра Гаррен, высокий и стройный точно дерево.

— А вы почему не поете?

Слова застряли у нее в горле. К новому разговору она была не готова и сомневалась, что вообще сможет с ним заговорить. Но ей задали прямой вопрос. Нужно что-то ответить.

— Матушка Юлиана ясно дала понять, что пение — не самая сильная моя сторона.

Его брови сошлись на переносице. Удивительное дело. Что бы она ни сказала, он сразу начинал хмуриться. Всем остальным, включая Иннокентия, он улыбался. Почему же на нее он реагирует иначе?

— Вам не нравится пение? — осмелилась предположить Доминика.

— Мне не нравится, что оно может выдать наше присутствие вора.

Верхушки дубов за ее спиной зашумели под порывом ветра. На земле закачались тени. Доминика напряглась. Воры. Новый повод для страха. Легко было быть смелой за надежными стенами монастырской обители, где бояться нужно только матушки Юлианы.

— Господь защищает пилигримов. — И вы тоже должны защищать нас, прибавила она мысленно.

Он открыл было рот, потом изобразил улыбку.

— Не бойтесь. — Он отвел прядь волос с ее лба. Она вздрогнула. Ласковое прикосновение странным образом подбодрило ее. — Мы все еще недалеко от земель Уильяма.

Он не рассердился, однако Доминика решила не искушать судьбу и не продолжать разговор. Отвернувшись, она перевела взгляд на паломников и принялась ждать, когда он уйдет.

Но он не ушел. По-солдатски держа спину прямо, он стоял так близко, что она ощущала, как вздымается и опадает его грудь. Интересно, покрыта ли его грудь такой же порослью темных волос, как и руки? Она отчитала себя за неуместные мысли. Даже если он не святой, нельзя думать о нем, как о мужчине. Для монахини это недопустимо.

Услышав слева, над ухом, его негромкий вкрадчивый голос, она вздрогнула от неожиданности.

— Я должен попросить у вас прощения. Я вел себя с вами как грубейший из крестьян, а не как галантный рыцарь.

Упорно отказываясь смотреть на него, она не отводила глаз от костра и надеялась, что он не заметил, как она расплылась в довольной улыбке.

— Я почти ничего не знаю о рыцарях.

Большие, теплые ладони легли на ее плечи. Мягко, но властно он развернул ее к себе. Мерцание костра освещало его лицо, сглаживая жесткий абрис подбородка и суровые морщинки около прищуренных глаз.

— Прошу вас, простите меня. Моему дурному поведению нет оправдания.

Осторожно подбирая слова и пытаясь устоять перед его умоляющим взглядом, она ответила:

— Кто я такая, чтобы судить посланца Божьего.

Он задержал дыхание, словно приготовившись опять ее выбрать, а потом, видимо передумав, вздохнул.

— Ну, по крайней мере вы больше не кличете меня Спасителем. Уже хорошо. — Он склонил голову набок. — Людям следует быть добрее друг к другу. Жизнь и без того достаточно жестока.

Различив в его тоне печаль, Доминика раскаялась в своем мелочном упрямстве. Как настоящий Спаситель, он проповедовал — и практиковал — доброту. Она своими глазами наблюдала его доброе отношение к сестре, да и ко всем прочим. Он просит прощения. Неужели она откажется извинить его за дурные манеры?

— Хорошо. Вы прощены.

Его лицо несколько разгладилось.

— Благодарю вас.

Она никак не могла отвести от него глаз. В какой-то момент они задышали в унисон, и у нее возникло странное головокружительное ощущение, что это неким образом сблизило и объединило их.

Кто-то из паломников позади рассмеялся. Она отошла в сторону и снова отвернулась к костру.

Он откашлялся.

— Почему вы замолчали?

Потому что она не хотела говорить с ним. Не хотела даже находиться рядом. Не хотела чувствовать дрожь в коленках и неуверенность. Она сделала глубокий вдох и с облегчением ощутила, как возвращается дар речи.

— Я не привыкла к долгим беседам. В монастыре можно говорить только с разрешения.

— Ему необязательно знать, что она частенько пренебрегала этим правилом.

— Я даю вам разрешение. — Разрешение? Скорее, приказ.

Чего он от нее добивается?

— Ну, и о чем же нам общаться? — вырвалось у нее. — Мне нельзя говорить ни о ваших глазах, ни о вашей семье, ни о войне, ни о Боге. Рассказать о своих путешествиях я тоже не могу, ибо их не было.

Теперь уже он, как она заметила краем глаза, уставился на костер. Поющие встали в кружок и завели новую песню, а он все не отвечал. Для человека, который жаждал общения, он был не слишком-то разговорчив. Не более ее самой.

— Расскажите о том, как вам живется в монастыре, — наконец молвил он.

Вспомнить о доме было приятно. Она просияла.

— О, я тружусь в огороде, стираю и убираюсь. — Наконец-то никаких хмурых взглядов. Улыбка намертво пристала к его лицу. Может быть, рассказать и о своем увлечении письмом?

Холодный мокрый нос ткнулся в ее лодыжку. Она подхватила Иннокентия на руки и зарылась лицом в его шерсть, вдыхая запахи незнакомой земли, исследованием которой он без устали занимался весь день.

— Еще я кормлю пса. — Шершавый язык лизнул ее щеку. — Нашел репу, дружок?

Сэр Гаррен потрепал лохматую звериную макушку, и пес, оставив ее лицо в покое, принялся вылизывать широкую мужскую ладонь. Рассмеявшись, Доминика повернулась к Спасителю — или к тому, кем он себя считал.

— У вас в детстве была собака?

— Я не помню.

Сперва она решила, что вопросы о детстве ему неприятны, а потом уловила в его интонации неподдельное замешательство. Он на самом деле не помнил. Видимо, его детство закончилось очень, очень давно.

В изумлении она смотрела, как он терпеливо ждет, пока Иннокентий пройдет по розовым языкам по каждому из его пальцев.

— Как вы познакомились с лордом Уильямом? — спросила она.

— Он взял меня в оруженосцы, когда мне было семнадцать.

— Семнадцать? Я думала, обучение рыцаря начинается в раннем детстве.

— Так и есть. Мое обучение... было прервано, — ответил он через силу.

— Чем же?

— Пребыванием в монастыре.

По спине Доминики пробежала дрожь. Почему он не стал монахом? Его что, изгнали за нарушение обетов?

— Вас расстригли?

— Я год пробыл послушником. Но вечный обет в итоге не принял. — Взгляд его стал отсутствующим. — У меня даже оружия не было, только ржавая перчатка.

Он подарил мне новую жизнь. Ту пылкую преданность, которую он выказывал лорду

Редингтону, можно было сравнить с истовой верой. Даже Доминика понимала, какое великое благодеяние совершил граф, когда взял под свое крыло нищего и необученного оруженосца-переростка.

— Почему же вы ушли из монастыря?

Костер выстрелил снопом искр в синеющее лазурью вечернее небо. Моргнула первая звезда.

— Потому что пришла Смерть, — ответил он после долгого молчания.

Она перекрестилась. Он не ответил прямо, но оно и не требовалось. Доминика знала много всего странного произошло десять лет назад, когда на землю снизошло то ужасное бедствие. Мир едва не был уничтожен. Она до сих пор не понимала, как Бог — добрый и чуткий по отношению к ней — мог послать на людей такой страшный мор.

— Господь жестоко наказал нас. Нужно ежедневно следовать Его заветам, чтобы Он больше не насылал на землю такой напасти.

— Нужно ежедневно наслаждаться жизнью, потому что в любой момент Он может прибрать нас.

— У всего, что Он делает, есть причина.

— И какая же причина была в тот раз?

Она всмотрелась в его глаза. Не затем ли Господь направил его, чтобы испытать ее веру на прочность? Какие же слова смогут убедить его в безупречности Божьего плана?

— *Sola fide.*

— Что?

Он не понимает ее латынь. Наверное, ее произношение оставляет желать лучшего.

— Только верою.

Подрагивающее пламя костра отбрасывало на его лицо блики. Глаза прятались в тени нависших бровей.

— Вы искренне этому верите, да?

— А вы нет?

В тишине зазвучали высокие, чистые голоса братьев Миллеров. Он назвал веру опасной. Он, который сотворил чудо, отвернулся от Бога.

— Я верю, — прошептал он, глядя на огонь, — что друг другу люди обязаны большим, нежели Господу.

И она осознала, что затаила дыхание, покуда ждала его ответа.

День первый. Хорошая погода. Шли до вечера. Красивые места.

Задумчиво поджав губы, Доминика смотрела, как на горизонте разливается дрожащее розовое море и восходит солнце. На плоском камне перед нею лежал лист пергамента. Старательно выведенные букочки тесно жались друг к другу, заполняя строку, как ее учили, от края до края.

Но насколько правильно она подобрала слова?

Прошел всего один день, а дорога увела ее от дома дальше, чем когда бы то ни было. Она даже не знала название местности, где они ночевали. Все вокруг было таким

удивительным, таким непознанным, что к концу дня она совершенно обессилела от избытка новых впечатлений.

Совсем рядом скакали, чирикая, воробьи. Она поклялась себе дорожить каждой минутой, каждой секундой этого путешествия и тщательно выбирать слова для его описания, чтобы после, когда она больше никогда не сможет заговорить без разрешения, снова и снова вызывать в памяти эти дни.

Она хотела написать о том, с каким забавным видом Иннокентий гонялся за кроликом; о том, как молодая супружеская пара всю дорогу шла, не размыкая рук; о том, как она волновалась за сестру Марию.

Она хотела написать о нем.

Доминика обмакнула перо в чернильницу и стряхнула излишек чернил.

Ровная прямая дорога. Ночевали под небом.

Небо. Невзрачное слово для описания огромного, затянутого черным бархатом свода, на котором мерцали многие тысячи крошечных огоньков, зажженных Всевышним. Дивясь на это чудо, она едва уговорила себя закрыть глаза.

Под звездным— добавила она.

И сдвинула брови. Клочок пергамента, с которого так часто счищали текст, писали заново и снова счищали, что он сделался почти непригоден для письма, был очень маленьким. Из экономии приходилось обходиться одним или двумя словами.

Какое же слово выбрать для него?

Спаситель? Слишком кощунственно. Гаррен? Слишком лично.

В конце концов она вывела — *Мужчина*.

И в ужасе уставилась на это слово. Потом зачеркнула его, яростно вминая кончик пера в пергамент, пряча буквы за уродливой черной кляксой и жалея о том, что нельзя так же легко стереть его из своего сознания.

Не может он быть обычным мужчиной. Ибо если так оно и есть, то она реагирует на него, как обычная женщина.

С утра пораньше Гаррен уединился в маленькой рощице и принялся обмозговывать свои планы.

Он снял с шеи реликварий — мятую продолговатую коробочку из потускневшего серебра. Развязал кожаный шнурок, который удерживал створки. Внутри лежали три гусиных пера, на которые он собрался подменить настоящие перья из усыпальницы. Каким-нибудь образом. Когда все отвернутся.

Он обдумал все еще раз. Может, все-таки отдать Уильяму гусиные перья? В конце концов, какая разница. Большинство реликвий — фальшивки. Уильям не заметит подлога, а трех перьев якобы из крыла Блаженной Ларины хватит, чтобы взлететь на небеса.

Но данное Уильяму обещание связало его крепче, нежели любые клятвы, принесенные Богу.

Хрустнула ветка. Он потянулся за кинжалом.

Напротив, с бледным под россыпью веснушек лицом, стояла Доминика и замороженно

взирала на перья. Потом она перевела взгляд на его лицо. Синие глаза смотрели столь пронизательно, что он испугался. Вдруг она видела, как он тайком подобрал эти перья на пыльном птичьем дворе?

— Это же перья из крыла Блаженной Ларины, — прошептала она. — Из крыла, которое даровал ей Господь.

Он не стал рассеивать ее заблуждение. Пусть и дальше живет под девизом *sola fide*. Его настоящих планов она знать не должна.

— Верно. — Гаррен приложил палец к губам. — Только никому ни слова. — Он достал одно перо с осторожностью, с которой родители баюкают свое единственное дитя.

— Мне поручено отнести их в усыпальницу, но вы же понимаете, об этом лучше помалкивать.

Огромные синие глаза, округлившись, стали еще больше. Брови взлетели вверх — одна ровная, вторая с надломом, словно перебитое птичье крыло.

— Где вы их взяли? — Шепот превратил рожицу в святилище часовни.

— Не могу сказать, — таким же заговорщицким шепотом ответил он. — Сами знаете, почему.

Она вздохнула с видимым облегчением.

— Я знала, с самого начала знала, что вы особенный. Когда я увидела вас у матушки Юлианы, внутри у меня стало так жарко, как будто я молилась святым перед алтарем.

Ему в тот момент тоже стало жарко. Правда, это ощущение не имело к молитвам ни малейшего отношения.

Она торжественно произнесла несколько слов на латыни.

Моргнув, он кивнул и притворился, будто вспоминает, какую главу и стих она процитировала. В монастыре он был не самым прилежным учеником.

— Это означает «Вознесите многие почести посланцу Божьему», — горделиво улыбаясь, сообщила она. — Я сама это написала.

— Что-что вы сделали?

— Ну, иногда я складываю слова, чтобы получилось похоже на цитату. — Она опустила голову. — Поправьте меня, если нашли ошибки.

Он кивнул с деланно понимающим видом и решил не ставить ее в известность, что его познания в латыни были крайне скромны.

— Только не говорите никому о перьях. — Нельзя допустить новых небылиц о его особенной связи с Господом.

Держа руки за спиной, она вновь воззрилась на перья.

— Реликвии обладают силой святых. Они способны сотворить чудо.

Чудо... Эта девочка верит в чудеса.

— Вы когда-нибудь видели чудеса своими глазами?

— Нет, но много о них слышала.

— А вдруг это просто рассказы?

— Как вы можете так говорить?

— Пилигримов на свете больше, чем исцеленных.

— Потому что Господь помогает только тем, чья вера крепка.

— То есть, если человек не получил исцеления, то виноват именно он, как якобы неверующий, а не Господь, которому безразлична его судьба?

Синие глаза ярко вспыхнули.

— Чудеса существуют, и тому есть множество подтверждений. Вспомните, как Томас де Кантилуп оживил утонувшего сына мельника. Или исцеление монаха, завернувшего свои больные руки в епископскую stole, или...

— Чудесное воскрешение графа Редингтона при Пуатье, — подсказал он.

— Да. Вы сотворили истинное чудо. — Не распознав иронии, она протянула руку, и ее пальчик нерешительно завис над пером. — Можно... можно мне потрогать его?

«Можете бросить его на землю, где оно когда-то валялось, и растоптать вместе со всей его мнимой святостью», — подумал Гаррен, на мгновение приревновав к тому, что предметом ее страстного интереса был не он, а дурацкое перо.

— Только осторожно.

— У меня есть очень важная просьба к Богу. — Взгляд ее глаз пронзал насквозь. — Как вы думаете, Блаженная Ларина поможет мне?

Гаррен знал, как Он отвечает на молитвы. Он умолял Всевышнего сохранить его родителям жизнь. Но Он ответил «нет».

— Господь слышит наши молитвы, — с горечью сказал он. — Но не всегда отвечает на них желанным для нас образом.

Она со вздохом кивнула.

— Вот и сестра Мария говорит то же самое. Поэтому мне нужна помощь Блаженной Ларины. Иногда Бога нужно просто чуть-чуть подтолкнуть.

Как и он когда-то, она верила, что Господь откликнется на ее молитвы, и Гаррен не знал, жалеть ее или завидовать.

Доминика нежно погладила перо. На губах ее распустилась улыбка, а на щеках заиграли ямочки.

— Пальцы покалывает, — прошептала она.

У него покалывало все тело, но по куда более прозаичным причинам.

Она опять заговорила на латыни, и он принял глубокомысленный вид.

— Если иметь веру, можно и горы переставлять. — Она улыбнулась. — Апостол Павел, послание к коринфянам. Я немного поменяла слова.

Он проглотил смешок, а с ним и мимолетное сочувствие к матушке Юлиане.

— Помните, никто не должен знать, что я несу с собой эти перья.

Сложив пальцы в щепотку, она покрутила ими около рта, словно запирая его на ключ. Детская непосредственность этого жеста вызвала у него улыбку.

— Вы сделали мне бесценный дар, — произнесла она. — Разве я могу предать ваше доверие?

Нечего предавать, это обычное гусиное перо! — чуть было не выпалил он, но не смог разрушить окружавшее ее мерцающее сияние веры. Пока что.

— Как вы думаете, Он не против, чтобы я рассказала вам, о чем молюсь?

Гаррен мысленно заклинал ее молчать, ибо не хотел узнавать о ней больше положенного. Не хотел знать ничего, что могло растопить его сердце.

— Решайте сами. — Он пожал плечами. — Богу без разницы.

— Странное заявление от человека, несущего на себе реликвию. — Она облизнула губы и закусила нижнюю, словно не решаясь доверить ему свою тайну. — Если не считать монахинь, я еще никому об этом не рассказывала. — Робкая, задумчивая улыбка. — Впрочем, никого, кроме монахинь, я и не знала.

Губы ее приоткрылись. Синие глаза засияли верой в чудо. В спокойном состоянии в ее

лице не было ничего примечательного. Оно было простым. С самыми заурядными — за исключением, разве что, рта — чертами. Но эти сияющие глаза будто распахнули дверь в глубины ее души.

И затронули его душу.

Внезапно ему страстно захотелось узнать, о чем же она мечтала темными одинокими часами между вечерними и заутренями, когда монастырь погружался в сон, и она оставалась наедине с Богом.

— Хорошо, — сказал он и заключил ее руки в свои ладони, впервые не побоявшись потеряться в синеве ее глаз. — Скажите мне, чего вы хотите.

Она придвинулась ближе — так близко, что он уловил ее женский аромат и порадовался, что сидит, ибо внезапно у него ослабели колени. При виде того, как взволнованно вздымаются ее груди под серым балахоном, его тело пронзило самое нечестивое из желаний.

— Я хочу вступить в орден, — сказала она.

Гаррен заранее знал, что она скажет. И все же от ее признания скрутило желудок. Она мечтала разменять свою жизнь самым глупейшим образом, отбивая поклоны тому, кто никогда ее не услышит. Он непроизвольно сжал кулаки, не замечая, что сминает ее пальцы. Она верила в Бога, который отвечал на молитвы, как ему вздумается. Вот он, Его ответ. Стоит перед ней во плоти, хотя она еще не подозревает, что это его, Гаррена, Господь ниспослал в ответ на ее молитвы.

Необычайное злорадство снизошло на него при мысли, что скоро он вызволит ее из сетей Господа. Он сделает ее свободной, как когда-то давно жестокое разочарование освободило его самого.

— Вы уверены? — в конце концов выдавил он.

Она потянула пальцы на себя, и он разжал кулаки, внезапно осознав, что сжимал их настолько крепко, что, верно, причинил ей боль.

— Да. Господь тоже этого хочет.

Он рывком встал и отвернулся от ее взгляда. Утренние воробьи оживленно чирикали.

— Откуда вам известно, чего Он хочет?

— Вы говорите совсем как матушка-настоятельница. Я просто знаю это, и все. Я чувствую, что мое место в монастыре. Только там я могу... — Она осеклась. — Только там я себя представляю.

Круто развернувшись, он помахал пальцем у нее перед носом.

— Откуда в вас эта уверенность? Вы же больше нигде не бывали и ничего не видели. — Если он уничтожит ее мечту, то что даст взамен? Он подавил чувство вины. В конце концов, у женщин есть и другая стезя. — Вдруг однажды вам захочется замуж.

Она присела на пенек.

— Я никогда не задумывалась о браке.

— Большинство людей вступает в брак.

— Но не вы.

— Мне нечего предложить жене. — Слова были на вкус как прокисшее вино.

— А как же ваш дом?

Дом. У него перехватило дыхание, как от удара под дых.

— Мой дом принадлежит Церкви.

— Вы отдали его Церкви, когда ушли в монастырь? — Она встала, перекрестилась и

почтительно преклонила перед ним колена.

Гаррен фыркнул. Он отдал Церкви все — свой дом, свои надежды, даже свою жизнь. И что получил в награду? Предательство.

Она не сводила с него глаз. Бровь, похожая на сломанное крыло, приподнялась. Она ждала продолжения рассказа. Ждала нового доказательства его святости.

Вздыхнув, он присел с нею рядом и взял за руку.

— Встаньте. Не надо лепить из меня того, кем я не являюсь.

В синих глазах появилось смятение.

— Но вы и не тот, за кого я приняла вас сначала.

В день их знакомства ему показалось, что она видит его насквозь. Но потом ее ослепила вера. Вместо грешника, кем он являлся на самом деле, она стала видеть в нем святого. Что будет, когда она узнает правду?

Отринув эти мысли, Гаррен сложил перья обратно в серебряную коробочку. Он пошел на это ради Уильяма. Вот его оправдание. Но когда он попытался связать створки шнурком, пальцы его затряслись.

— Давайте я помогу. Завяжите на один узел, потом я прижму его и завяжете второй. — Правой рукой она прижала шнурок. На ее среднем пальце он заметил смазанное черное пятнышко поверх маленькой мозоли и узнал его. Чернила. Как на руках братьев, которые днями напролет занимались копированием манускриптов. Он потер пятнышко большим пальцем.

— Что это?

Она торопливо поменяла руки.

— Ничего.

И, низко опустив голову, спряталась от него за завесой волос, так, что они почти полностью закрыли их ладони. Он бережно отвел золотистые пряди в сторону.

— У вас руки переписчика.

Она не ответила. Гаррен, прозрев, похолодел. Где еще найти пристанище переписчику, если не в скриптории монастыря?

Дыхание ее трепетало, пока он возился с узелком. Наконец все было закончено, и она быстро убрала палец.

— Мне нужно идти. — Смотреть ему в лицо она избегала. — Можно сперва попросить вашего благословения?

Гаррен хотел было отказаться, но она уже стояла перед ним на коленях, а он... он изнывал от желания снова к ней прикоснуться. Весь дрожа, он опустил ладони на ее макушку и приложился губами к ее волосам.

Она подняла на него испуганный взор. Потом вскочила и убежала в лес, словно дикая лань.

А он еще долго сидел и задумчиво крутил в руках коробочку с гусиными перьями.

Пробираясь сквозь заросли деревьев обратно в лагерь, Доминика озадаченно терла макушку в том месте, где ее коснулись губы Спасителя. Кожа горела, словно он поставил на ней клеймо.

Все-таки он не просто мужчина, думала она с облегчением. И ничего женского в ее отношении к нему нет. Он посланник Божий, избранный нести перья Ларины.

Доминика тряхнула головой. Привычки ставить под сомнение планы Господа у нее не было, но все же Он сделал странный выбор, доверив реликвию человеку, который ставил людей выше Него самого.

Подумать только, она путешествует близ перьев святой... Между лопатками засвербело, словно там вот-вот тоже должны были проклюнуться крылья. Это знак. Знак того, что небеса благословляют ее путешествие. Ей ужасно захотелось поделиться этим с сестрой, но... Спаситель попросил ее молчать. Замедлив шаг, она потерла большим пальцем чернильное пятнышко на костяшке среднего. До сих пор у нее не было секретов от сестры, за исключением, конечно, тех странных чувств, что она испытывала к нему.

Что ж, отныне скрывать ей нечего. Больше она не будет думать о нем, как о мужчине.

Никто и не заметил, как она вернулась на полянку. От догоревшего костра на земле осталось только черное пятно, вокруг которого, собираясь в путь, сустились паломники. Сестра Мария протягивала Иннокентию кусочек хлеба, а тот на своих коротких лапах скакал на месте, пытаясь достать угощение.

— Лучше поешь сама, — сказала Доминика.

Под просторным черным одеянием сестра была худенькая точно былинка. Сегодня утром морщинки вокруг ее глаз разгладились, как будто с каждым шагом, уносившим ее от монастыря, к ней возвращалась молодость.

— Это всего лишь последний кусочек, — ответила сестра. Пес, дотянувшись наконец до ее руки, проглотил хлеб и облизал ее пальцы, собирая невидимые крошки. — Ника, ты помолилась?

Она ушла из лагеря, чтобы уединиться для общения с Богом, а вместо этого наткнулась на Его посланника. Впрочем, разговор с таким человеком можно было приравнять к молитве.

Доминика кивнула. Ответить вслух она побоялась, дабы секрет, облаченный в слова, не стал ложью.

Сестра, опершись на ее руку, поднялась на ноги.

— Сегодня я, пожалуй, пойду пешком.

— Только, прошу тебя, не переутомляйся.

— Доброе утро, сестра. — Перед ними, отбросив со лба светлую челку, склонился в поклоне юный оруженосец. Тело его, как у многих подростков, было нескладным, с большими ступнями и кистями рук, которые, казалось, торопились вырасти быстрее всего остального. Она невольно сравнила его со Спасителем, ладони которого идеально сочетались с сильными руками и широкими плечами.

— И тебе доброе утро, молодой человек, — сказала сестра. — Прости, я запомнила твое имя. Видишь ли, я уже не молода и не могу удержать в голове столько новых людей.

— Меня зовут Саймон, сестра, — ответил он с вежливой улыбкой. Глаза его, однако,

смотрели на Доминику и смотрели дерзко. — Я оруженосец одного благородного рыцаря, который милостиво разрешил мне отлучиться в паломничество.

— Я сестра Мария, а это Доминика.

Он не поцеловал ее руку, но Доминика на то и не рассчитывала. Однако она заметила, что его взгляд то и дело соскальзывает с лица на ее грудь.

— И откуда ты, Доминика?

— Я тоже живу в монастыре.

— Ничего не бойтесь. — Оруженосец важно коснулся рукояти меча. — В случае чего я смогу вас защитить. — Он снова поклонился и возвратился к группе паломников, а там похлопал Спасителя по плечу с таким видом, будто они были закадычными приятелями.

Наблюдая за ним, Доминика прикусила улыбку и закатила глаза, а сестра Мария нахмурилась.

— Надеюсь, мне не нужно просить тебя быть с ним поосторожнее?

— О, с его стороны я не чувствую искушения, — ответила она беспечно. По сравнению со Спасителем — о котором она, конечно же, больше никогда не будет думать, как о мужчине, — юный оруженосец выглядел сущим мальчишкой.

Второй день путешествия одарил паломников ярким солнцем и чистым, без единого облачка небом. Сразу за Доминикой шагала Вдова и громогласно вещала о том, как во время перехода через Пиренеи на них напали разбойники. Не успев совершить задуманное злодеяние, они якобы оцепенели подобно апостолу Павлу на пути в Дамаск, упали на колени и, взывая о прощении, попросили пилигримов взять их с собой. С искренним интересом Вдове внимали только сестра Мария и Лекарь, но она говорила так громко, что волей-неволей эту историю пришлось выслушать всем.

Впереди, заслоняя от Доминики Спасителя, шагали, взявшись за руки, Джекин и Джиллиан. Молодые супруги держались так близко друг к другу, что ни лучика света не проникало меж их фигурами. Один раз, думая, что Доминика не замечает, они даже поцеловались в губы.

Но Доминика заметила. И поспешила перевести взор на оранжевых, коричневых и голубых бабочек, которые ожившими цветками порхали вокруг и дразнили Иннокентия. Разве пристало пилигримам отвлекаться от духовных исканий на плотское?

Однако по мере того, как утро перетекало в день, Доминика все чаще с огорчением отмечала, что и ее одолевают мысли о плоти. Камушки на дороге больно кололи ее ступни через тонкие подошвы башмаков. Усталость, пронзавшая икры и бедра, в конце концов добралась до поясницы, и Доминика, преодолевая боль, обрадовалась, увидев, что сестра села в седло. Один только Спаситель шагал впереди, не снижая скорости, словно ничуть не устал.

К моменту привала она настрадалась покрепче иных мучеников. Но вместо того, чтобы проникнуться гордостью за свои муки, подумала, что Вдова, вероятно, была права. Им стоило взять лошадей.

Пока остальные паломники рассаживались перед обедом на траве, она зашла поглубже в лес, чтобы в уединении помолиться и попросить у небес сил, прощения и защиты от искушения. Опустившись на колени под пышно цветущим кустом боярышника, она закрыла глаза, вдохнула сладкий аромат цветов и прислушалась.

Но вместо голоса Бога услышала женское хихиканье.

Глаза ее распахнулись. За колючими ветвями виднелась маленькая полянка, а посреди

нее...

Посреди нее Джекин лежал на Джиллиан, а та распростерлась под ним с задранными юбками и голыми ногами.

Голыми были и его ягодицы.

Доминика съежилась под кустом, слишком шокированная, чтобы пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы встать и уйти. До чего странным образом Господь отвечает нынче на ее молитвы.

Джекин целовал жену в губы, осыпал поцелуями ее веки, виски и шею... и проделывал все это с жадностью голодающего, перед которым поставили тарелку еды. Джиллиан тоже целовала его в ответ. Она уже не хихикала, а издавала протяжные стоны.

Джекин, нависая над нею, запрокинул голову к небесам и задвигался быстрее. На его лице разлился почти религиозный экстаз.

Доминика вцепилась в ветку и укололась о шип. Пискнув, она отдернула руку, ветки закачались, зашелестели, но Джекин и Джиллиан ничего не слышали, словно остались в целом мире одни.

Наконец Джекин вскрикнул и обмяк на жене.

Наступила тишина. Доминика задержала дыхание. Сейчас он обернется и увидит, что она за ними подглядывает. Но он снова начал покрывать лицо жены поцелуями, потом потерся носом о ее шею и прошептал что-то на ухо, отчего та довольно прыснула.

Удары сердца гулко отдавались у Доминики в голове.

— Замри!

Из-за деревьев напротив показался крестьянин с ржавым серпом в руках. Высокий, с лохматой смоляной шевелюрой и водянистыми глазами, он выглядел изможденным, словно давно голодал.

— Давай сюда деньги. — Острием серпа он ткнул Джекина в спину. Тот вздрогнул и сжал ягодицы.

Кровь застучала у Доминики в ушах. *Боже, пришли нам Гаррена. Скорее.*

— Мы бедные пилигримы. — Голос Джекина, как и его зад, был напряженным. — С нас нечего взять.

Джиллиан, лежавшая под ним с собранными вокруг талии юбками, тронула мужа за локоть. Вор взглянул на нее. Его рот дернулся. Он схватил Джекина за волосы, оттянул его голову назад и жестом пьяного брадобрея приставил к его горлу серп.

Сердце Доминики сжалось.

Боже, поторопись.

— Какие-то деньжата у вас имеются точно. Я знаю, что святым делают подношения. — Узловатая, с выпирающими суставами, рука крестьянина придвинула кривое лезвие близко к тому месту, где на горле Джекина прыгал кадык. — Слезай с нее.

Путаясь в спущенных штанах, Джекин встал. Меж его ног болталось нечто, напоминающее маленькую, вымазанную чем-то липким сосиску.

Джиллиан откатилась в сторону, лихорадочно одергивая юбки.

— Умоляю, пощади его.

Ее отчаянная мольба придала Доминике решимости. Если Бог не направил к ним Гаррена, значит он хочет, чтобы она действовала сама.

Она встала. Пытаясь ступать уверенно и смело, обошла боярышник кругом и зацепилась подолом за колючки. Ткань затрещала. Она сделала рывок вперед — безрезультатно. Куст

держал ее мертвой хваткой. Доминика расправила плечи. Только бы вор не заметил, что она попала в ловушку.

— Остановись! — крикнула она.

Все трое обернулись на ее дрожащий голос.

— Если ты убьешь его, то его душа вознесется в рай, а тебя Господь низвергнет прямиком в ад. *Deus misereatur*.

— Чего? — Вор выпучил глаза, сделавшись похожим на угодившего в капкан барсука.

— Он путешествует под покровительством Божиим. — Она обратилась к Джекину, стараясь не глядеть на него ниже пояса: — Покажи ему сопроводительное письмо.

Джекин беспомощно потянулся вниз. Вор отпустил его и, подтащив к себе Джиллиан, приставил серп к ее горлу. На лице его отобразилось смтение. Пользуясь тем, что все внимание вора приковано к Джекину, который, развязав свою котомку, трясущимися руками рылся в вещах, Доминика потянула балахон на себя. Куст покачнулся, но не отпустил.

Наконец Джекин нашел свиток и предъявил его вору.

— Вот. Гляди.

Доминика заметила за их спинами Гаррена. Он бесшумно шел через лес, а за ним тенью следовал Саймон. *Deo gratias*, подумала она про себя.

— Что там написано? — Вор вытянул шею, и в этот момент Гаррен приставил к его спине меч.

— Брось оружие. Быстро.

Господи, наконец-то. На нее снизошло невероятное облегчение.

Джекин выронил свиток и принялся неловко натягивать штаны. Саймон, глядя на него, не удержался и прыснул.

— Сам бросай, не то я перережу ей глотку. — Вор намотал волосы Джиллиан на кулак и запрокинул ее голову далеко назад.

— Леди сказала правду. — Голос Гаррена был тверд, как и его рука, держащая меч. — Мы пилигримы. И имеем право на защиту.

Вор нервно облизнул губы, но серп от шеи Джиллиан не отвел.

— За защиту надо платить. Дай деньги, иначе она умрет.

Гаррен поднял меч повыше. Теперь его острие упиралось в грязную шею крестьянина.

— Ты отпустишь ее, и я отпущу тебя с миром. Никакой другой платы ты не заслуживаешь.

— Нас двое, — сказал Саймон, подпрыгивая на носках. — Мы легко его одолеем.

Гаррен, не обращая на него внимания, буравил затылок крестьянина пристальным взглядом.

— Или ты хочешь потягаться силами с человеком, которому платили за умение убивать?

Доминика вздрогнула. Платили за умение убивать... Но ведь графа он спас по своей воле, не ради денег.

Вор замер, боясь шевельнуться. Вынужденный смотреть прямо перед собой, он обзирал только Саймона, кружащего вокруг него с мечом наготове, но не видел того, кто стоял за его спиной.

— Почем мне знать, что ты сдержишь слово и не убьешь меня?

— Верь ему, — сказала Доминика. — Ибо он не просто человек, но посланец Божий.

Глаза крестьянина чуть не вылезли из орбит в попытке разглядеть своего невидимого противника.

— Я не только отпущу тебя, но и дам немного еды. — Спаситель протянул через его плечо сверток, и вор, приняхиваясь, по-собачьи зашевелил носом. — Ну же. Отпусти ее.

— Сперва отдай еду.

Гаррен забросил сверток в кусты на краю полянки.

— Бери и по-быстрому уноси ноги, пока я не передумал.

— Храни тебя Бог за твою ангельскую доброту, — скороговоркой выпалил вор, метнулся к свертку и, прижав его к груди, скрылся за деревьями.

Кивком головы Спаситель подал оруженосцу знак.

— Проследи за ним, чтобы он не вернулся.

Заулыбавшись, Саймон шагнул в заросли.

— Только не трогай его! — крикнул Гаррен ему вслед.

У Доминики подогнулись колени, и она обессиленно опустилась на землю, а Джекин и Джиллиан упали в объятия друг друга. Они стояли, покачиваясь и не поднимая глаз, пока Спаситель на них не прикрикнул.

— Что до вашей парочки, то занимайтесь удовлетворением своих желаний по ночам, когда выставлена охрана.

Увидев, что он направляется в ее сторону, Доминика отвернулась и изо всех сил дернула подол, пытаясь, пока не подошел Гаррен, отцепиться от колючего куста, но боярышник не поддавался.

Присев рядом с нею, Гаррен обнял ее за плечи. Она подавила порыв прильнуть к нему, спрятать лицо у него на груди.

— Ника, вы в порядке?

Доминика чуть не расплакалась, услышав свое детское прозвище. Так ее называла только сестра Мария, которая, если не считать Всевышнего, любила ее крепче всех на свете.

— Да, конечно, — сказала она и встала. Сердце ее по-прежнему бешено колотилось, а лицо пылало при воспоминании о том, чем занимались Джекин и Джиллиан. Она дала себе зарок вознести вечером дополнительную молитву.

Он тоже встал и сердито навис над нею.

— Больше никогда так не делайте.

— Как?

— Не кидайтесь с голыми руками на вооруженного человека.

Доминика резко рванула подол на себя, и он, оторвавшись от колючек, превратился в лохмотья.

— А что мне оставалось делать? — Она в упор посмотрела ему в лицо. — Господь не спешил приводить вас на помощь.

— Господь не самый надежный гонец. Надо было сходить за мной самостоятельно. Это просто везение, что я вовремя заметил, что вашей троицы слишком долго нет.

— Вас привело сюда никакое не везение, а Господь. — Губы его сложились в суровую складку, но в глубине зеленых глаз она заметила облегчение. — Вы назвали меня Никой. Откуда вы знаете это имя?

Он моргнул.

— Не помню. Наверное, сестра Мария назвала вас так, а я случайно услышал. — Отвернувшись, он резко окликнул Джекина и Джиллиан, которые никак не могли оторваться друг от друга: — Все, идем обратно. Саймон, возвращайся!

Когда оруженосец вернулся, Спаситель пропустил всех четверых вперед, а сам пошел

сзади с видом пастуха, погоняющего стадо овец.

— Впредь всегда держитесь на виду. Это касается всех.

Доминика поджала губы. И как она должна при таком раскладе писать, молиться и справлять нужду? Нет. Она будет уходить, когда захочет, и так далеко, как захочет. Хоть Гаррен и был посланником Божьим, но он понемногу начинал испытывать ее терпение.

И еще ее начали пугать ощущения, которые просыпались в ней, когда он ее касался.

День второй.

Сидя на бревне в зеленом лесном святилище, Доминика слушала шепот листвы и смотрела на пламенеющую зарю. Рука ее нерешительно замерла. Что же написать о вчерашнем дне?

Иннокентий уютно дремал у ее ног, согревая ступни. Она почесала кончиком пера нос. Рассказывать о перьях Ларины нельзя, но, может быть, можно о них написать? Нет, решила она. Это будет еще хуже. Записанные слова уже не смогут раствориться в воздухе.

Вслед за этими размышлениями пришли воспоминания о Джекине и Джиллиан, о том, как они сплетались телами, отрешенные от всего мира.

Острота наслаждения, которое они подарили друг другу, испугала ее. На что оно может быть похоже? Может ли этот экстаз сравниться с любовью к Всевышнему?

Она затрясла головой, избавляясь от этих мыслей. Но они никуда не исчезли, только навяли новые. Думая о Джекине и Джиллиан, она вспомнила, как Гаррен обнимал ее, утешая. Снова услышала, как он назвал ее Никой.

Гаррен. Она уже не могла думать о нем, как о Спасителе. Он был слишком большой, слишком настоящий. Курчавые каштановые волосы. Зеленые, словно весенняя листва, глаза. Широкие плечи. Крупные ладони.

Она сказала ему, что никогда не задумывалась о браке. Ложь. Мужчин, которых она знала, можно было пересчитать по пальцам. Аббат. Лорд Уильям. Деревенские мальчишки.

Лорд Ричард.

Перо в ее руке дрогнуло.

Два года назад ее хотели выдать замуж за Питера, сына местного кузнеца, туповатого — ибо он нечаянно оттяпал себе топором палец, — но вполне славного деревенского увальня, не лучше и не хуже других. Земляной пол в его домишке был не тверже постели в келье монастыря, а обязанности жены едва ли могли оказаться обременительнее тех, которыми она занималась изо дня в день, стирая для сестер и работая в огороде.

Но в его доме не было книг.

Доминика умоляла настоятельницу не изгонять ее туда, где не было книг. И та в конце концов уступила ее мольбам. Питер вскорости женился на дочке плотника, и к этому времени они успели нарожать детей.

Лучше вступить в брак, нежели полыхать пламенем.

Раньше она думала, что апостол Павел подразумевает ад, но теперь засомневалась. Когда Гаррен дотрагивался до нее, внутри разливался огонь. Откуда взялись эти странные ощущения? Не похожи ли они на те, которые заставили Джекина и Джиллиан совокупляться

среди бела дня? Неужели и она стала бы одержима этим безумием, если бы вышла замуж?

Она закусил губу. Ее предназначение — переписывать слово Божье, а не поддаваться искушениям плоти. Увидеть воочию, насколько они сладостны, было познавательно, но ей уготована иная судьба, и ее поход это докажет. Всем — Богу, матери Юлиане. Ей самой.

Холодный ветер, написала она. *Много воробьев*.

Иннокентий жизнерадостно замолотил хвостом по задним лапам, сообщая, что она более не одна. Доминика подняла голову и увидела Джиллиан — впервые одну, без мужа.

— Прости, если помешала. — У нее был вздернутый нос, круглые щеки и карие глаза, которые превращались в щелочки, когда она улыбалась. Но сейчас лицо девушки было серьезным. — Я только хотела извиниться за вчерашнее. Я знаю, грешно предаваться усладам днем, и девице негоже увидеть такое, но порой нас охватывает такое пламя, что невозможно устоять, чтобы не лечь друг с другом.

Доминика надеялась, что в тени листвы незаметно, как она покраснела.

— Ничего страшного. В том смысле, что я и впрямь впервые увидела, как... — Она запнулась, не находя слов, чтобы закончить предложение.

Джиллиан заметила перо в ее руке, чернильницу и пергамент. Ее глаза и рот одинаково округлились.

— Ты умеешь писать?

— Да, — ответила Доминика, и ее переполнила запретная гордыня.

— Сможешь написать кое-что для меня?

— Сестра Мария пишет намного лучше. У нас в монастыре она заведует скрипторием.

Джиллиан смущенно потупилась. По ее круглым щекам до самых ушей разлился розовый румянец.

— Перед монахиней мне будет неловко.

— Я тоже почти монахиня. — Кончики пальцев закололо от любопытства. — То есть, надеюсь ею стать.

— О, ничего дурного я не хочу, — спохватилась Джиллиан. — Просто... это связано с тем, что ты вчера увидела. Прошу тебя.

Что за постыдные вещи хочет записать Джиллиан? Вдруг она и слов-то таких не знает? Но талант Доминики писать был дарован свыше, а значит отказать будет неправильно.

— Я бы написала, да не на чем. У меня есть только один лист, — сказала она и развернула обрывок, который предстояло растянуть на все путешествие.

При виде буковок, которые покрывали страницу, глаза Джиллиан распахнулись еще шире, а потом сузились, словно она силилась понять написанное.

— Можно купить еще где-нибудь по пути. Я заплачу, если это не очень дорого.

Присев рядышком на бревно, девушка доверительно взяла ее за руку.

— Понимаешь, мне нужно написать послание Блаженной Ларине, — шепнула она. — Чтобы она точно знала, зачем мы пришли. Можно, конечно, передать нашу просьбу через священника, но мне кажется записать ее будет вернее. Не хотелось бы проделать такой долгий путь зря. Вдруг она поймет нас неправильно.

— Если твоя просьба исходит от сердца, святая поймет ее правильно, — сказала Доминика.

— Но священник на исповеди иногда говорит, что я обращаюсь к Богу недостаточно ясно. Да и латынь я не знаю. Вот и боюсь, что добравшись до Ларины, скажу что не так, а то и упущу что-то из самого важного.

Невозможно было не разозлиться на этого неизвестного Доминике священника. Потому она и хотела переложить Библию на понятный язык, чтобы простые люди вроде Джиллиан не стыдились обращаться к Богу. Она пылко пожала руку девушки.

— Если найдем пергамент, я запишу все, что захочешь.

— Ох, вот спасибо тебе! Тогда мое желание точно сбудется.

Джиллиан ушла, и Доминика, проводив ее взглядом, опустила глаза на слова, записанные на обрывке пергамента.

Вор. Пламя. Любовь. Ника.

Глава 8

— Вы бы его видели, — заговорил Саймон, усаживаясь между братьями Миллерами и Ральфом — так звали человека со шрамом. Доминика, кусая сухарь, примостилась на поваленном бревне рядом с ними и, притворяясь, что слушает, украдкой огляделась в поисках Гаррена.

Паломники завтракали, широко расположившись по краям поляны. Джиллиан, по своему обыкновению сидевшая рядом с Джекином, улыбнулась ей. Они крепко держались за руки, словно не могли существовать друг без друга.

Дожевывая хлеб, Саймон развел руки в стороны, описывая габариты врага:

— Дюжий мужик. Высоченный. Вот такой здоровущий. С острым, как у сарацинов, клинком.

Он был высоким, это верно. Но тощим, как оголодавшая курица.

— Саймон, у него был заржавелый серп и только, — сказала Доминика.

Он насупился и заерзал, пододвигаясь к братьям поближе.

— Рядом с ним со спущенными штанами стоял Джекин...

Слушатели отложили еду и, уткнувшись локтями в колени, замерли в ожидании продолжения. Даже Иннокентий склонил морду на бок и заинтересованно наострил уцелевшее ухо.

Саймон прыснул.

— ... а его скукоженные причиндалы спрятались между ног, как будто испугались, что их сейчас отрежут.

Братья взорвались хохотом и захлопали себя по ляжкам. Младший, подвывая, даже свалился с бревна. Ральф тоже зашелся лающим смехом, который в конце превратился в сухой, отрывистый кашель.

Джекин оглянулся на них, а Джиллиан погладила его по руке. Ну и пусть они излишне увлечены чувствами друг к другу. Саймона, похоже, чужие чувства вообще не заботят. Доминика надеялась, что его последнего замечания они не услышали. Нельзя издеваться над чем-то настолько личным, как... как молитва.

— Я, знамо дело, не растерялся и приказал серву бросить оружие, — продолжал юноша. — Он весь затрясся от страха, но не придумал ничего умнее, как наставить клинок на меня. А клинок этот был оструючий, таким голову снести — раз плюнуть. Ну, а Джекин... — он захлебнулся смехом, — Джекин стоял, разинув рот, а его член был поникшим, как оплывшая...

— Саймон. — Сзади неожиданно появился Гаррен. Доминика вздрогнула — словно не тень его легла на нее, а его руки.

Юнец по-черепашьи втянул голову в плечи.

— Сэр.

— Если хочешь отточить свои навыки беседы в присутствии дамы, выбери другую тему. Доминика, почесывая пса, наблюдала за тем, как крошечный черный муравей карабкается по травинке и тащит на себе оброненную крошку хлеба. Гаррену тоже не помешало бы отточить эти навыки, подумала она, улыбаясь.

На по-детски гладких щеках Саймона проступили красные пятна.

— Но она тоже была там. И все видела.

— Это не повод заставлять ее еще и слушать об этом. — Гаррен не сводил с юноши строгого взгляда, а на нее даже не посмотрел. — В особенности в твоём изложении.

К ним подошла сестра Мария, хромая сильнее обычного, и Саймон пристыженно съежился. Доминика отчаянно надеялась, что со своего места сестра ничего не слышала, ибо, чтобы лишний раз ее не тревожить, она рассказала только о нападении вора.

Гаррен взял юного оруженосца за плечо.

— Вечером будешь дежурить и следить, чтобы все держались вместе.

Саймон расправил плечи под его тяжелой рукой.

— Да, сэр.

— Собирайтесь. Скоро выходим! — крикнул Гаррен, и братьев Миллеров как ветром сдуло. Доминика была довольна. Больше никто не посмеет потешаться над Джекином и Джиллиан.

Когда Саймон покончил с остатками завтрака, сестра Мария подозвала его к себе.

— Саймон, — молвила она, — вчера я заметила, что ты знаешь не все слова третьего гимна о Ларине. Сегодня я поеду верхом на Рукко. Иди подле меня, и я помогу тебе их разучить. — Она улыбнулась своей обычной ласковой улыбкой, но глаза смотрели серьезно. Этот взгляд был хорошо знаком Доминике. Обычно за ним следовала просьба двадцать раз подряд вознести молитву Богородице.

— Хорошо, сестра. Я только возьму вещи. — И он понуро ушел.

— Ох уж эти мальчишки... — качая головой, проговорила сестра, потом перевела строгий взор на Доминику. — Выходит, ты не все рассказала мне о вчерашнем происшествии.

— Не хотела, чтобы ты волновалась. — Доминика накрыла ее прохладные пальцы ладонью. — Так же, как ты не хотела, чтобы я волновалась, и не призналась, что устала идти. С этого дня ты будешь ехать только верхом.

— Не тревожься. Со мной все будет хорошо. А теперь повернись, я посмотрю, что с твоим балахоном. — Сестра расправила ее истерзанное колючками одеяние. — Вечером я все заштопаю. — Она погладила ее по руке. — Ты наелась, Ника? Не забыла прочесть утреннюю молитву?

Ника... Как наяву, она ощутила тепло его ладоней.

— Сестра, ты называла меня так в присутствии Гаррена? — Его имя сладко затрепетало на языке.

— Он уже не Спаситель, а Гаррен? — Между бровями монахини залегла тревожная морщинка. — Ника, очень может быть, что он не тот, за кого ты его принимаешь. Помни, он солдат, а не святой.

Доминика кивнула.

— Ты знаешь, что он собирался стать монахом?

Глаза сестры Марии округлились от удивления.

— Это он тебе рассказал?

А еще он рассказал о перьях Блаженной Ларины. Но Доминика обещала молчать и не посмела нарушить это обещание.

— Да, но ты не ответила. Мог он услышать, как ты называешь меня Никой?

— Наверное, — поразмыслив, ответила сестра. — Почему ты спрашиваешь?

— Вчера он назвал меня так. — Память о том, как он своим низким, мягким голосом произнес это особое имя, согрело ее будто пуховое одеяло. Особое имя. Сокровенное. В его

устах оно прозвучало как глас Божий, как знак того, что небо благоволит ее намерениям.

Но эти праведные мысли померкли перед другим воспоминанием. О том, как Гаррен касался ее своими сильными, нежными руками. И как она при этом, позабыв о бедолаге Джекине, представила его обнаженным. И зачем-то подумала, что его член не будет поникшим, как оплывшая свеча.

Сестра, посматривая на нее, озадаченно свела брови, и Доминика испугалась, что эти сумбурные мысли слишком явственно отобразились на ее лице. Возможно, одиночество приведет ее мысли в порядок.

— Я пойду вперед. Не волнуйся, я не буду далеко заходить.

— Но что, если воры...

— Не волнуйся, — повторила она, подняла с земли палку и забросила ее как можно дальше вперед. Иннокентий бросился за ней, и Доминика, помогая себе посохом, пошла следом.

Дорога была ровная и прямая. По обе ее стороны простирались зеленые луга, над которыми безмятежно сновали жаворонки. Вчерашняя усталость без следа растворилась в сладком утреннем воздухе.

Вчера он попросил ее держаться на виду. Формально Доминика выдержала это условие, хотя вскоре зашла так далеко, что не слышала голосов паломников, только видела вдали маленькие фигурки размером с нарисованных на потолке церкви святых.

Она остановилась. Убежать вышло только от волнения в голосе сестры да от скучных историй Вдовы, но от чувств к нему скрыться не удалось. Как же быть? Она должна научиться смотреть на него без смущения. Без греховных фантазий на его счет.

Задумчиво разглядывая ромашки, она прижала Иннокентия к груди и прошептала ему на ухо:

— Что же Господь хочет донести до меня?

От группы паломников отделился один человек. И направился к ней быстрым, сердитым шагом. Дождаясь, пока он поравняется с нею, Доминика попыталась настроить мысли на благочестивый лад.

— Я же просил вас держаться на виду. — Гаррен поймал ее за руку, как будто она куда-то убегала. Его рот сжался в тонкую линию. Дыхание было тяжелым, но не потому, что он запыхался.

— Поблизости нет никаких воров. — Кольцо его пальцев на ее голом запястье опять вызвало воспоминание о Джекине и Джиллиан и о том, как голые части их тел прижимались друг к другу. Раньше она думала, что трепещет из-за окружавшего его ореола святости, но теперь... Теперь она уже не была в этом уверена.

— Как знать. — Он уронил ее руку. — Почему вы убежали? Вас расстроила болтовня Саймона?

Дело было не в Саймоне. Свои собственные греховные мысли погнали Доминику вперед, но сознаться в этом было никак невозможно.

— Он смеялся над ними. И над их сокровенными отношениями.

Гаррен пошел вперед, и она побрела рядом. Посохи мерно постукивали в такт их шагам. Сзади, издалека доплывало тихое песнопение братьев.

— А вы увидели эти самые «сокровенные отношения», — сказал он.

Она отвернулась, с деланным безразличием высматривая бабочек, но не увидела на лугу ни одной. Будто все они спрятались и запорхали у нее в животе. Его присутствие довлекло

над нею, и она повела плечами в попытке отделаться от этого ощущения. Потом наклонилась, подобрала с земли веточку, забросила далеко-далеко в высокую траву, и за нею, распутивая птиц, немедленно кинулся пес.

— Подумаешь. Собаки тоже этим занимаются.

Однажды она застала за этим занятием Иннокентия. Он залез на пушистую белую собачку сестры Маргариты и дергался поверх нее, сминая лиловые кустики тимьяна. Доминика растащила их, однако пес вновь и вновь с небывалым энтузиазмом забирался на свою пассиву. Впрочем, это было совсем не похоже на то, что она видела вчера. Собаки не льнули друг к другу, как одержимые, как Джекин и Джиллиан, которые, казалось, могли умереть, если бы их в тот момент разделили.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глаза Гаррена потемнели до цвета сосновой хвои.

— Вас беспокоит то, что вы увидели? — очень мягко спросил он.

Беспокоит — это еще слабо сказано. Но она ни за что в этом не признается.

— Кажется, вы учили Саймона не поднимать такие темы в присутствии дам. — Она пожала плечами, будто наблюдение за любовными играми не произвело на нее никакого впечатления. — Просто мне думается, что Джекин и Джиллиан излишне наслаждались друг другом.

— Излишне? — Он едва сдержался, чтобы не улыбнуться.

— Чрезмерные плотские улады есть грех.

— А вы умеете определять, когда они чрезмерные, а когда не очень? — В его голосе притаился смех.

Щеки ее запылали. Естественно, она этого не умела. Но они натолкнули ее на пугающую мысль. Что, если тот экстаз, свидетельницей которого она стала, не был чем-то из ряда вон выходящим? Вдруг его испытывают все люди, когда занимаются любовью?

— Блаженный Августин достаточно ясно выразился по этому поводу.

У него отвисла челюсть.

— А что вы знаете о Блаженном Августине?

Она знала, что однажды истратила шестьдесят два пера, пока кропотливо переписывала главу из его труда «О граде Божьем», но этим секретом еще не решалась с ним поделиться.

— Я же говорила вам, что хочу принять постриг. А монахиням, даже будущим, следует знать постулаты всех великих отцов Церкви.

— Которые осуждают удовольствие от соития, да?

— Разумеется, они это осуждают. — Только еретик мог ставить под сомнение постулаты Блаженного Августина. Но Господь не доверил бы перья Ларины еретику. *Быть может, он не тот, за кого ты его принимаешь.* Внезапно Доминику осенило. — Я все поняла. Через вас Господь проверяет мои знания. Он хочет убедиться, что я достойна принять вечный обет. И как я сразу не догадалась! — Она расправила плечи под тяжелым балахоном и, подражая матушке Юлиане, сцепила пальцы на животе. — Я готова. Можете испытать меня.

Веселье сошло с его лица. Около рта залегли резкие складки.

— Хорошо, — сказал он. — Объясните мне вот что. Что плохого в том, чтобы дарить друг другу наслаждение?

Его дыхание стало слегка неровным — наверное от обиды на то, что она его раскусила. Господь, верно, не подозревал, что ей хватит сообразительности раскрыть Его план.

Ветерок щекотал ее уши, играя прядками волос.

— Сейчас объясню, — сказала она.

Она сделала глубокий вдох и представила себя в черной монашеской рясе вместо душного, промокшего подмышками балахона. Обсуждать такие темы с мужчиной было ужасно неловко, даже ради того, чтобы доказать свое знание доктрины.

— Вот вам аргумент. Блаженный Августин говорил: «Превыше всего сторонитесь плотского вожделения». — Она жалела, что нельзя достать перо и пергамент. На письме ей было бы легче подобрать правильные слова. — Господь наделил мужчину и женщину пригодными для соития органами только затем, чтобы женщина могла зачать дитя.

Он вперил в нее неумолимый взгляд.

— И с чего вы это решили?

— Но это же очевидно. Единственная причина, которая оправдывает желание мужчины и женщины разделить ложе — это продолжение рода.

— Единственная? — Все остальные причины веселыми искорками плясали в его зеленых глазах. Те самые причины, которые вознесли Джекина и Джиллиан на вершину блаженства.

— Да, единственная, — твердо ответила Доминика, пытаясь сосредоточиться. — Делить ложе ради эгоистичного наслаждения, ради одного удовольствия... В общем, это грешно. — Она совсем запуталась и замолчала. В голове это соображение звучало куда стройнее.

— Но зачем Всевышнему нужно, чтобы мы лишали себя радости?

— Затем, что радость надобно искать в отказе от всего плотского. Господь хочет, чтобы люди были вечно счастливы на небесах, а не во время своего недолгого существования на земле.

— Но разве это грех — вкушать земные радости, которые Господь сам же для нас и создал? — бросил он новый вызов.

Подсознательно Доминика знала, что он не прав, но никак не могла сформулировать, почему. Она оглянулась, высматривая сзади сестру, чтобы подпитаться от нее уверенностью, но горка, за которую они зашли, закрывала от них остальных паломников.

— Вы нарочно пытаетесь меня запутать.

— Скажите, вам нравится смотреть, как восходит солнце?

— Да, ибо это прекрасно.

— Как и любое Его земное творение. Ну, а что вы скажете о цветах? — Вместо того, чтобы сорвать бело-желтую ромашку, он опустил на землю и увлек Доминику за собой. — Вам нравится их аромат?

Присев, она закрыла глаза и дышала напоенным цветочным благоуханием воздухом, пока не закружилась голова.

— А когда я делаю вот так, разве вам не приятно? — Он провел кончиками пальцев от голубоватых прожилок на ее запястье к сгибу локтя.

Ее сердце почему-то забилось быстрее.

— Да, но...

— Разве это ощущение не один из даров Божьих? — Он перевернул ее руку и поглаживал обнаженную кожу, покуда под нею не распространилось приятное покалывание. Потом отпустил. Стало холодно, будто погас огонь в очаге.

Она потрогала свою руку. Провела пальцами вверх, вниз. Легонько, как он.

Гаррен покачал головой.

— Это не то же самое.

— Нет. Не то же самое, — вынужденно признала она.

Закатав рукав, он оголил до локтя свою правую руку, на тыльной стороне которой густо курчавились темные волоски, и сжал кулак, как перед кровопусканием у брадобрея.

— Прикоснитесь ко мне. Ощущение будет совсем другое.

Ее пальцы, подрагивая, зависли в воздухе, как недавно над священными перьями. Она провела кончиками пальцев по мягким волоскам, не смея задеть кожу.

У него вырвался вздох. Кулак его разжался. Она обвела линии на его ладони, и на мгновение сильные пальцы сжались, крепко, как вчера, пленив ее маленькую кисть.

Когда он отпустил ее, она выдохнула — облегченно. И разочарованно. Дыхание ее стало быстрым, прерывистым, жарким.

Он цепко смотрел на нее.

— Ника, теперь вы поняли, какую радость люди могут дарить друг другу?

Из-за пригорка показались паломники, и она услышала привычную болтовню Вдовы.

— И калека бросил костыли и побежал, не пошел, а прямо-таки побежал! Господь мне свидетель, все было именно так. Я своими глазами видела, как он поцеловал кость от мизинца апостола Иакова и моментально исцелился.

Мир полон чудес, напомнила она себе. А чудеса стоят выше богословских дискуссий. Она отошла от него.

— Вам не провести меня, коверкая логику. *Fides quaerens intellectum*. — Ее голос дрогнул.

— Опять латынь?

— Похоже, вы невнимательно изучали труды Блаженного Августина, когда были в монастыре. Это означает «Будем же верить, если не можем уразуметь».

— Мне с лихвой хватает одной фразы на латыни. *Carpe diem*.

— Живи настоящим?

— Настоящее — это единственное, чего не может отнять Господь. — Его пальцы скользнули по ее щеке. — Живите настоящим, Ника. Завтра может не наступить.

Она задрожала от его ласки и не посмела спросить, выдержала ли испытание.

Для Гаррена никакого «завтра» не существовало. Когда Господь отнял его близких, он будто завис между горестным прошлым и пустым будущим. Завис в бесконечном «сегодня». Он подставил лицо солнцу.

Девушка начала его избегать. Он не собирался пугать ее и жалел, что так вышло. Он всего лишь хотел, чтобы она прозрела и увидела, чем на самом деле является мир. Но она, хоть и почитала его как посланца небес, воспротивилась и зацепилась за слова Блаженного Августина, этого раскаявшегося сластолюбца. Гаррен не был книжником, но историю Августина знал хорошо. Каким только искушениям не поддавался этот старик, прежде чем стать богобоязненным праведником.

Сегодня она тоже испытала искушение. Он услышал, как у нее перехватило дух, когда он ее коснулся. Почувствовал, как на нежном запястье забились жилка, обгоняя его пульс. О, да, он ввел ее во искушение, и оно испугало ее. В стене ее невинности появилась первая трещинка.

Но и в стене ее доверия тоже. А он зачем-то дорожил ее доверием — не как посланец Божий, но как человек. Лучше не давить на нее, решил Гаррен и оглянулся, высматривая девушку среди пилигримов.

Она покорно шагала рядом с Рукко, который вез на себе сестру Марию. Следом шли, переругиваясь, братья Миллеры. Гаррен вздохнул. Согласившись возглавить их, он думал, что заботиться придется только о безопасных местах для ночевки. Для солдат этого было достаточно, но не для пилигримов, которые, несмотря на суровые церковные предписания касательно отказа от мирских благ во время паломничества, успели за три дня истоскаться по теплым постелям и нормальной еде. Скоро Эксетер. Возможно, там у них получится отдохнуть. Братья прекратят ссориться, монахиня восстановит силы, а похотливые супруги наконец-то смогут уединиться.

Но если в местном монастыре для паломников не окажется места, придется устраивать и кормить их на постоялом дворе, что значительно облегчит его кошелек. И расходов ему, разумеется, никто не возместит. Деньги у него были, но не сказать, чтобы очень много.

Неважно. Каким бы обременительным не вышло это паломничество, оно лишь отчасти возместит то, что сделал для него Уильям. Все потраченное как-нибудь да вернется. Хотя бы с помощью Доминики.

Мысль о ней опалила его чресла. Глупая, отважная девочка. Когда он увидел, как она стоит между серпом и полуголыми любовниками, то овладеть ею захотелось едва ли не сильнее, чем спасти. Он изначально знал, что его миссия будет приятной. Как и о том, что после будет тяжело.

Стоп. Он напомнил себе не торопить события. Впереди достаточно времени. Пусть она подойдет к нему первой. А она подойдет. Надо только запастись терпением.

Когда они добрались до Эксетера, солнце висело еще высоко. Сегодня был праздник Тела и Крови Христовых, и повсюду на пыльных улочках стояли сколоченные из досок помосты, вокруг которых толпились зеваки. В праздник никто не работал. Люди со счастливыми лицами ходили от помоста к помосту и смотрели сценки по мотивам библейских историй.

Царившее вокруг радостное волнение заразило паломников и придало им сил. Им не

терпелось разбрестись по городу, но прежде Гаррен строго наказал им до вечерни вернуться к городскому кафедральному собору.

Джекин и Джиллиан исчезли первыми. За ними ушли братья Миллеры — искать вывеску с изображением винной бочки. Ральф, погруженный в свои думы, растворился в переулке. Вдова и Лекарь отправились смотреть уличные представления. Саймон попросил разрешения прокатиться верхом, и Гаррен не стал возражать. Рукко не помешает хорошая разминка.

Остались сестра Мария и Доминика.

«Жди, пока она подойдет первая», — напомнил он себе и с напускным интересом принялся разглядывать импровизированную сцену, задрапированную тканью с изображением большого кита. Вокруг в ожидании нового представления собралась толпа.

Сестра и Доминика, то и дело посматривая на него, о чем-то посовещались. Когда девушка пробралась к нему, Гаррен сделал удивленное лицо и улыбнулся.

— Сестра сказала, что мне можно остаться с вами и посмотреть представление, пока она договаривается в монастыре о ночлеге. Если вы, конечно, не против. И не заняты ничем другим.

— Не против. Наоборот, мне будет очень приятно. — Его накрыла волна облегчения. Он сам не ожидал, насколько острым оно окажется.

Сестра Мария, завидев, что он кивнул, поманила за собой пса и после некоторого колебания тяжелой поступью направилась в сторону монастыря Святого Николая.

А они остались смотреть, как огромный кит, внутри которого прятались трое актеров, заглатывает беспомощного Иону. Доминика хохотала вместе со всеми, взирая на действие округлившимися глазами и внимая каждому жесту и каждому слову с поистине детским восторгом.

— Вы раньше никогда не видели мистерию? — спросил Гаррен в попытке хоть ненадолго отвлечь ее и обратить внимание на себя.

На ее щеках образовались ямочки.

— В монастыре мы отмечаем праздники немного иначе.

Он представил поющих гимны монахинь — нетронутых, надежно спрятанных за стенами монастыря, и его плечи невольно вздрогнули, словно стряхивая приставшую мирскую грязь, которой предстояло запятнать ее чистую, целомудренную душу.

— Как вы попали в монастырь? — спросил он. Ее версия, несомненно, будет отличаться от версии настоятельницы.

— Господь оставил меня у порога.

— Прямо-таки сам? — усомнился Гаррен. Он знал, что она засыпает и просыпается с именем Всевышнего на устах, но ее наивная уверенность в том, что Бог лично занимался устройством ее судьбы, поразила его.

Синие глаза лучились счастьем, и это резало его без ножа.

— Господь может все. Он оставил меня у дверей как подношение. Как корзинку с яблоками. — Она надула щеки. — Разве я не похожа на яблочко?

Наверное, он заметно оторопел, потому что при взгляде на его лицо Доминика зашлась смехом, таким заразительным, счастливым и беспечным, что ему захотелось прижать ее к себе и долго-долго не отпускать, и кружить в объятьях, и целовать ее смешной нос — но вовсе не по сговору с настоятельницей, а из-за нее самой.

С трудом удержав руки на месте, он призвал себя не спешить.

— На яблочко? — Он наморщил лоб и притворился, что всерьез размышляет над ее вопросом. — Нет. Скорее, на сливу.

Она засияла пуще прежнего и рассмеялась. Ее смех потонул в шуме аплодисментов, которыми зрители наградили кланяющихся актеров. А он все смотрел на ее нежные, немного несимметричные губы, так долго и неотрывно, что почти ощутил их вкус.

Позволив ладони зависнуть над ее талией, Гаррен повел Доминику сквозь праздничную толчею улиц. У лотка булочника он купил два пирожка с мясом и, отмахнувшись от нахального гусака, который выпрашивал угощение, в один присест проглотил свою порцию.

Доминика ела пирожок осторожно, откусывая по чуть-чуть.

— Вам не нравится?

— Уж очень вкус непривычный. В монастыре мы редко едим мясо.

Гусак пронзительно заверещал. Не обращая внимания на попытки Гаррена отогнать его, он дернул Доминику за подол балахона. Поперхнувшись от испуга, она взвизгнула и выронила пирожок. Птица молниеносно ринулась к добыче, взметнув ворох белоснежных перьев, и, оставив на земле только крошки, триумфально заковыляла прочь.

Доминика нагнулась и подобрала одно перышко.

— Так похоже на перья Блаженной Ларины, правда?

Он кивнул, надеясь, что она никогда не узнает об истинном происхождении перьев из реликвария, обременявшего его шею и его совесть.

— Удивительно, как мала разница между обычными перьями и перьями из крыла святой.

— Столь же невелика порою и грань между грехом и праведной жизнью, и поэтому грешники достойны нашего сострадания.

«Грешники вроде меня», — подумал он, зная, что за свой будущий грех не дожидется прощения.

К вечеру они добрались до Эксетерского кафедрального собора. Высокое, позолоченное солнечным светом строение было полностью забрано лесами. На время праздника работы были приостановлены, и вдоль стен горками лежали инструменты каменщиков. Над арочным входом выстроились в ряд изваяния святых, одни завершенные, другие едва намеченные в камне. Выше зияла огромная круглая брешь, приготовленная для будущих витражей.

Напротив собора началось очередное представление. Увидев наряженного Богом актера, Доминика изумленно распахнула глаза. На голове его болтался грязновато-белый парик, а лицо было закрыто позолоченной маской. Актер шатко покачивался на высоких ходулях, скрытых за подолом длинного белого одеяния, а у его ног корчился грешник, за душу которого с энтузиазмом сражался рогатый Сатана.

Она потянула Гаррена за рукав.

— Этого нет в Библии.

— Разумеется, есть. — Зачем он спорит? Он, который отринул Церковь, потому что Бог, которому они поклонялись, стал казаться менее правдоподобным, чем этот актер на ходулях.

Бог взялся за весло и начал дубасить Сатану по пышному задку. Толпа взывала от смеха.

— Два пенса на сатану! — крикнул какой-то пьяный лучник.

— Нет, — продолжала упорствовать Доминика. — Такого сюжета там нет.

Гаррен быстро огляделся по сторонам, надеясь, что никто не услышал, как она богохульничает.

— Что значит — нет? Вы-то откуда знаете?

Она смерила его долгим, осторожным взглядом, потом привстала на цыпочки и прошептала, задевая губами его висок:

— Я прочла ее.

Три коротких слова на секунду заглушили гомон толпы. Ошеломленный, Гаррен онемел. Он знал, что она умеет читать и писать. Об этом свидетельствовало чернильное пятнышко на ее пальце. Но Библия была написана на латыни. Читать и толковать ее могли только церковники. Да, она выросла в монастыре, но зачем монахиням понадобилось учить нищую сироту латыни?

— Вы читаете на латыни?

— Да. — Она кивнула и, вся преобразившись, расправила плечи. — И пишу тоже.

Можно было представить, чего ей стоило сделать это признание.

Придерживая Доминику за спину, Гаррен завел ее в прохладную тишину недостроенного собора, где никто, кроме Господа, не мог слышать ее кощунственные слова. Западному нефу предстояло вырасти вдвое выше центрального. В отсутствие свода лес огромных колонн подпирал далекое небо, где за облаками прятался Господь, который, казалось, готовился сразить Гаррена за то, что он выдавал себя за святого.

Гулкое эхо ее шагов затихло. Доминика запрокинула голову, глядя ввысь, и коса свободно повисла у нее за спиной.

— В этом храме Господнем может, наверное, целиком поместиться наш монастырь вместе с замком со всеми его деревнями.

По мнению самого Гаррена собор прославлял не бессмертного Господа, а усопшего епископа, надгробие которого возвышалось справа от алтаря. Какими же дураками были те, кто пожертвовал последнее на строительство этой громоздкой усыпальницы. Такую же глупость совершил в свое время и он сам.

Сквозь огромное отверстие в стене в храм проникли лучи заходящего солнца. Доминику окружило мягкое золотистое сияние, превращая ее в земного ангела, и, глядя на нее, Гаррен возжелал уверовать снова.

Он бережно взял ее за руку, подвел к резной деревянной панели, которая отделяла хоры от храма, и усадил на ступеньку. Потом пристроился рядом, потирая большим пальцем маленькую мозоль на ее среднем пальце.

— А теперь, Ника, расскажите мне все, — произнес он, не вполне уверенный, что готов выслушать ее до конца.

На ее челе залегла тревожная морщинка.

— Это новое испытание?

«Да», — подумал он. — «И мне нельзя его провалить».

— Мне нужна правда, а не правильные ответы.

— Хорошо. Я вам верю. — Бровь, похожая на сломанное крыло, приготовилась взлететь. — Вы, наверное, знаете, что Редингтоны поддерживают работу монастыря.

— Конечно. — Псалтырь своего отца, созданный усилиями монахинь, Уильям пронес через всю Францию.

— Сестра Мария заведует нашим хором и скрипторием. Она всегда была очень добра ко мне. Когда я была маленькая, она сажала меня к себе на колени, пока занималась копированием, а по вечерам на обрывках старого пергамента учила меня писать. — Доминика хихикнула. Смешок отскочил от каменного пола, и она, оглянувшись через плечо,

понижила голос. — Наверное, она решила, что певуны из меня не получатся.

Он улыбнулся, наслаждаясь доверительным пожатием ее пальцев. У него самого не было ни терпения, ни таланта корпеть в скриптории, но труд братьев, которые создавали прекрасные книги, всегда вызывал у него искреннее уважение.

— Мне нравится запах чернил. Нравится держать перо. Нравится, как на странице постепенно, слово за словом, проявляется величие Божье. Я хочу заниматься этим всю жизнь. — Радость озарила ее лицо ярче солнца.

Неудивительно, что она не задумывалась о браке. Копировать священные тексты было разрешено только монахам да монахиням.

Она наклонилась еще ближе. Пушистая прядка волос, которая выбилась из ее косы, щекотала его нос и пахла фиалками.

— Я переписала несколько глав из Блаженного Августина и еще страницу Евангелия от Матфея для нашей библиотеки, даже сама раскрасила инициал красным и золотом.

«А она гордится своим талантом», — понял он и усмехнулся. Впрочем, эта полудетская гордость не дотягивала до греховной гордыни.

— Которую часть из Матфея? — спросил он с фальшивым интересом, лишь бы подольше смотреть, как шевелятся ее губы.

— «Просите, и дано будет вам; ищите, и обрящете; стучите, и отворят вам». Я покажу вам, когда мы вернемся, и вы сами убедитесь, что я хорошо поработала.

Пришел его черед сделать признание.

— В монастыре я оставил латынь другим.

Она торжественно улыбнулась.

— Вот поэтому я мечтаю переложить Библию на обычный язык.

— На английский?

Она кивнула, и он похолодел.

Такую Библию сможет прочесть даже он, который читал по-английски чуть лучше, чем на латыни. Такая Библия будет принадлежать всем, ее смогут обсуждать и цитировать не только церковники, но и простые люди.

Как бы воспринял ее мечту Уильям, который даже в предсмертных судорогах не выпускал из рук псалтырь?

— Настоятельница знает об этом? — спросил он.

— Знает. Только не одобряет, — вздохнула она.

Еще бы. Подобная ересь может подвести под угрозу весь монастырь. Не потому ли мать Юлиана замыслила погубить ее бессмертную душу?

Доминика стиснула его пальцы.

— Даже сестры заучивают молитвы наизусть, не вникая во смысл. Я хочу вдохнуть в них жизнь, сделать так, чтобы люди их понимали. Скажите... — Она зажмурилась, потом открыла глаза и посмотрела на него в упор. — Скажите, вы тоже считаете, что это плохо?

В бездонных синих глазах загорелась знакомая искра. До сих пор в его представлении она была похожа на птичку, которая, сама того не ведая, ждет, когда он откроет дверцу и выпустит ее из монастырской клетки в реальный мир.

Теперь для него стало ясно: своим вмешательством он не освободит ее, но навсегда сделает ее мечты невозможными. Смелости на такое деяние — даже ради Уильяма — он пока что в себе не находил.

— Перевод Писания — важное и нужное дело, и вы достойны им заниматься. Вот, что я

считаю, — осторожно ответил он.

— Вы очень необычный посланец Божий. А вот сестра Мария запрещает мне даже говорить об этом. Может, вы мне поможете?

— Каким образом?

— Когда мы вернемся, скажите матушке Юлиане, что в моем желании нет ничего дурного. Вы так близки к Богу. Она к вам прислушается.

Одно короткое мгновение он колебался, испытывая соблазн согласиться, но...

— Давайте лучше поручим это дело Блаженной Ларине.

Она просияла улыбкой.

— Затем я и приняла паломничество. Я точно знаю, Ларина поможет. И Господь не станет порицать меня за желание распространять слово Его.

В груди остро кольнуло. Как же она наивна в своем заблуждении, что с помощью этого слова можно изменить мир. Гаррен приложил ладонь к ее мягкой и теплой щеке.

— Мне вовек не стать таким чистым существом, как вы. А те высшие силы, которые вздумают порицать вас, не заслуживают вашей преданности.

Тот Бог, которого знал Гаррен, заслуживал преданности не больше актера с накладной бородой. В конце их путешествия, когда Доминика узнает, куда завела ее вера, она испытает те же горечь и одиночество, которые мучили его самого. Ни одно достойное поклонения божество не допустило бы этого.

Глядя в ее ярко-синие, доверчивые глаза, он испытал безумное желание защитить огонек ее веры от ветров внешнего мира.

Но ведь он, напротив, обязался задуть этот огонек.

И внезапно Гаррен понял, что зло от его собственных деяний списать на Всевышнего не получится.

Держа возле носа душистый апельсин, Ричард зашел в покои брата. Он был твердо настроен завести речь о письме и выяснить наконец его содержание. Три дня этот вопрос нестерпимо жег его изнутри.

Уильям напоминал живой труп. Его некогда блестящие золотистые волосы поредели, тонкие кисти рук скрючились, а кожа, как и обещал итальянец, покрылась коростами. Даже запах апельсина не мог перебить исходившее от него зловоние.

Ричарда передернуло. Никколо предупреждал, что их план отнимет какое-то время, но все затянулось слишком надолго. Чтобы отмыться от смрада, придется полдня мокнуть в ванне с добавлением розовой воды.

— Ну что, как сегодня твое самочувствие?

— Не строй из себя заботливого братца. Тебе это не идет. Ты с нетерпением ждешь моей смерти.

— Я всего лишь хочу, чтобы ты освободился от страданий.

— И освободил для тебя титул.

От тошнотворного запаха закружилась голова. Ричард подошел к окну и жадно глотнул свежего воздуха. На западном лугу сервы, обливаясь на жару потом, косили траву. Жена

одного из них, пышногрудая молодуха в платье с неприлично низким вырезом, шла через поле и несла мужу кувшин с элем. Его отец всегда питал слабость к подобным доступным женщинам. Наверняка эта рассталась с невинностью задолго до свадьбы — в отличие от его матери. Да, она пришлась бы отцу по вкусу. Ричард задумался, не призвать ли сегодня эту крестьянку на свое ложе.

— Погоды стоят чудесные, Уильям. Наверное, наши маленькие праведные друзья уже донесли твое послание до Эксетера.

Уильям прикрыл глаза.

— Кстати, а что там написано?

— Ничего интересного.

— Занятно. Наемник сказал то же самое.

— Он не наемник.

Опять он его защищает с таким рвением, что можно подумать, будто они кровные родственники. Но это он, Ричард, его брат по отцу, а не тот безродный и бездомный плут.

— Он воевал за деньги и даже в паломничество пошел не бесплатно. Как иначе прикажешь его называть? — фыркнул он. — Может, Спасителем?

— Я бы предпочел назвать его братом. Его, а не тебя.

В этих словах был слышен отголосок отцовских упреков. *Ну почему ты настолько не похож на своего брата?*

— И от кого, по-твоему, он спасет тебя? Уж не от меня ли?

— Для этого, увы, слишком поздно.

Стиснув зубы, Ричард надолго замолк. Выходит, Уильям знает. Впрочем, какая разница? Глаза Уильяма лихорадочно заблестели.

— Хочешь узнать, о чем говорится в послании? Хорошо, я скажу тебе. — Он сделал попытку приподняться на локтях, и Ричард невольно отшатнулся назад, испугавшись, что брат обретет силу безумца. — В этом послании я сообщаю служителю усыпальницы, что смерть моя будет на твоей совести, и прошу, чтобы тебя повесили, дабы Господь отправил твою душу прямиком в ад.

Конечности Ричарда онемели, и он привалился к стене. Как он не догадался сразу? Надо было догнать их и остановить в первый же день. Если послание благополучно доберется до святилища, все его планы рассыплются в прах.

— Ты написал обо мне?

— О тебе и о твоём итальянце. Ты думал, я ничего не замечу? Я и не замечал — пока не стало слишком поздно.

— Гаррен об этом знает?

— Знает Господь. Тебе этого мало?

— Ясно. — Оттолкнувшись от стены, Ричард заговорил сам с собой. Чтоб восстановить картину полностью, Уильям был ему не нужен. — Гаррен ничего не знает. В противном случае он бы меня убил. Но, если учесть, что местное дурачье почитает его святым, то стоит ему заикнуться, как они вздернут меня на виселице. — Рассуждая, он мерял шагами комнату. — Но ведь ты даже ложку удержать не можешь. Значит, не мог написать послание сам. Ты позвал писца. Кого же?

Уильям издал тихий смешок.

Ричард схватил его за плечи и затряс. Голова брата, как мешок с зерном на спине мельника, заметалась по подушке.

— Говори! Кто записал послание?

Глаза Уильяма закатились. Ощувив слабый укол раскаяния, Ричард отпустил его и отошел от зловонной постели.

Внезапно его осенила догадка.

— Ну конечно. Та девчонка. Доминика. — Он насмешливо взглянул на безжизненный мешок с костями, который когда-то был его сводным братом. — Поздравляю, братец. Ты подписал смертный приговор не только себе, но и этой парочке.

Он выбежал в коридор, слыша за спиной омерзительные звуки рвоты. Вот живучий ублюдок. Впрочем, теперь это не самая большая проблема. Надо скорее собрать вещи. Дать указания Никколо...

— Никколо! — взревел он дрожащим, как руки Уильяма, голосом.

Итальянец возник в проеме двери, словно давно стоял наготове и ждал приказаний.

— Сэр?

Его бесшумная поступь, черные, непроницаемые глаза нервировали Ричарда. Он напомнил себе избавиться от него, когда все будет кончено. Хотя, если Никколо и впрямь умеет обращать металл в золото... то, возможно, стоит его пощадить.

— Коня мне. самого быстрого. Чтобы он был готов не позднее полудня.

Такие приказы следовало отдавать прислуге рангом пониже, но Никколо только поклонился и без возражений направился к ведущей вниз лестнице.

Паломники ушли три дня назад, но верхом он успеет нагнать их до того, как они дойдут до святилища. Если взять несколько воинов... Нет. Нельзя просто напасть на них и перерезать. Лучше облачиться паломником и обставить дело в одиночку, без свидетелей. Как с ними разделаться, он придумает по пути. Можно воспользоваться одним из ядов Никколо, например.

— Ломбар! — рявкнул он. Итальянец замер на полпути. — Принеси мне немного белладонны. И раздобудь где-нибудь серый балахон с крестом.

— Как у пилигримов, сэр? — Мясистые губы Никколо изогнулись в усмешке.

Вопрос вызвал у Ричарда приступ почти истерического хохота.

— Да, болван ты безмозглый! — Он запустил в итальянца апельсином, но промахнулся, и оранжевый мячик весело запрыгал по лестнице. — Я иду в паломничество.

Идеальный план. В дороге часто случаются разного рода напасти. Наемник и девчонка умрут и отправятся прямиком на небеса вместе со всеми своими тайнами и посланиями.

Девчонку, конечно, жаль. Но ничего не поделаешь.

Поднявшись из-за стола, мать Юлиана молча взидала на лорда Ричарда, который, нацепив зачем-то серый балахон пилигрима, стоял перед ней на коленях. Его визит был неожиданностью. Он никогда не посещал монастырь и не интересовался их нуждами, за исключением того раза, когда они заключали сделку с Дьяволом. Может быть, он пришел за новостями? Но ждать новостей еще рано. Или он не верит, что она сделала все, о чем он просил? Ее ужалила совесть, и она поймала себя на мысли, что почти скучает по Доминике.

— Матушка, благословите, ибо я иду к усыпальнице Блаженной Ларины.

— Что заставило вас принять такое решение, сэр Ричард?

— Я обнаружил одно прискорбное обстоятельство. — Его тяжелые веки дрогнули. — Похоже, мой брат внушил себе — вне всякого сомнения, в предсмертном бреду, — что я пытаюсь отравить его ядом.

Яд. Ее желудок свело судорогой.

— Но что навело его на эту мысль?

— Что бы ни навело, но в эту минуту Гаррен несет служителю святилища письмо, где рукой моего брата — или, если быть точным, рукой Доминики под его диктовку — изложено это нелепое обвинение.

Мать Юлиана совершенно точно знала, что граф Редингтон не подвержен бреду. Значит, она не только обрекла на гибель бессмертную душу Доминики. Она приговорила к смерти ее саму.

— Разумеется, это всего лишь бредни умирающего, — продолжал он, — но любое недопонимание лучше уничтожить в зародыше, вы согласны?

Она перекрестилась похолодевшими пальцами, чтобы отвести исходящее от него зло. *Боже, прости меня. Прости за то, что я самонадеянно полагала, что с Дьяволом можно лечь лишь единожды.*

Он опустил голову.

— Так что благословите меня, да побыстрее. Я выезжаю немедленно, ведь если меня по недоразумению обвинят, это будет величайшей несправедливостью.

— Может быть, послать за аббатом? — На это потребуется день. Плюс еще день на то, чтобы аббат добрался до замка. Это время может спасти им жизнь. — Кто-то же должен дать вам официальное сопроводительное письмо.

Он прищурился на нее исподлобья. Взгляд его был опасным и проницательным, как у хорька.

— Как-нибудь обойдусь, дорогая матушка. Вашего благословения будет вполне достаточно, ведь вы близки к Богу не меньше аббата.

— Господи, прости, — пробормотала она на латыни и помахала рукой над его головой.

Выставив локти на стол и подперев щеки кулаками, Доминика сидела в трактире на первом этаже постоянного двора и изо всех сил старалась сдерживать зевок. Рядом дремала, положив голову на руки, сестра Мария, а за нею клевала носом Вдова, уткнувшись подбородком в свой необъятный бюст.

Монастырь, куда сегодня ходила сестра, как и многие постоянные дворы, оказался переполнен приезжими, которые стеклись в город на праздник. Этот постоянный двор под названием «Олень» был уже третьим по счету, куда паломники забрели в поисках свободных мест. Приперев к стенке хозяина — сварливого человечка с круглым брюшком, — Гаррен настаивал, чтобы женщинам выделили отдельную комнату. Джиллиан и Джекин уже куда-то улизнули, не дожидаясь, чем кончится дело, а остальные паломники завернулись в свои балахоны и разлеглись на полу.

В голове Доминики кружились обрывки дневных впечатлений, понуждая ее скорее взяться за перо и переложить истории об Ионе, Иисусе и Ное на понятный людям язык. Гаррен похвалил ее устремление. Для нее это стало добрым знаком — знаком Божьего одобрения, — и весь вечер, пока они обивали пороги постоянных дворов, с ее лица не сходила счастливая улыбка.

Сам Гаррен не улыбался. Когда они вышли из собора, на него напала мрачная задумчивость. Весь день она кружила над ним будто стая черных ворон. Наверное, он сердится оттого, что на его плечи легли заботы об их ночлеге, решила Доминика, наблюдая, как он разговаривает с хозяином.

Будучи на голову выше этого задиристого толстяка, он, тем не менее, ни разу не повысил голос и вообще ничем не выказывал своего физического превосходства. В его мощной фигуре не чувствовалось угрозы. Напротив, когда он притрагивался к ее лицу и поправлял ей волосы, она чувствовала великую нежность, исходящую от его широких ладоней.

И все же этот странный человек нисколько не походил на небесного посланника, какими они были в ее представлении. Но ведь ему доверял не только Бог, но и граф. Он поручил Гаррену дело жизни и смерти — доверил нести свое послание. За дневными развлечениями Доминика совсем о том позабыла. Наверное, ему не терпится продолжить путь. Задержка в городе на день — вот еще одно объяснение его подавленного настроения.

Под столом, развалившись поперек ее башмаков, сидел Иннокентий и глодал разбросанные по полу кости. Доминика пошевелила носком, почесывая его живот, и он мигом вскочил на задние лапы и попросился на руки. Она легко подняла похудевшее за время путешествия тельце и посадила к себе на колени.

Когда хозяин по скрипучей лестнице поднялся наверх, Гаррен сел на скамью напротив нее и вытянул под столом свои длинные мускулистые ноги. Его голень задела край ее балахона. Лучше бы он не сидел так близко, но, с другой стороны, где еще ему сесть, если свободных мест больше нет?

Она замерла, боясь шевельнуться и нечаянно задеть его.

Наполнив кружку элем, Гаррен сделал несколько больших глотков.

— У вас будет кровать, — сжато пообещал он. — Сколько бы она ни стояла.

У них с сестрой не было денег на постоянные дворы, ибо ночевать в монастырях и под

открытым небом можно были бесплатно.

— Я могу лечь и вниз. Если место в кровати найдется только для одного, пусть его займет сестра, — прошептала Доминика. — Мы вернем вам деньги, когда вернемся.

— Ну уж нет. Спать среди мужчин вы не будете. Я этого не допущу, — отрывисто произнес он и взглянул на Вдову и сестру Марию, которые дремали рядом. — Ни вы, ни они. Деньги у меня есть.

— Я совсем не хочу спать.

Уголок его рта дрогнул.

— Тогда почему вы зеваете?

— Может, я и впрямь немного устала, но такого чудесного стола я не видела с тех пор, как вышла из монастыря. — Доминика провела ладонью по столешнице. Она была не такая гладкая, как наклонные доски для письма в скриптории, зато твердая и плоская. — Будь у меня побольше пергамента, я бы не заснула, пока не описала все-все, что мы сегодня увидели.

Он склонил голову набок.

— И на что потом сгодились бы ваши записи?

— Люди смогли бы прочесть их и узнать, как можно славить Господа через мистерии.

Он фыркнул и отхлебнул эля.

— Люди не умеют читать.

— Некоторые умеют, — ответила она упрямо. — Кто сможет понять написанное, то уверует.

Иннокентий наострил свой холодный и мокрый нос. Кто-то из постояльцев развернул ужин, и в воздухе аппетитно запахло жареной курятиной.

— Малыш, ты что, не наелся? — шепнула она ему на ухо.

— Выходит, если переложить Библию на собачий язык, то Иннокентий тоже уверует?

— Возможно. — Это шутка или испытание? Должно быть, второе, ибо он не улыбался. — Собаки тоже создания Божьи.

— Но у них нет души.

Она заметила, что его глаза торжествующе заблестели. А он умеет вести теологические дискуссии, когда захочет.

— Я знаю. И поэтому они не смогут попасть в рай. — Ужасная несправедливость, если вдуматься. Она будет скучать по Иннокентию в раю. — Будь у Блаженного Августина своя собака, он бы никогда так не написал, — сказала она, зарываясь пальцами в собачью шерсть.

Он усмехнулся, и она обрадовалась, что хоть ненадолго, но подняла ему настроение.

Его нога под столом коснулась ее щиколотки, и она встрепенулась, будто пронзенная ударом молнии.

Губы Гаррена дрогнули в улыбке.

Она тоже улыбнулась в ответ. И представила, как погружается пальцами в темные кудри, которые вились на его загорелой шее.

Как ни в чем не бывало он продолжал:

— А что вы будете делать, если ваши мечты не сбудутся?

Она убрала ноги под скамью.

— Но они сбудутся. — В ее сознание прокралась крошечная неуверенность. *Господь не всегда отвечает на наши молитвы так, как мы ожидаем.*

Он не стал искать под столом нового прикосновения.

— Почему вы настолько уверены?

— Иисус сказал: «Просите, и дано будет вам». Я изложила свою просьбу достаточно четко. — Она опять вытянула ноги, придерживая Иннокентия, чтобы тот не соскользнул на пол. — А что попросите у Блаженной Ларины вы?

Он выпрямился, скрестил ноги под лавкой и сделал большой глоток эля.

— Невозможного. Чтобы Уильям жил.

Доминика пристыженно согнула колени. Пока она втайне надеялась еще раз к нему притронуться, он переживал о здоровье графа. Ну и пусть за паломничество ему заплатили. Подобную преданность за деньги не купишь.

— Для Бога нет ничего невозможного. Но разве вы не хотите попросить чего-нибудь и для себя?

Его лицо снова ожесточилось.

— Мне, — с нажимом ответил он, — Блаженная Ларина ничем не поможет.

По лестнице с громким топотом спустился хозяин.

— Сколько у вас женщин? Три? — Его бесцеремонный окрик разбудил Вдову и сестру Марию. — Можете занять комнату по правую руку. Но поспешите, пока там всего одна девица в постели.

Опустив Иннокентия на пол, Доминика помогла сестре встать. Долгие часы в седле добавили к ее застарелым хворям несколько новых.

— Вообще-то с собаками в кровать не положено, — проворчал хозяин. — Все зверье должно оставаться внизу.

Она хотела было заверить его, что у Иннокентия нет блох, но поняла, что уже совсем в этом не уверена, и промолчала.

— С вас крона за всех. — Он подхватил на лету брошенную Гарреном серебряную монету и придирчиво осмотрел ее со всех сторон. — Еще шиллинг сверху за сено для лошади. И если ваша псина чего погрызет или сломает, заплатите за ущерб.

Помрачнев, Гаррен ссыпал в его потную пятерню еще несколько монеток.

— Манеры у этого пса будут получше твоих.

Неужели стол и кров стоят так дорого? Она пересчитала взглядом монеты — одна, две, три — и понадеялась, что граф заплатил своему паломнику достаточно щедро.

Иннокентий умчался вверх по лестнице, обгоняя Вдову и сестру Марию, а Доминика обернулась к хозяину.

— Вы не подскажете, как нам быстрее всего добраться до усыпальницы Блаженной Ларины?

— Обычно ходят в обход болот через Тависток. Это три дня ходу. И от Тавистока еще столько же.

— Шесть дней! — вскричала она. Продержится ли граф так долго? — Нет ли пути покороче?

Хозяин, прищурившись, смерил ее взглядом.

— А куда тебе спешить, девица?

Его маленькие глазки остановились на ее груди, и Доминика порадовалась, что сегодня ночью будет спать вместе с женщинами наверху.

— Она задала тебе вопрос, — сказал Гаррен, оторвавшись от кружки с элем. — Есть дорога короче?

— Да понял я, понял. — Он развязно подмигнул Гаррену. — Есть такая дорога.

Напрямки через болота. Сбережет вам день или два. — Одну за другой он побросал монетки в кошель. — Но, говорят, на болотах до сих пор обитают старые боги, а если опустится туман... — Его пробрала дрожь. — Можно оттуда и вовсе не выбраться. — И с этими словами хозяин скрылся за дверью своей каморки.

— Целый день, Гаррен. — Она присела возле него на скамью. Наверное, он слушал невнимательно, иначе не смотрел бы с таким отсутствующим видом на огонь. — Вы слышали? Если пойти через болота, можно выгадать день. А то и два.

— Зачем? — бросил он, не поворачивая головы. — Ну, станете монахиней на день раньше, и что с того?

Брат медленно убивает меня— всплыли в памяти слова графа, и она похолодела.

— Дело не во мне, а в лорде Редингтоне. Этот день может спасти его жизнь.

— Уильям, скорее всего, уже умер. — Он осушил кружку до дна и со стуком поставил ее на стол.

Наверное, у него в организме избыток черной желчи, подумалось Доминике. Иначе никак не объяснить его меланхолию. Он ведь однажды уже сотворил с Божьей помощью чудо. Зачем же отчаиваться? Неужто Господь откажется сотворить второе? Придется напомнить о его долге.

— Но он доверил вам свое послание...

Гаррен прищурился.

— Послание?

Выходит, граф не посвятил своего гонца в его содержимое?

— Я видела пергамент с печатью, — осторожно сказала Доминика, наблюдая за его глазами. — И сделала вывод, что это какое-то послание.

— Это письменное подтверждение подлинности перьев, — ответил он отстраненным тоном.

— Значит, я ошиблась. Но разве вам не хочется поскорее добраться до усыпальницы, чтобы помолиться о его выздоровлении?

— Мне что, отрастить крылья как у Блаженной Ларины и полететь? — Он издал саркастичный смешок. — На мне лежит не только долг перед Уильямом, но и ответственность за несколько душ. Предлагаете завести их в непролазное болото?

— Вы поведете нас не в одиночку. Рядом будет Господь.

Он демонстративно огляделся, обозревая пол, на котором вповалку храпели спящие.

— Что-то я не вижу рядом никакого Господа.

— Незримо Он всегда с вами. — Даже если Гаррен не святой, как он может отрицать тот очевидный факт, что Господь избрал его своим орудием? — Он помог вам спасти лорда Редингтона.

— Но я не смог спасти ничего из того, что Он у меня отнял. — Лицо его исказила озлобленная гримаса. Глаза стали похожи на твердый, темно-зеленый малахит. — Может, мне попробовать спасти вас, Ника?

Она облизнула губы и открыла рот, но слова не шли с языка. Внутри, угрожая разгореться пламенем, вспыхнул крошечный огонек.

— Спасти от чего?

— От ваших желаний. — Его ладони зависли над ее плечами, и она ощутила, как по коже поползли мурашки. — Вот например сейчас вы хотите, чтобы я к вам прикоснулся.

— Неправда.

— Неужели?

Большая, квадратная ладонь опустилась на изгиб ее шеи. Она затрепетала. Сердце подпрыгнуло вверх, забилося где-то в области горла. Это злость, сказала она себе, едва дыша. Обычная злость. Он разозлил ее. Вот почему в груди стало так тесно и горячо.

— Я, как и вы, хочу только одного. Как можно скорее добраться до святилища.

Обеими руками он плавно прошелся вверх по ее шее, заключил ее лицо в ладони и наклонился так близко, что она почувствовала его дыхание. И захотела попробовать его губы на вкус.

— Это что, очередное испытание? После того, как я обошла вас в теологии, вы решили зайти с другой стороны и испытать меня через плоть? Прекрасно. — Она стиснула зубы, чтобы остановить дрожь. — Моя вера сильна и выдержит любое искушение.

Большим пальцем он очертил линию ее подбородка, медленно провел им вдоль горла и остановился посередине, вынудив ее нервно сглотнуть.

— Даже такое?

— Да. — Она таяла в его руках. И впервые в жизни засомневалась в том, чего же на самом деле хочет.

Она хотела смотреть, как меняется под влиянием настроения цвет его глаз, превращаясь из травянисто-зеленого в изумрудный. Хотела слышать его смех, когда она скажет что-нибудь особенно умное. Внимать вместе с ним ароматам цветов, следить за полетом птиц в небесах, смотреть на звезды и день за днем познавать все сотворенные Господом земные чудеса.

Она хотела, чтобы он прижал ее к себе и никогда не отпускал из спасительного убежища своих рук, чтобы он залечил тот надлом внутри, о котором она до сего момента не подозревала.

Когда Гаррен отпустил ее, Доминику сотрясла дрожь разочарования.

— У вас есть постель. — Он перевел взгляд на пустую кружку. — Вот идите и ложитесь.

Окружающая действительность — запахи куриных объедков, дыма из очага и кислого эля — разом обрушилась на нее, распирая грудь. Словно, когда Гаррен трогал ее, она не дышала.

— Я твердо решила принять постриг и переложить Библию на английский язык. Вот чего я хочу. Вы сами одобрили мое решение. И моя вера достаточно крепка, чтобы устоять перед любыми соблазнами, которыми Господь испытывает меня через вас.

Она решительно оттолкнулась от края стола и встала. Гаррен не сделал попытки ее задержать, и тогда она на неверных ногах поплелась к лестнице, не останавливаясь и не оборачиваясь из страха превратиться в соляной столб — как жена Лота, которая обернулась, чтобы взглянуть на грешные Содом и Гоморру.

Но когда она поднялась на первую ступеньку, то все-таки не устояла перед соблазном услышать его голос и оглянулась.

— Неужели вам совсем нечего попросить у святой?

Он заново наполнил кружку элем, глядя, как сквозь тугую золотистую струю просвечивают, будто солнечные лучи чрез стекло витража, языки пляшущего в очаге пламени. Потом произнес:

— Разве что дар забывать.

Мир вокруг пошатнулся, и Доминика поспешила подняться наверх. Ориентируясь в темноте на храп Вдовы, она отыскивала стоявшую у оконца кровать. Из конюшни внизу

долетал запах слежавшегося сена и свежего лошадиного навоза.

— Ника, где ты была?

Услышав голос сестры, она вздрогнула.

— Мы обсуждали дорогу на завтра. Я думала, ты давно спишь. Надо постараться выспаться, пока есть кровать и крыша над головой.

— Увы, Господь не одарил меня глухотой как у Вдовы.

Она чувствовала, что сестра улыбается, но расслышала в ее голосе сдержанное страдание. Сестра всегда заботилась о ней. Теперь, когда ее терзала боль в спине и коленях, пришел черед Доминики о ней позаботиться. Но как?

— Тебе что-нибудь принести? Может быть, еще одно покрывало?

— Не нужно, спасибо. Все хорошо.

Доминика разделась. Скатав балахон и подложив его под голову вместо подушки, она примостилась на краешке кровати и натянула на себя простыню. На нее вдруг снова накатило то самое, пережитое наедине с Гарреном, чувство — словно она стояла на краю пропасти и с замиранием сердца готовилась прыгнуть вниз. Рядом зашуршал набитый соломой матрас. Сестра ворочалась с боку на бок, устраиваясь поудобнее.

— Сестра, ты еще не спишь?

— Нет. Что такое, дитя?

— Расскажи мне... — Темнота придала Доминике храбрости. — Расскажи мне с мужчинах и женщинах.

Шорох прекратился.

— Почему ты спрашиваешь?

Из-за Гаррена. Но в этом невозможно было признаться.

— Вот Джиллиан и Джекин... — торопливо заговорила она. — Почему Господь сделал соитие грехом, если по Его замыслу именно таким способом мы должны размножаться?

— В самом соитии греха нет. Похоть — вот что отвращает нас от Господа.

Этот довод бы ей известен. Она сама привела его Гаррену.

— Но их переполняло такое счастье. — Счастье. Это слово и близко не подходило для описания того наслаждения, невольной свидетельницей которого она стала.

— Что ж, счастливые браки приятны Господу. Истинная любовь между мужчиной и женщиной подобна любви Христа к его Церкви.

Все это Доминика слышала много раз и раньше, но теперь это сравнение казалось кощунственным.

За окошком, вторя храпу Вдовы, заухала сова.

— Ника, тебя одолевало искушение?

Да. Но она устояла. И это самое главное.

— Просто мир за пределами монастыря оказался сложнее, чем я себе представляла.

— То, что притягивает мужчин и женщин друг к другу, есть самая могущественная сила на свете. Прежде чем принять обет, убедись... — Шепот угас. — Убедись, что сможешь перед ней устоять.

— Конечно, смогу. — Но долго ли? Она устремила взгляд в темноту, мечтая, чтобы вместо потолочных балок над нею раскинулось звездное небо. — Сестра, а ты сама когда-нибудь испытывала искушение?

Снова скрежет совы — будто предостережение.

— Как и все смертные.

Доминике вдруг подумалось, что все происходящее с нею — часть Божьего замысла. Он испытывал сестру, и она устояла. Иисус в пустыне тоже устоял. Она перекатилась на бок и, подперев голову, попыталась рассмотреть во мраке лицо сестры.

— А как распознать его, это искушение?

— Когда ты возжелаешь мужчину превыше воды и пищи, превыше жизни. — Слова рвались наружу глухими проклятиями. — Превыше своей бессмертной души.

Какая же она сильная, подумала Доминика, закрывая глаза и готовясь прочесть перед сном молитву. Что ж, если сестра не дрогнула, то и она устоит. Она пройдет через все испытания и докажет Всевышнему, что достойна принять постриг.

«Введи меня во искушение, если иначе нельзя», — обратилась она к небу, — «и пошли мне сил устоять».

Однако вместо этого Господь подарил ей ночь невероятных снов.

Следующим утром Гаррен стоял на перепутье и, морщась от головной боли, чувствовал себя Моисеем, которому предстояло провести свой народ через пустыню. Небо милосердно заволгло солнце облаками, но легче от этого не стало. Каждый шаг болезненным эхом отдавался в его голове, которая трещала от эля, выпитого накануне, когда он опрокидывал в себя кружку за кружкой в попытке забыть.

Забыть о том, что ему предстоит разрушить ее жизнь. Что Уильям наверняка уже мертв. Что наутро перед ним встанет непростой выбор.

После часа пути из Эксетера на запад уклоняться от выбора более было невозможно. Слева от него лежала удобная, проверенная дорога вдоль морского побережья. Справа — неверная, но короткая тропа через болота. Один выгаданный день.

— Я всегда ходила южной дорогой, — сказала сестра Мария.

— Давайте пойдем через болото. — Саймон, совсем как Рукко в предвкушении боя, нетерпеливо переминался с ноги на ногу. — Лично я не боюсь.

— Ох, не нравится мне эта затея, — высказалась Вдова. — Я хорошо помню, как мы заблудились в Пиренеях по дороге в Сантьяго.

Доминика молчала.

Щурясь, он устремил взгляд в сторону болот, будто мог разглядеть витые древние камни, венчавшие вершины холмов. *Там обитают старые боги.* Даже если и так, то что? Между старыми богами и новыми нет никакой разницы.

Ветер закружил по траве, окутав их запахом торфа и сырого гранита. Стоит ли так рисковать? Уильям наверняка уже мертв.

Но он дал слово. Он обещал доставить послание и принести перо. И если есть хоть какой-то шанс, пусть даже призрачный, что Ларина сможет повлиять на Всевышнего, если существует хотя бы небольшая вероятность, что он снова поможет Уильяму выкарабкаться...

— *Carpe diem*, — произнесла Доминика.

Пусть он не сможет подарить Уильяму жизнь, зато поможет ему упокоиться с миром.

Гаррен кивнул направо.

— Сюда.

В этом краю заплутал бы и сам Господь — думал Гаррен следующим утром, глядя как из-за горизонта ползет солнечный диск, окрашивая желтоватым цветом бессердечное небо. Моисей скитался по пустыне сорок лет. Сколько же им по прихоти Божьей предстоит блуждать по болотам?

С самого рассвета пришлось идти очень медленно, с осторожностью ступая по топкому торфяному настилу поверх твердого, как основа мироздания, каменного плато. Холмы, усыпанные стадами овец, остались далеко позади. Изредка путникам попадались старые, давно заброшенные хижины, в которых свистел ветер. Вокруг не было ни единого деревца. Только каменные глыбы вклинивались в безжизненный пейзаж, вздымаясь из земли исполинскими витыми столбами, похожими на дым из котла преисподней.

С запада, напоминая о близости моря, тянуло сыростью. Лай Иннокентия, который ошетикивался на каждый шорох, стук лошадиных копыт и бесконечное ворчание Вдовы, пророчившей напасти, были единственными знакомыми звуками в этом враждебном, чужеродном пространстве.

— Что скажете? — спросил он Доминику, которая шагала слева.

— Мы словно на краю света, — прошептала она, во все глаза обзревая раскинувшееся перед ними пространство.

«Точнее не скажешь», — подумал он и вновь обратил взгляд на запад.

Внезапно горизонт заволокло туманом. Огромное облако, сырое и плотное, как свалявшаяся овечья шерсть, надвинулось на паломников и в мгновение ока, будто тьма египетская, окружило их непроглядной стеной. Первые минуты сквозь туман еще проглядывало тусклое пятнышко солнца, а потом исчезло и оно.

— Возьмитесь за руки! — крикнул Гаррен. Ключья тумана застилали ему глаза, забивались в уши и рот, поглощая слова. Услышан ли остальными его призыв?

— Где сестра Мария? — где-то слева испуганно вскрикнула Доминика. — Я ничего не вижу.

Он простер в направлении ее голоса руку, и она по локоть растворилась в тумане. Потом натолкнулся на пушистую макушку. Нащупал плечо, соскользнул по руке вниз, нашел ее кисть и крепко сжал, с облегчением чувствуя, как она пульсирует в его ладони.

Поводья, обмотанные вокруг его запястья, натянулись. Рукко, хоть и был закаленным в сражениях боевым конем, испугался невидимого врага и встревоженно заметался. Сестра Мария призрачной тенью качнулась в седле. Потрепав коня по шее, Гаррен попытался ее успокоить:

— Сестра, не бойтесь. Поводья у меня.

Вдалеке послышался лай.

— Иннокентий, ко мне! — Доминика рванулась в сторону, и Гаррен еле успел ее удержать.

— Ника, не ходите за ним, иначе потеряетесь. Он отыщет нас сам. Собаки это умеют. — Он очень надеялся, что не солгал.

А туман вокруг сгущался все сильнее и сильнее, будто древние боги прогневались за то, что путники потревожили их обитель.

— Слушайте все! — крикнул Гаррен в клубящуюся пустоту. — Пусть каждый возьмет

своего соседа за руку и громко скажет свое имя. Сделаем перекличку. Давайте, по очереди.
— Он нащупал холку Рукко. — Сестра?

— Я здесь.

— Гаррен, — с вызовом отозвался он, сжимая пальцы Доминики, доверительно лежащие в его ладони.

— Доминика.

— Джиллиан.

— Джекин.

Последним, где-то в самом конце, пробурчал свое имя Ральф.

— И что теперь? — От страха голос Джиллиан взвился до визга.

Туман наполнился многоголосым бормотанием.

— Надо остановиться и переждать.

— И сгинуть? Надо вернуться!

— Когда я заблудилась в Пиренеях...

— Давайте повернем назад и пойдем южной дорогой, как и следовало сделать с самого начала.

— Это безумие. Мы блуждаем на болотах вторые сутки. Отсюда уже не выбраться.

— Куда нам идти? — вцепилась в него Доминика. — Вокруг ничего не видно.

Она так верила, что Господь будет направлять их, но Он бросил их на произвол судьбы. И Гаррен разозлился на небеса за то, что они подвели ее.

— Мы пойдем вперед, — сказал он. — Все вместе. Держитесь за руки и, что бы ни случилось, не отпускайте друг друга.

Не слушая ничьих возражений, он расправил плечи и потянул паломников за собой, ощущая себя волом, волокущим тяжелый плуг.

Доминика пошла следом. Джиллиан и остальные, очевидно, тоже, ибо натяжение ослабло и идти стало легче. Неуверенно и медленно, огибая топкие места и напоминая заползшую на болота змею, людская цепочка двинулась вперед.

Никакого Господа я рядом не вижу. Прямо-таки напроорочил. Ослепленный туманом, Гаррен не разбирал перед собою ни зги. Если бы не теплая ладошка Доминики, он бы решил, что остался совершенно один.

Со всех сторон его — лишенного слуха и зрения — обступили фантастические видения. Пронзительный сатанинский визг сменялся воем невидимых духов. Мимо проплывали, растворяясь в тумане, завернутые в длинные белые саваны девы. Затылок холодило чье-то ледяное дыхание, словно позади бесплотной угрозой притаился призрак. Смех да и только, ведь он верил в призраков не больше, чем в Бога. Но в этом месте был готов уверовать разом во всех.

Упрямо шагая вперед, он твердил себе, что всего этого не существует. Реальны только вязкая земля под ногами, поводья в правой руке и ладонь Доминики в левой. Все остальное — иллюзии, порожденные его воспаленным сознанием.

Солнца по-прежнему не было видно. Только впереди, медленно угасая, мерцало неясное сияние, и Гаррен вел паломников в направлении этого света. Что с ними будет, когда опустится ночь? Как они продолжают путь в темноте?

Вскоре он потерял счет времени. Не представляя, куда заведут его ноги, он шел, не снижая темпа, но не потому что уверовал. Просто ничего другого ему не оставалось.

В конце цепочки кто-то споткнулся.

— Это безумие. — Голос Ральфа. — Я возвращаюсь назад.

— Нет, подожди! — крикнул Гаррен и ощутил, что в цепи стало на одного человека меньше. Ральф, этот единственный человек, не навесивший на него титул Спасителя, ушел, исчезнув в зияющей пасти тумана. Чувство потери было таким острым, словно Гаррен потерял брата, но допустить, чтобы и остальные разбрелись по болотам, было нельзя.

— Сестра, — попросил он монахиню, — поддержите нас песней.

И сверху полилось, обволакивая его защитным коконом и перекрывая стенания духов, ее благодатное чистое пение.

*Верь, и ты воспрянешь на крыльях
Взлетишь, как Ларина, взлетишь, как Ларина;
Верь, и ты взлетишь, как Ларина
Прямо в чертог Его.*

Гаррен вскинул голову.

Песня, распирая грудь, распечатала его горло, и он вопреки туману запел. Он пел, и его переполняла пронзительная радость оттого, что он все еще жив. Пел и не страшился ни старых, ни новых богов. Пусть слышат. Пусть поразят его. Ему было безразлично. Если ему суждено умереть, он умрет, но не перестанет петь — исступленно, неистово, звонко.

За ним с небывалым рвением запели братья Миллеры. Затем Саймон — громко, захлеб, доказывая всем, что он выучил слова до конца. Потом Джиллиан — протяжно и чисто. И, как обычно запаздывая, — Вдова.

Слева тихо выводила мотив Доминика. Слившись воедино, их голоса образовали хор, прекраснее которого он не слышал нигде, даже в церкви.

Внезапно позади раздался звук приглушенного удара, а следом вопль. Песня оборвалась.

— Что случилось? Все целы?

Обернувшись, Гаррен различил очертания торчащего из земли валуна — большого, пропитанного сыростью камня ростом почти с Доминику. Видимо, в эту махину и врезался Джекин.

— Не расшибся?

— Нет, — ответил Джекин и, заикаясь, спросил: — Что это может быть?

— Это обычный камень, — сказал он. — Или дорожная веха.

— Вон еще один! — крикнул Саймон.

Они увидели несколько валунов, которые образовывали круг.

— Наверное, это какое-то предостережение, — проговорил Джекин.

— Мы пилигримы, а значит бояться нам нечего, — возразила Доминика, но голос ее дрожал.

— Я слышала об этом месте, — тихо сказала сестра Мария. — По легенде несколько дев обратились в камни после того, как осквернили субботу танцами на болотах.

Липкий, почти осязаемый страх стрелой прошел их сцепленные руки. Гаррен стиснул ладонь Доминики. Нельзя, невозможно допустить, чтобы страх загнал их в болото.

— Господь защитит нас! — выкрикнул он ложь, в которую и сам хотел бы поверить.

«Проклятье, ну докажи, что Ты существуешь!» — мысленно воззвал он к Всевышнему, который не защитил ни его родных, ни Уильяма.

И вдруг они услышали собачий лай, настойчивый и возбужденный.

— Иннокентий, где ты? Сюда! — крикнула Доминика.

Впервые у звука было четкое направление. И Гаррен, отчаявшись, пошел на этот звук и потянул за собой остальных.

Пока они шли, туман несколько рассеялся. Когда под ногами стала видна земля, по цепочке пронесся вздох облегчения.

Из тумана выплыла каменная стена, и Гаррен еле успел остановиться, чтобы не врезаться. Невысокая, взрослому человеку по пояс, она тянулась в обе стороны. Ее высоты могло хватить, чтобы сдержать овец, но не солдат. Впрочем, здесь, в этом странном месте воевать было не за что.

А за стеною жизнерадостно заливался лаем Иннокентий.

Гаррен выронил руку Доминики и пошел вдоль стены, ощупывая древнюю кладку в поисках прохода. Нашел и ступил внутрь.

И слышал журчание ручья. Увидел маленькие круглые хижины с обвалившимися крышами и кучку булыжников вокруг давным-давно умершего очага.

Чья-то заброшенная стоянка.

С его плеч будто сняли тяжеленный груз.

— Здесь мы и заночуем.

Внутри почерневшего круга обнаружилось несколько высохших веток. Откуда они взялись, было загадкой, ибо за весь день пути паломникам не встретилось ни единого дерева. Дрожащими руками Гаррен достал кремень и высек искру. Ветки занялись огнем, и его жар и сияние распугали оставшихся духов. Набрав за стеною торфа, паломники бросали его в костер, покуда дым густым потоком не взвился в ночное, чудесным образом прояснившееся небо.

Доминика сидела у костра и, расслабив глаза, задумчиво взирала на плывущие в прозрачном воздухе языки пламени. Иннокентий, этот пропахший торфом маленький герой, дремал у ее ног.

Гаррен сидел чуть поодаль за ее спиной, безмолвным щитом отгораживая Доминику от темноты после того, как весь день продержал ее за руку. Она прижала руку к губам, страдая от ноющего ощущения пустоты в ладони.

Сегодня он с помощью Всевышнего спас их — от ее глупости и упрямства. Это из-за нее они пошли через болота и заблудились. И почему она решила, что один сэкономленный день что-то изменит? Гаррен был прав. Лорд Ричард, верно, уже свел своего брата в могилу, и на пергаменте теперь написаны слова мертвеца.

Сквозь мерцающее пламя костра было видно, как братья Миллеры и Саймон играют в кости.

— Ну надо же, как мне сегодня везет! — вскричал Саймон. — И это после того, как Господь избавил нас от болотных демонов.

Ее пробрала дрожь. Где-то там, во мраке, блуждал в одиночестве Ральф.

— Перебрось, — потребовал старший Миллер. — Мне сегодня свезло не меньше.

— Господь присматривал сегодня за всеми нами, — молвила сестра Мария достаточно громко, чтобы ее услышала молодежь. — Давайте-ка лучше вспомним, ради чего мы вышли в путь. Я расскажу вам историю Блаженной Ларины, а вы, покуда будете слушать, молитесь за Ральфа.

Игроки отложили кости и притихли, своим недовольным видом напоминая детей, которых обещанием сказки уводят спать. Лекарь потряс Вдову за плечо и разбудил ее, чтобы она тоже послушала.

Доминика знала историю Ларины наизусть, но каждый раз внимала ей с неиссякаемым интересом. Когда-нибудь она обязательно перенесет ее на пергамент.

— Жила на свете девушка по имени Ларина, — начала свое повествование сестра. — Она верила в Бога и в то, что Он всегда будет оберегать ее. Однажды, когда она шла по лесу и несла гостинцы для одной бедной семьи, за ней погналась стая диких кабанов. Ларина бросилась бежать.

Десятки раз Доминика слышала эту историю, но отчего-то сегодня она воспринималась иначе. Если Господь хотел спасти Ларину, то почему Он не наделил ее способностью приручать диких зверей? Святые сплошь и рядом владели этим даром. Святой Амвросий, к примеру, был известен тем, что во младенчестве без ущерба держал в устах пчел, а святого Патрика понимали змеи и послушались его приказа уйти из Ирландии. Для Бога усмирить кабанов было проще простого.

— Она бежала со всех ног, — продолжала сестра Мария своим певучим, размеренным голосом. Ее слушателям стало немного жутковато. — Запиналась о корни деревьев, продиралась сквозь колючие ветви, которые застилали глаза и хлестали ее по щекам, но не останавливалась. Солнце тем временем опускалось все ниже и ниже. В лесу стало темно, и девушка уже не понимала, где она и куда несут ее ноги.

Сестра выдержала паузу и молчала до тех пор, пока Доминика не вспомнила, что по обыкновению в этом месте всегда задавала вопрос.

— И что случилось потом? — спросила она без бывшего энтузиазма.

— Потом она, наконец, выбежала из леса и помчалась дальше. Но вдруг увидела впереди высокий обрыв! А внизу бушевало море. Ларина поняла, что если прыгнет, то упадет в пену прибоя и разобьется о скалы. Она была обречена!

Братья Миллеры подались вперед. Вдова вытянула на голос сестры шею и наострила свое здоровое ухо.

— И тогда Ларина обратила взор к небесам и сказала нашему Отцу Небесному: «Я отдаю себя в твои любящие руки», а потом побежала прямо к обрыву, прыгнула и взлетела...

— Будто ангел! — восторженно воскликнула Доминика, наверстывая недостаток интереса в начале истории.

— Будто птица. Она взмыла ввысь, пронеслась над волнами и благополучно опустилась на камень, где кабаны не могли до нее добраться. И все потому, что Ларина не теряла веры, — назидательно заключила сестра. — Она доверилась Богу, и за ее спиной выросли крылья.

— Потому что она не теряла веры... — повторила Доминика шепотом. Похоже, не вера заставила ее настоять на своем в выборе дороги, а глупая гордыня. Потому что на деле она пала духом и утратила веру в Гаррена — и разуверилась в Боге — в первой же затруднительной ситуации.

— Господь перенес Ларину в безопасное место и защитил от бушующих волн. Теперь там стоит ее усыпальница.

— На острове? — послышался сзади несколько удивленный голос Гаррена.

— Скорее на большом камне, ибо там едва умещается ее могила и святилище с несколькими перышками из ее крыла. Попасть туда пешком можно только во время отлива.

— И как часто бывает отлив?

— Один раз в день, насколько я помню. В остальное время нужно нанимать лодку.

По небу, цепляясь за клочья тумана, плыла полная луна. Одного за другим паломников сморил сон, и тишина заполнилась дыханием спящих. Юноши, закутавшись в балахоны, легли на земле. Джекин и Джиллиан уединились в одной из полуразрушенных каменных хижин. Лекарь и Вдова захрапели в унисон, привалившись друг к другу.

Сзади повеяло холодом. Гаррен ушел.

Гаррен долго шел вдоль извилистой каменной стены, пока мерцание костра не осталось далеко позади. Потом опустился на землю и, привалившись к стене, спрятал лицо в ладонях. Коробочка реликвария и свинцовая ракушка холодили кожу. Смазанное пятнышко луны смотрело на него сквозь туман, круглое и насмешливое, как и предавшее их солнце.

Господь был безжалостен к нему — сегодня и всегда.

На одно безумное мгновение он вновь обрел веру. Поверил, что, если вознести молитву в святом месте, то Господь смягчится, и его друг останется жить. Ради того, чтобы выгадать день и успеть спасти Уильяма, он выбрал путь через болота. И чем все обернулось? Один из них безвозвратно сгинул, а остальные заблудились.

Давно он не ощущал такую всепоглощающую безысходность.

Как теперь сдержать данное Уильяму обещание? Монахиня сказала, что на остров можно попасть только во время отлива. Он тронул висящий на груди реликварий. Допустим, они каким-то неведомым образом доберутся до усыпальницы, но как незаметно туда проникнуть?

Доминика назвала его Спасителем. Но кого он спас? Да никого.

Будто в ответ на его мысли Доминика появилась рядом, высокая и бледная, словно ожившая из камня дева. Полная луна, засияв сквозь тонкую вуаль тумана, озарила ее так ярко, что он ясно увидел ее глаза. В них уже не было осуждения, только боль.

— Извините, — проговорила она. — Я не хотела мешать вам молиться.

Молиться... Смешно. Когда он в последний раз молился?

После того боя во Франции. За жизнь Уильяма.

— Что вам угодно? — Одним своим присутствием она бередила его совесть. Только этого ему не хватало сегодняшним вечером — напоминаний о том, что ему предстояло сделать.

Она встала перед ним на колени, опустив глаза на свои сцепленные в замок пальцы, по-детски гладкие и припухлые. Жизнь еще не отняла у нее невинную прелесть девичества.

— Я хочу попросить у вас прощения за то, что предложила пойти через болота. Из-за меня мы не выгадаем время, а наоборот, потеряем день или даже больше.

— Вы не при чем. Решение принимал я.

— На мне лежит грех гордыни. — Она взглянула на него глазами, полными отчаяния. — Я привыкла думать, что Господь исполнит любое мое желание, стоит только его чуть-чуть подтолкнуть.

Так истово верить могли только те, кто совсем не знал жизни, но высмеять ее наивность у Гаррена не повернулся язык. Уж слишком она напоминала ему о тех временах, когда в его сердце горела такая же безоглядная вера.

— Выходит, Господь разочаровал нас обоих, — сказал он.

— Нет, это я разочаровала Его. Я одна во всем виновата. Помимо гордыни я согрешила еще и тем, что малодушно утратила веру, тогда как не должна была ни на миг сомневаться в том, что вы нас спасете.

— О каком спасении вы говорите? — вырвалось у него. — Я завел вас в туман, но вместо того, чтобы выждать, пока погода наладится, вслепую потащил по болотам.

— Зато теперь мы в безопасности, а значит вы поступили правильно.

— Скажите это Ральфу.

— Он сам не пошел за вами. Это был его выбор.

Он покачал головой.

— Никому из вас не стоило идти за мной с самого начала.

Свинцовая ракушка тяжелым ярмом давила на шею. Доминика с благоговением дотронулась до нее, слегка вжимая ее в грудь.

— Почему вы утратили веру? Вы, у кого есть все основания верить сильнее многих.

— Эта бляха не свидетельство веры, а напоминание о ее бессмысленности.

— Но вы ходили в паломничество в Компостелу.

— Не я, а мой дед. — Он накрыл ее руку своей и ощутил холод свинца за теплом ее пальцев.

— Апостол Иаков не помог ему?

— Мы с вами уже выяснили, что пилигримов на свете больше, чем исцеленных.

Она отпустила ракушку и села, подвернув под себя ноги. Ее коленка прижалась к его бедру.

— Расскажите о нем?

Что ж, пусть узнает. Пусть поймет представление о том, какое горькое разочарование будет ждать ее в конце путешествия.

— Это было во времена правления Эдуарда I, — начал он. — Задолго до моего рождения. Дед ушел воевать с шотландцами, а когда вернулся, его жена тяжело заболела. — Он называл ее не иначе как «моя возлюбленная супруга», с печалью вспомнил Гаррен. — Священник посоветовал ему совершить паломничество. Поклонись, мол, святыне, и она поправится. Дед облачился в балахон, взял посох и отправился в путь. Шесть месяцев он шел до Испании. Шесть месяцев обратно. А она тем временем умерла. Он потратил на бесцельные блуждания год, вместо того, чтобы провести это время с любимой. — Он поднес к лицу Доминики гребешок ракушки. — На память о том времени у него осталось только вот это. Бесполезный осколок свинца.

— Зато теперь они вместе. Они обрели счастье в раю, — возразила она, однако голос ее звучал уже не так уверенно, как раньше.

— В раю? — с горечью переспросил Гаррен. — Никакие обещания мнимого рая не возместят потерь на земле.

Он подумал об Уильяме, о своих родителях, о дедах и прадедах, о рыцарях, которые полегли во Франции. Какое невыразимое наслаждение — просто дышать. Быть живым. Смотреть на безукоризненно круглую бледно-кремовую луну на черном бархате неба. Каждая секунда, выигранная у смерти — бесценна. Каждый прожитый день — это дар.

Она смотрела на него, а он любовался разлетом ее бровей, похожих на птичьи крылья, лбом — высоким и чистым, еще не затянутым морщинками неизбежных жизненных тягот, — широко расставленными, синими как полночь глазами. Он хотел, чтобы она успела познать радости жизни до того, как завистливый Господь умыкнет у нее эту возможность.

Он взял ее за запястья, притянул к себе и обнял, вслушиваясь в ее дыхание.

— Ника, чтобы обрести счастье, необязательно дожидаться смерти.

Она прильнула к нему. Задышала глубоко и часто, откликаясь на близость его тела.

— Знаете, я много думала о том, что вы тогда сказали. О том, чтобы спасти меня от моих желаний. — Она говорила, уткнувшись лицом в его грудь, но сердцем он слышал каждое слово. — Господь поступил совершенно верно, поставив вас на моем пути. Точно так же он испытывал Иисуса, который провел сорок дней в пустыне, искушаемый Дьяволом.

— Вы хотите, чтобы я сорок дней водил вас по болотам и искушал? — В ее горле забился пульс. Он баюкал ее в своих объятиях, защищая от призраков, которые блуждали в лунной тени.

Она таяла в его руках. Теплая, живая. Гаррен чувствовал, как вздымается и опадает ее грудь. Как неровно колотится ее сердце. Как ленивый ночной ветерок вьется вокруг, но не может остудить жар между ними.

Внезапно он отчетливо ощутил рядом чье-то присутствие. Какая-то неведомая природная сила, поднявшись из земли, пронеслась сквозь них, и его ладони на ее спине вспотели. Может, почудилось? Но нет, Доминика тоже встрепенулась.

— Что это было?

Он обратил ее лицо к лунному свету. Отвел со щеки пушистую прядь и заправил за раковину ушка, а потом наклонился вплотную и прошептал:

— Болотный дух.

Она испуганно обернулась, и он нашел ее губы. Какие бы духи не витали на этих болотах, вклиниваясь между ними, но они, горячие и живые, казались более реальными, чем твердые камни за его спиной.

Ее губы были мягкими, сладкими и податливыми. От нее пахло фиалками и дымом костра. Гаррен подтянул ее вверх с холодной земли и привлек к себе на колени.

Он покажет ей, что такое счастье. Не какое-то призрачное и недостижимое счастье в раю, а настоящее, земное. Он научит ее радоваться луне и солнцу, щебету птиц и журчанию весенних ручьев, близости, какая бывает между мужчиной и женщиной. И с этими мыслями он обнял ее еще крепче.

Растворившись в ней как в молоке тумана, он целовал ее, не отнимая губ и не разжимая объятий.

Она отстранилась сама, медленно и неохотно, продолжая цепляться за его плечи, словно вместо губ теперь целовала его пальцами.

— Теперь мне по меньшей мере три дня придется поститься.

На него накатила внезапная злоба.

— Мы с вами не в церкви. И эти камни — не изваяния святых, — резким как ветер голосом сказал он. — Вашего Бога нет на этих болотах.

Помогая себе коленками и локтями, она поднялась на ноги и попятилась назад, а когда заговорила, в ее голосе впервые послышалась горечь.

— Я ошибалась. Не Бог испытывает меня через вас. Нет. Вас прислал Дьявол, чтобы вы разрушили мою жизнь.

Так и есть, подумал он, вставая.

— Почему мне обязательно нужно быть или святым, или дьяволом? Почему я не могу быть просто человеком?

Она перекрестилась.

— У вас ничего не получится. Моя вера крепка.

— В самом деле? — Он отбросил чувство вины. — Вы по-прежнему хотите заточить себя в монастырь после того, как увидели мир? — Он прошелся ладонями вверх по ее рукам и погрузился пальцами в медовые волосы. — После того, как испытали вот это?

Она передернула плечами, словно пытаясь стряхнуть все испытанные его усилиями ощущения.

— Я верила вам. Я верила в вас.

Гаррен отпустил ее, пронзенный раскаянием и ненавистью к себе. А внутри, распирая его плоть, притягивая его к ней, выплескиваясь в холодный ночной воздух, продолжала бурлить та природная сила, что окутала их минутами раньше.

— Верьте в себя, Доминика, ибо в конце ничего и никого рядом не останется.

— Бог. — Ее голос неистово взвился. — Вот кто останется со мной до конца.

— Напротив. Он покинет вас первым.

— Он был с нами и вел нас, даже когда я в Нем усомнилась. Это Он привел нас сюда. — Она отмахивалась от сомнений так яростно, словно любое из них, даже самое маленькое, грозило ее уничтожить.

— Не Он, а ваша собака, — фыркнул Гаррен.

Доминика застыла на месте, будто его слова распахнули окно, через которое ее вновь заполонила несокрушимая уверенность, и, качая головой, с жалостью его оглядела.

— А что, Богу нужно появиться перед вами в виде горящего куста, чтобы вы в Него поверили?

Она буквально напрашивалась, чтобы ее подняли на смех. На это древнее святилище они наткнулись случайно. Им просто повезло, что поблизости нашлось сухое дерево для костра, и его, Гаррена, воззвание к небесам, которое и молитвой-то не назовешь, здесь совсем не при чем. Совершенно. Но невзирая на все эти факты, ее вера не пошатнулась.

Вместо этого, невзирая на все факты, пошатнулось его неверие. Холодея, Гаррен оглянулся на огонек угасающего вдалеке костра.

— Они рассчитывают на вас, — сказала Доминика. — Вам есть, что сказать им завтра?

— Бог его знает.

— Вот именно, — уходя, бросила она через плечо. — *Он* знает.

Отказываясь смотреть ей вслед, он крутил в пальцах потертую свинцовую пластинку. Это всего лишь сувенир. Напоминание о семье, которую Господь отказался спасти несмотря на то, что они заплатили запрошенную цену.

Или же в этом заключено нечто большее?

Сняв с шеи шнурок, на котором висела ракушка, он обмотал его вокруг навершия своего посоха, и кусочек свинца, даря надежду, закачался на принесшим с собой запах вереска ветру.

Рассвет полыхал перед взором Доминики розовыми, золотистыми, оранжевыми и синими красками, будто она воочию застала момент, когда Всевышний впервые сказал «Да будет свет». Величественное сияние озаряло безжизненное, но уже свободное от тумана пространство.

Она отошла подальше от лагеря, так, чтобы даже не слышать запаха костра. Повернувшись спиной к ветру, расставила локти на верхушке каменной стены, развернула пергамент и, чтобы его не сдуло, придавила все четыре уголка камушками. Потом остро очинила перо и макнула его в чернильницу. Сегодня она писала медленно и более убористо, чем обычно, ибо люди, построившие эту стену во времена, когда никто еще не владел письмом, не позаботились о том, чтобы сделать ее поверхность ровной.

Топь. Туман. Тишина.

Буквы насмешливо глядели на нее с листа. Как написать путеводитель для паломников, если они заблудились? Вчера ночью, когда Гаррен обнимал ее, она ощутила присутствие Бога. Или какой-то другой, еще более древней силы. Она ощутила между ними биение самой жизни.

Остаток ночи Доминика пролежала без сна, глядя на полную луну и не узнавая ни себя, ни свое тело. Все вспоминала о том, что случилось, отчего по коже разливалась легкая дрожь, а кровь быстрее бежала по венам.

Экстаз.

Ее грех в одном слове. Однако она не чувствовала себя согрешившей. Но что, если, несмотря на это, ее тоже ждет наказание, как дев, которые осквернили субботу? Что, если теперь Господь не подаст ей знамение?

Что, если оно ей больше не нужно?

Она с силой вдавила перо в бугристую поверхность камня. *Quo vadis*? Куда идешь ты?

Позади возник щит, закрывая ее от ветра. Гаррен — поняла она, даже не оборачиваясь.

— Как ваше утро, Доминика? — Он приставил посох к стене. На его навершии, привязанная к маленькому сучку, весело болталась туда-сюда ракушка, которая раньше висела у него на груди.

Какие же перемены Господь вызвал в его душе вчера ночью?

— Моя вера по-прежнему нерушима, — сказала она, тряскими пальцами пытаюсь свернуть пергамент и спрятать свои записи.

Но не успела. Его большая ладонь уже накрыла драгоценные слова.

— Что это? — нахмурился Гаррен. — Что вы копируете?

— Ничего. Я не копирую, а создаю. Описываю наше путешествие. — Она затаила дыхание, не зная, как он это воспримет.

Гаррен понимающе кивнул.

— Готовите, значит, путеводитель. — Он усмехнулся. — Чтобы другие паломники не заплутали на болотах?

Облегчение было так велико, что она едва не рассмеялась.

— Я посоветую им выбрать южную дорогу.

— Возможно, так оно и впрямь будет мудрее. — Глаза его потемнели, и Доминике показалось, что в их глубине промелькнуло отражение луны. — Не у всех имеются силы

противостоять болотным духам. — Он развернул лист к себе и указательным пальцем провел по цепочке слов между продавленными ножом линиями. — Это на английском?

— В основном.

— Вот. Что это за слово?

— Ника, — ответила она, немея.

Он сдвинул брови.

— Пилигримам ваше имя незачем. Почему вы его написали?

К ее горлу подкатил тугой ком. Ни сил, ни желания отвечать не было, и она покачала головой. Черные буквы поплыли перед глазами.

Он взял ее за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза.

— Почему, Ника?

И она созналась, чтобы не добавлять к списку своих грехов еще и ложь:

— Потому что вы так меня называли.

— Для вас это было настолько важно?

Она храбро кивнула, сжимая губы.

Он снова перевел взгляд на пергамент. Его палец, путешествуя по строчкам, задержался на последнем слове.

— Ника, а что вы написали о прошлой ночи?

Она закусил губу и отвела взгляд. Он подобрался слишком близко. Еще немного — и он догадается, какое важное место с некоторых пор отведено ему в ее жизни.

Тронув ее щеку, он вновь развернул ее лицом к себе. Всем своим существом она затрепетала — до того хотелось еще раз попробовать его губы.

Неужели она желает Гаррена? Его, который спасал других, но ее саму мог уничтожить.

Она сбросила его руку. Потом схватила пергамент и, спрятав его за спиной, отошла на безопасное расстояние. Вне его досягаемости она чувствовала себя увереннее и сильнее.

— Господь испытывает нас каждый день. — Солнце взошло уже довольно высоко, и краски рассвета поблекли. Чтобы изгнать ночных демонов, Господь сотворил свет. — Мы должны сопротивляться искушениям Дьявола как при свете дня, так во тьме ночи, и тем самым доказывать, что достойны милости Божьей.

Предмет ее дневных и ночных искушений стоял напротив, облокотившись о поверхность стены, и поблескивая зелеными глазами.

— И кем вы считаете меня при свете дня? Все еще Дьяволом или снова святым?

Доминика уже не знала, кем он был на самом деле. Ясно она понимала только одно: наедине с ним ее плоть, ее кровь, ее душа оживали. *Боже, помилуй меня, грешную.* Моля Господа о заступничестве, она дотронулась до ракушки, и кусочек свинца живо завертелся под ее пальцами.

— Дьявол вы или святой, но вы — орудие Его.

Резким движением он забрал посох. Оберег апостола Иакова, дернувшись, повис на кожаном шнурке.

— Доминика, сколько можно повторять. Господь не руководит мною.

Гнев его было выдержать легче, нежели ласки.

— Не Господь, значит Дьявол?

На его лице разом отобразились удивление, стыд и еще какая-то эмоция, которую она не смогла опознать. Он открыл было рот, но не произнес ни звука.

Боже, он даже не отрицает. Но отчего-то она испытала не страх, а сердечную боль —

за него.

— Не волнуйтесь. За вчерашнюю ночь я понесу полноценное наказание. Трех дней воздержания от пищи должно быть достаточно.

Глупые слова. После того, как вчера она увидела камни, которые стояли здесь со времен сотворения мира — камни, среди которых витали древние духи, — резные изваяния святых и церковные витражи отделились, стали смутными воспоминаниями.

— Я запрещаю вам голодать. Не хватало только, чтобы по дороге вы падали в обморок.

— Господь придаст мне сил.

— Да, если его чуть-чуть подтолкнуть, — молвил он мрачно. — Вы сегодня завтракали?

— Я не голодна.

Он порывлся у себя в котомке, достал сухарь и бросил ей в руки.

— Ешьте.

— Нет! — Ловя сухарь, чтобы он не упал на землю, Доминика нечаянно выронила и перо, и пергамент. Перо чиркнуло по листу, оставляя кривую, похожую на паучий след, чернильную линию. — Смотрите, что вы наделали. Вот, заберите обратно. — Она протянула ему сухарь, но Гаррен уже развернулся и пошел прочь.

— Помогите! Кто-нибудь, на помощь! — раздался истошный вопль.

Кричали откуда-то из-за стены. Посмотрев в направлении голоса, они увидели седовласого человека, который, шатаясь, брел через топкую пустошь.

Ральф.

— Помогите, — еще раз простонал он и упал навзничь.

Перемахнув через стену, Гаррен догнал его, забросил его руку себе за шею и поволок в лагерь. Вторая рука Ральфа лихорадочно металась в воздухе — вверх, вниз, влево, вправо, — творя крестное знамение для отвода нечисти.

Доминика подула на пролитые чернила, сложила письменные принадлежности в котомку и, зажав в кулаке сухарь, бросилась за ними вдогонку.

В лагере Гаррен положил свою ношу возле погасшего костра, от которого тонкой струйкой уходил в утренний воздух дымок. Выражение лица Ральфа было диким. Покрасневшие глаза никого не замечали перед собой. Он пребывал в каком-то своем, ведомом ему одному мире.

Сестра взяла его за плечи.

— Ральф, с вами все в порядке?

Остальные паломники держались на отдалении и взирали на Ральфа как на ожившего мертвеца.

Гаррен помахал перед его пустыми глазами рукой.

— Ты понимаешь, где ты и кто мы такие?

— Я провел ночь один на болоте, и мне явился Господь.

Вид у него был настолько безумным, что Доминику пробрала дрожь. Кто явился ему посреди ночи — истинный Бог или древние языческие божества?

Ральф поднял глаза на сестру Марию.

— Он вернул мне мою душу.

— Господь милосерден, — проговорила она, обнимая его и баюкая как маленького ребенка.

На грудь Ральфу прыгнул Иннокентий и своим маленьким розовым языком принялся слизывать с его лица слезы. Доминика дернулась было ему на помощь, но Ральф — тот

самый Ральф, который раньше недолго любил пса — теперь гладил его, насколько позволяли его трясущиеся руки.

Люди молчали. Вчера туман был до того плотным, что поглощал все звуки. Сегодня же стенания Ральфа могли донестись, пожалуй, до самого Эксетера.

Взгляд Ральфа медленно прояснился. Будто очнувшись ото сна, он ощупал плечо Гаррена, а сестру тронул за щеку.

— Вы настоящие? Где я?

— Ты в безопасности. Расскажи, что произошло, — сказал Гаррен.

— Когда я ушел, поначалу вокруг был только туман. Я бродил в этом тумане совершенно один. Ничего не было видно. Ничего не слышно, — вещал он жутким замогильным голосом. — Потом меня окружили тени. Услыхав их вопли, я понял, что это души грешников, томящиеся в аду. Бесы заживо сдирали с них плоть. Они горели в огне. Кричали словно умалишенные. Проклятые навечно, они корчились в неопикуемых муках. — По его морщинистым щекам, огибая кривой нос, обильно текли слезы. — Господь показал, что ждет меня впереди. Куда я попаду после смерти.

По ногам Доминики пополз холод. В груди стало тесно. Как не похож Господь, которого он описывал, на того, чей спокойный и ровный голос направлял ее сердце.

— Тогда я начал молиться, — продолжал он, рыдая. — Я попросил Господа направить меня, и Он приказал покаяться во грехах — покаяться искренне, всем сердцем. — Он понурился. — Знаете, сестра, я ведь пошел в паломничество не по своей воле. С вами присутствовало только мое тело, но не душа. Но Господь сказал, что этого недостаточно.

— Истинно так, дитя, — еле слышно молвила сестра, словно обращаясь к самой себе. — Господь приемлет только полное покаяние.

— Теперь-то я это понимаю. Я упал на колени и попросил прощения за то, что избивал жену. За то, что сломал ей руку. Поклялся, что больше не возьму в рот ни капли спиртного. И Бог простил меня. — Глядя в его вытаращенные глаза, Доминика впервые обратила внимание, что они голубого цвета. — Простил и вывел меня к вам.

— Почему вы решили, что Он простил вас? — спросила она. — Ведь рядом не было священника, чтобы отпустить вам грехи.

Его изувеченное лицо расплылось в блаженной улыбке.

— Потому что на меня снизошел покой. — Неожиданно он выпучил глаза еще сильнее и схватил Гаррена за одежду. — А потом с неба раздался голос: «Следуй за Спасителем. Он выведет тебя в безопасное место».

Гаррен с трудом отцепил его скрюченные пальцы.

— Речь, разумеется, шла об Иисусе. — Он выразительно взглянул на сестру Марию.

— Да, — быстро подхватила она. — О нашем Спасителе Иисусе Христе.

Поздно. Паломники уже разинули рты и все как один воззрились на Гаррена в немом благоговении.

Ральф с детским упрямством затряс головой.

— Нет, нет! Он имел в виду тебя!

Доминика перекрестилась и попросила у неба прощения за свое малодушие. Никогда, никогда она не должна сомневаться в том, что голос, который она слышит внутри, может подвести ее.

Она обещала Господу совершить паломничество. Он ведет ее согласно своему плану. Следуя по Его пути, она ощущала такой же бесконечный покой как тот, о котором говорил

Ральф. А Гаррен должен сыграть в этом плане свою, хоть и пока неясную, роль. В свое время Господь сообщит ей, какую. Если она будет верить.

И с этими мыслями она решительно бросила сухарь на землю.

К полудню Доминика жалела, что не съела сухарь.

Выкатив на небо солнце, Господь подарил им безоблачный день. Перед паломниками раскинулась очищенная от тумана долина, усыпанная искореженными ветрами и временем валунами, причудливые формы которых напоминали заморские буквы. В глазах Доминики они были указателями на пути к чему-то неведомому. Знать бы, к чему.

Тропы они не нашли, но не теряли радостного подъема, уверенные, что Господь заново благословил их путешествие. Иннокентий то и дело забежал далеко вперед, но Доминика больше за него не волновалась. Она уже знала, пес умеет находить дорогу назад.

Когда солнце дошло до середины неба и паломники остановились передохнуть, Иннокентий в очередной раз нагнал их и, гордо виляя хвостом, положил к ногам Доминики свою добычу — зверька с длинными обвисшими ушами и запятнанной кровью шерстью.

— Вот молодчина! Добыл нам на обед кролика, — похвалил его Гаррен и потрепал пса за ухом. — Все-таки этот шельмец умеет охотиться.

Доминика тоже приласкала своего любимца, но лизнуть свое лицо не разрешила. Желудок ее скрутило, правда, неясно от чего — то ли от вида несчастного мертвого зверька, то ли от голода.

— Сходи-ка за котелком, милочка, — сказала Вдова, — а мы с Джиллиан пока разожем огонь. Где-то у меня был припрятан тимьян на такие случаи... — Она принялась перетряхивать мешочки, которыми была обвешана ее необъятная талия, а Джиллиан подняла с земли обмякшую окровавленную тушку и достала нож. — Ну, чего стоишь как вкопанная? Котелок привязан к седлу. Возьми его да принеси воды.

Она обещала Господу три дня воздерживаться от пищи. Это всего лишь очередное Его испытание.

Гаррен отвязал от седла котелок и, прихватив три проросшие луковицы, проводил ее до ручья, который с веселым бульканьем нес свои воды на запад.

— Вчера был туман. Что будет завтра — неизвестно, — сказал он. — Советую вам сегодня не упрячиться и поесть.

— У меня пост. Я же говорила.

— Если Господь через Иннокентия вывел нас из тумана, значит и кролик был послан не без причины. Небеса хотят, чтобы мы были сыты.

Она представила, как ароматная, приправленная луком и травами похлебка бурлит в котелке, и в желудке у нее заурчало.

— Прекратите меня искушать.

— Гордыня, между прочим, тоже есть грех, Ника.

— Дайте сюда лук. — Она забрала у него луковицы, развернулась и промаршировала к костру, твердо вознамерившись быть стойкой. Она поможет готовить кролика, но сама и кусочка в рот не возьмет.

— Брак, — разглагольствовала у костра Вдова, — можно назвать удачным только в том случае, если верховодит жена.

Джиллиан была не согласна.

— Всем заправляет муж.

Доминика не собиралась вслушиваться в разговоры о мужчинах и женщинах. К ее жизни все это не имело никакого отношения. Она плюхнула котелок на огонь и расплескала воду на угли.

— Аккуратнее! — воскликнула Вдова. — Не разлей.

— Извините. — Резкими движениями, будто очиняя перо, она начала кромсать луковицу, радуясь, что Вдова глуховата и не слышит, как бурчит у нее в желудке.

Вдова между тем продолжала наставлять Джиллиан.

— Я пять раз была замужем, так что знаю, о чем говорю. Жаль, с нами нет жены Ральфа, я бы научила ее кое-каким хитростям. Главное, чтобы мужчина верил, что все решения он принимает сам. На деле же... — Она повела плечами. — Без нас мужчины беспомощны как котята.

Доминика швырнула лук в котелок и просыпала половину на угли. Торопливо исправив оплошность, она сунула в рот обожженные, пахнущие луковым соком и испачканные пеплом пальцы.

— Брак, — процедила она сквозь зубы, — подобен любви Христа к Церкви.

Вдова прыснула.

— Милочка, до чего же ты наивна. — Она подмигнула Джиллиан. — Ты же не думаешь, что в прямом смысле станешь невестой Христовой, когда примешь постриг?

Телеса ее заколыхались от смеха, а Джиллиан покраснела. Образ, который возник в голове Доминики, получился настолько кошунственным, что стыдно было просить у небес прощения.

— Нас свяжут мистические узы, — сказала она.

Мистические узы. Шею и уши опалило жаром. Вроде тех, что притягивали ее к Гаррену.

— Прости, милочка. Просто ты еще совсем-совсем зеленая. — Вдова утерла слезы, вызванные явно не луком, и помахала на себя руками. — Давайте-ка прекратим, не то я сболтну какую-нибудь ересь и расстрою нашу милую сестру. — Перекрестившись, она кивнула сестре Марии, которая терпеливо слушала, как Ральф пересказывает свои ночные приключения. — Вот кто истинный подарок для Церкви. Жаль, не все церковники такие, как она.

Это заявление уже сильно смахивало на ересь. Чувствуя, как в желудок вгрызается голод, а душу снедает раскаяние, Доминика ухватила за привычные аксиомы.

— Тот, кто сомневается в Господе, не должен принимать паломничество.

Вдова помешала похлебку и положила ложку на край котелка.

— Знаешь, чего мне на самом деле хочется получить от Господа, милочка? — Она потрепала Доминику по щеке. Ладонь ее остро пахла приправами. — Вернуть слух было бы конечно, чудесно, но с глухотой можно свыкнуться, а вот с одиночеством — никогда. Новый муж — вот чего я хочу. — Она оглянулась на Лекаря. — И пока что Господь справляется на отлично.

Новый муж... Какое низменное желание.

— Но Господь требует от нас безграничной веры, как... как у Ларины!

— Взгляни на Ральфа, — сказала Вдова. — Иной раз вера приходит сама по себе, через

чудо.

Порубленное на кусочки кроличье мясо весело тушилось на огне. Вдыхая соблазнительный аромат, она вспомнила, что по правилам мясо молодых кроликов разрешено есть даже во время поста, и покосилась на котелок. Быть может, Господь со свойственной ему предусмотрительностью послал Иннокентию молодого кролика, и ей можно съесть один кусочек?

Когда паломники выстроились в очередь за едой, Джекин опытным взором паромщика посмотрел на запад.

— Облака снова собираются.

Она проследила за его взглядом. Много ли они успеют пройти, прежде чем хлынет ливень?

Паломники ушли дальше, чем предполагал Ричард. Два дня он скакал без отдыха, но так и не настиг их. Как и не сообразил, как с ними поступить. Он знал только одно: Гаррен не должен остаться в живых.

Он вспомнил о девчонке и усмехнулся. Она тоже умрет. Но не раньше, чем он отведаст ее тела.

При воспоминании о Доминике плоть у него между ног шевельнулась, и он от души расхохотался. Нет, он воистину сын своего отца! Отца, который много лет назад раз и навсегда разочаровал его.

Это случилось однажды ночью, вскоре после того, как Ричард, новоиспеченный двенадцатилетний оруженосец, прибыл домой погостить. Проснувшись посреди ночи, он услышал подозрительный шум. Кто-то крался по коридору. Сжимая трясущимися руками меч, Ричард набрался храбрости и выскользнул из спальни.

— Кто здесь?

В коридоре, держа свечу, стоял его отец. Его шосссы свободно болтались на бедрах. Мятая туника поехала на широких плечах. Волосы растрепались. Он выглядел так, словно вернулся с долгой попойки.

Но вместо буйного пьяного гнева или хмельного веселья в его пронзительных синих глазах блесело раскаяние.

— Чего ты здесь бродишь? Почему ты не спишь, как твой брат?

Иными словами — почему ты не такой, как твой брат? Как его драгоценный Уильям, сын от первой, любимой жены.

Дрожащая рука Ричарда опустила тяжелый меч.

— Я услышал шум и вышел проверить, все ли в порядке.

— Больше нечем заняться, кроме как совать нос не в свои дела? — Отец подтянул штаны и пригладил взъерошенные волосы.

Глаза Ричарда округлились. На плече отца он заметил длинный волосок цвета меда, а между ног — маленькое влажное пятнышко.

— Ты был с женщиной, — сорвалось у него с языка.

— Замолкни, мальчишка. — Граф оглянулся на дверь спальни.

Дверь отворилась.

На пороге стояла мать Ричарда. Ее каштановые волосы были распущены по плечам. Желтоватая кожа на щеках и подбородке слегка обвисла от возраста. При виде сына она оцепенела.

— Все в порядке, Ричард. Твой отец упражнялся в письме. Идем спать, супруг.

Отец подчинился. Когда он проходил мимо Ричарда, в нос ударил запах чужой женщины.

— Но, мама, он...

— Спокойной ночи, сын, — твердо сказала она, и дверь с печальным стуком закрылась.

А Ричард, как громом сраженный, остался стоять в коридоре. Так вот чего стоит хваленое благородство отца. Мать Уильяма, значит, достойна уважения, а его мать можно позорить?

На следующий день отец отослал его, и больше они никогда не виделись.

Ничего, за отцовские грехи сполна заплатит Уильям, его светловолосый, синеглазый любимчик. Скоро, совсем скоро Ричард займет его место.

Когда он добрался до Эксетера, летнее солнце заволокло тучами. Зачастил дождь. Промокшие флаги поникли над пустыми деревянными помостами. Огибая их, он был полон решимости поскорее найти нормальную постель. И плевать на церковные предписания.

К моменту, как он вошел на постоялый двор «Олень», лило как из ведра.

Ричард обтер лицо и отряхнул воду с груди и со своих напряженных бедер.

— Эй, ты! — подозвал он хозяина. — Мне нужна сухая постель и горячее вино. — Он сделал паузу. — И кое-какая информация.

— Свободных постелей сегодня хватает. — Объемистое брюшко хозяина говорило о недостатке и изворотливости, как и алчный огонек в глазах. — Какая информация тебе нужна? И сколько ты готов за нее заплатить?

— Нисколько, если ты ничего не знаешь. — Он бросил нахальному простолюдину фартинг. — Я ищу группу паломников. Их ведет здоровый такой рыцарь на хорошем коне.

— Ты что, тоже паломник? — Хозяин смерил его недоверчивым взглядом.

— Не видишь на мне крест? — Ричард ткнул себя в промокшую грудь. — Я с ними. Просто отстал.

— Паломники, говоришь? Жалко, память у меня уже не та, что раньше...

Ричард достал двухпенсовик и швырнул его на стол.

— Говори уже, черт бы тебя побрал.

— Вот теперь, кажется, припоминаю. Вроде были здесь какие-то паломники, две, может три ночи назад.

— Так две или три? — Обеими руками он взял хозяина за плечо, и тот испуганно вытаращил глаза.

— Вспомнил. Они приходили на праздник Тела Христова.

Черт. Отпустив хозяина, Ричард вытер ладони о балахон. Они впереди на два дня пути. Чтобы нагнать их, придется сменить лошадь.

— С ними была девица? Высокая, с синими глазами.

— Да. — Он моргнул и глупо заулыбался. — Ее я запомнил хорошо.

Ричард прищурился. Неужели девчонка уже испорчена?

— Она спала с их вожакom, так?

Хозяин недовольно покосился на двухпенсовик.

— Эта информация стоит шиллинг.

— Значит, спала, — сказал Ричард.

Рот хозяина скривился в скептической усмешке, и Ричард понял, что Гаррен еще не успел совратить маленькую девственницу. Эта информация и впрямь стоила шиллинга. Но платить за нее он не станет.

— Впрочем, неважно. Какой дорогой они отсюда ушли?

— Есть две дороги. Одна через болота, вторая вдоль побережья. Вторая длиннее, но безопаснее. Я слышал, как они спорили, которую выбрать, но до чего договорились — не знаю. Девчонка вроде бы настаивала пойти коротким путем.

Девчонка написала послание, но очевидно не посвятила Гаррена в его содержание, иначе он снова рвался бы разыгрывать из себя Спасителя.

— Теперь неси вино и покажи, где моя постель.

Он наверстает эти два дня. Дождь их задержит. А если они по глупости пошли через болота, можно даже не менять лошадей.

Дождь зарядил с самого утра, но Доминика была даже рада. Хлюпая башмаками, она с покорностью принимала на свою голову наказание в виде холодных потоков, которые, обрушиваясь с небес, стекали за шиворот и капельками срывались с кончика ее носа. При воспоминании о проглоченном кусочке кроличьего мяса ее желудок виновато сжимался.

— Когда я ходила в паломничество в Компостелу, нас тоже преследовали дожди, — завела свою обычную песню Вдова. Грянул гром, и она вздохнула. — Но таких ужасных ливней в Испании не было.

Сестра, покачиваясь в седле, мелко дрожала и ежилась от холода. Сквозь раскаты грома Доминика слышала, как она то и дело заходится простуженным кашлем. «Ей нужно согреться и переодеться в сухое», — подумала она, на миг рассердившись на Господа. Ну почему одинаково страдать должны все, даже самые непорочные?

Гаррен в одиночестве шел впереди. Намокшие волосы его вились колечками, но дождь, казалось, нисколько ему не мешал, судя по тому, как он обращал лицо к небу, ловя ртом прохладные капли. Он умеет находить радость даже в самых малоприятных Божьих проявлениях, подумала Доминика.

Перекусив в середине дня, паломники снова двинулись в путь и по старому, но еще крепкому каменному мосту перешли свою первую реку. Ограждения у моста не было, и Иннокентий, который по своему обыкновению бежал впереди и разведывал дорогу, чуть не сверзился в воду, поскользнувшись на мокрых камнях.

Маленькие ручьи и полноводные реки все чаще преграждали паломникам путь, и каждая река была глубже предыдущей. Наконец, они дошли до реки, моста через которую проложено не было. На берегу возвышался крестообразный камень.

— Там написано «Тависток», — сказала Доминика, с облегчением увидев, что это обычный указатель, а не изваяние древних богов. — Значит, мы на верном пути к монастырю.

— Я ни разу не ходила этой дорогой, — клацая зубами, произнесла сестра, — но если перебраться через реку, можно остановиться там на ночлег.

Гаррен взъерошил свои мокрые волосы.

— Отрадно слышать, сестра, что ваш Господь не требует от нас еще и спать под дождем. Я по очереди перевезу вас на ту сторону.

— Сначала сестру, — незаметно шепнула ему Доминика, и он кивнул.

Он сел в седло позади сестры Марии и, придерживая ее, направил Рукко к реке. Когда конь оступися на болотистом берегу, Доминика вскрикнула и зажала ладонью рот. Гаррен мгновенно подхватил поводья и успокоил животное, но вздохнуть она смогла только в момент, когда они очутились на противоположном берегу.

Вернувшись обратно, он по очереди перевез Ральфа, Лекаря, Вдову и Джекина с Джиллиан, которые не меньше пяти минут упирались и настаивали, чтобы их перевезли вместе. Наконец на берегу остались только Доминика, Саймон и братья Миллеры.

— Теперь вы, — обратился к ней Гаррен.

При взгляде на его сведенные усталостью плечи у нее защемило сердце. Она подхватила котомку, где лежал завернутый в промасленную тряпицу пергамент, взяла Иннокентия на руки и напомнила себе сделать запись о реке, чтобы те пилигримы, которые прочтут ее

путеводитель, были предупреждены об этом серьезном препятствии.

Гаррен хмуро взглянул на нее сверху вниз.

— Поставьте пса наземь.

Язык Иннокентия, слизывая дождевые капли, широко прошелся по ее щеке.

— Он не сможет переплыть реку.

— Я не собираюсь бросать его. Просто с собакой на руках вам будет несподручно забираться в седло, а мне — помогать вам. Вы все-таки не мешок с зерном. Отдайте его Саймону, пусть подержит.

Она подчинилась, но когда Гаррен, не слишком церемонясь, усадил ее впереди себя, с унынием ощутила себя тем самым мешком с зерном. Он обнимал ее без намека на вчерашнюю нежность. Впрочем, с какой стати ему быть нежным с той, кто кличет его приспешником Дьявола?

Беспокойная живая гора, на которой она неуверенно восседала, пугала Доминику. Ее ноги, свешиваясь по левую сторону седла, беспомощно болтались в воздухе. Неожиданно конь взбрыкнул, и Доминика вцепилась в Гаррена.

— Какой он громадный, — выдохнула она.

— Вы что, в первый раз сели на лошадь?

— В монастыре нет лошадей. Только ослы.

— Он у меня молодец. — Гаррен потрепал коня по мощной шее. — Не дрогнул перед французской конницей — не подведет и сейчас.

— С Божьей помощью, — вставила она, Впрочем, не вполне уверенная в том, что небеса нынче в настроении помогать ей.

— Коню я доверяю больше. — Насупившись, он жестом подозвал Саймона. — Отдай ей собаку.

Она прижала к себе дрожащий, насквозь промокший комок шерсти и зажмурилась, когда под копытами Рукко сердито забурлила вода. Под гнетом течения коня шатало из стороны в сторону.

Она спрятала лицо у Гаррена на груди. Теплый, успокаивающий запах его тела, проникая сквозь слои мокрой одежды, защекотал ноздри.

— Тише, тише, все хорошо, — молвил он, и Доминика, едва слыша за рокотом воды размеренное биение его сердца, не поняла, кого же он утешает — своего коня или ее.

Неожиданно Рукко резко накренился вправо.

Пискнув, Доминика взмахнула руками и качнулась назад, не сразу осознав, что Гаррен ее держит. Но Иннокентия она удержать не смогла. Оттолкнувшись от нее своими короткими лапами, пес ринулся в бурлящий речной поток.

— Иннокентий, нет! — отчаянно крикнула она.

Глаза ее распахнулись. Она дернулась за ним, отбрасывая руки Гаррена, но было поздно. За коротким лаем раздался всплеск, и вода его поглотила. А за ним, потеряв равновесие, вывалилась из седла и сама Доминика.

Напоследок она попросила Господа приглядывать за сестрой Марией и за Гарреном, а потом вода сомкнулась над ее головой.

Стремительное течение влекло Доминику за собой. Падая, она успела схватиться за балахон Гаррена и теперь, противостоя потоку, держалась за него из последних сил.

Вода залила ее глаза, уши и нос. Она ослепла и оглохла, легкие горели огнем, требуя воздуха. Непроизвольно сделав вдох, она захлебнулась и разжала пальцы. Мокрая ткань выскользнула из рук, и она — то ли в голос, то ли мысленно — закричала:

— Спасите меня.

Будто откликнувшись на ее призыв, какая-то сила потащила ее вверх, пока она, барахтаясь и задыхаясь, не оказалась на поверхности.

— Держитесь. Я вас не отпущу.

Тяжелая одежда саваном тянула на дно. Наглотившись воды, Доминика никак не могла вздохнуть и молотила конечностями по воде, панически извиваясь и хватая ртом воздух.

— Прекратите дергаться! — рявкнул Гаррен. — Иначе мне вас не удержать.

По инерции продолжая барахтаться, она осознала, что он держит ее подмышками. И тогда, открыв глаза, заставила себя зависнуть среди палок и веточек, что кружились в пене на поверхности воды.

Посреди этого клокочущего безумия стоял недвижим, как скала, боевой конь и ждал команды хозяина.

— Рукко вывезет нас на берег.

Он взялся за ногу лошади. Рукко сделал шаг, потом другой, третий, и поволок Доминику и Гаррена за собой. Ее захлестнула волна облегчения. Спасена. Замерзшая, вымокшая, еще не отошедшая от испуга, она крепко вцепилась в Гаррена. Спасена.

Наконец-то откашлявшись, она шумно вдохнула воздух.

— Где... — говорить и одновременно дышать у нее не получалось, — ... где Иннокентий?

Гаррен кивнул куда-то вбок.

— Плывет за нами как утка.

Завертев головой по сторонам, она разглядела на берегу сестру, которая стояла, схватившись за сердце. По мелководью метался взад-вперед и что-то кричал Джекин, но за ревом воды его не было слышно. Рядом преклонил колена Ральф. Он молился, обратив лицо к извергающимся дождем небесам.

Ну а пес, держа голову над водой, плыл им навстречу и был не только цел и невредим, но и безмерно счастлив.

— И зачем я за него волновалась? — Она хотела рассмеяться, но вместо этого снова закашлялась.

Гаррен усмехнулся над ее ухом. Обнимая ее своими теплыми, надежными руками, он нес Доминику сквозь бушующую стихию, прижимая к себе, быть может, чуть крепче, чем следовало, и пусть вода была сверху, снизу, повсюду, пусть она насквозь вымокла, но она была спасена.

Спасибо тебе, Отец Небесный.

Шаг за шагом лошадь тянула их к берегу. Внезапно Доминика вспомнила о своей котомке, болтавшейся сбоку — целой, но, увы, полной воды. Промасленная тряпица едва ли могла защитить пергамент, а значит все созданные ею чудесные слова оказались смыты. По

ее щекам, смешиваясь с дождем, покатались слезы.

Гаррен обнял ее теснее.

— Не переживайте. Я держу вас.

— Я не об этом, — всхлипнула она. — Мои записи... Они теперь испорчены. — Ее поразила новая мысль, еще страшнее. — Послание! — Она ошупала его грудь. — Где оно?

— Привязано к седлу.

Над водой. И все же оно могло пострадать.

— Вода могла добраться и до него.

Уткнувшись взглядом в его грудь, она увидела, что серебряная коробочка реликвария болтается в воде.

— Перья! Они промокли!

— Птицы летают под дождем, и ничего.

— Но это же священные перья!

Не отводя глаз от берега, он притиснул ее к себе еще крепче.

— Мое дело спасти вас, а реликвии Господь пусть спасает сам.

И она улыбнулась, хоть и подозревала, что он святотатствует.

К тому времени, как они добрались до берега и Джекин с Ральфом помогли им преодолеть последние несколько метров, сплошная стена дождя разделилась на струи. Иннокентий, который носился вокруг, очевидно расценивал произошедшее как увлекательное приключение и полагал, что остальные разделяют его восторг.

Гаррен выпустил Доминику из уютного кольца своих объятий и препоручил заботам сестры Марии, которая прижала ее, будто малое дитя, к своему мокрому черному одеянию.

— Ну, будет, будет, не плачь. Господь уберег тебя от гибели, — молвила сестра и зашлась кашлем.

Подняв голову с ее плеча, Доминика оглянулась на Гаррена. Паломники застыли вокруг него, не смея приблизиться, точно он был окружен неким сиянием, которое удерживало их на расстоянии.

Он сел в седло и вновь направил коня в воду, чтобы перевезти остальных.

— Боже, — пробормотал Ральф. — Он воистину Спаситель.

Доминика вздрогнула. *Теперь на его счету еще и мое спасение.*

По настоянию сестры Доминике выделили в монастыре отдельные покои, остальные же разместились в специальной пристройке для паломников. Нежась в тепле, она лежала в кровати и потягивала горячее вино со специями, а когда подоспел ужин, наелась тушеных с беконом бобов. Наконец сестра укрыла ее, подоткнула одеяло и несколько раз встряхнула ее на матрасе, словно она снова была маленькой смешливой Никой.

Но сегодня Доминика не могла заставить себя улыбнуться. Даже у пса не вышло ее приободрить. Когда сестра пошла отнести на кухню тарелки, она свернулась калачиком, сытая и согрешая, но с тяжестью на душе. Все ее представления о том, какая судьба предначертана для нее Богом, были начисто смыты.

Когда она, дрожа от дурного предчувствия, развернула пергамент, то не увидела слов.

Только расплывшиеся до неузнаваемости черные пятна да уродливые потеки. Тогда она ударила по листу кулаком. Он треснул и свернулся в трубочку. Она ударила его еще, и еще раз, и с каждым ударом он трескался в новых местах, а когда избивать несчастный лист стало выше ее сил, она швырнула его на пол и встряхнула кистями рук, будто стряхивая свои разбитые мечты.

Почему Господь спас ее, но уничтожил ее работу?

Гаррен искушал ее, и она согрешила, но почему, вместо того, чтобы наказать, Господь через Гаррена спас ее?

Она закрыла глаза и услышала отголосок знакомых вечерних гимнов, доносившихся из часовни.

И остро захотела услышать пение монахинь, а не монахов. Вернуться домой, в монастырь, к привычному, не подверженному никаким переменам укладу. К уверенности в завтрашнем дне и в себе. Туда, где каждый прожитый день приближал ее к раю. Туда, где не существовало сомнений.

Кашель сестры и шорох мокрого подола по полу прервал ее молитвы.

Выглядывая из-под теплого одеяла, Доминика смотрела, как сестра достает из котомки и раскладывает перед очагом свои вещи, пострадавшие от дождя. *Она вымокла не меньше моего. Почему я заметила это только сейчас?*

Она вылезла из постели.

— Ложись. Твоя очередь греться.

— Не волнуйся обо мне. Я лягу с остальными. Ведь это тебя мы сегодня чуть не потеряли. — Она крепко сплела пальцы с пальцами Доминики, словно хотела еще раз удостовериться, что та жива и здорова.

— Я теперь больше тебя, — сказала Доминика, снимая с головы сестры еще влажный плат и раскладывая его на скамье у очага. — Так что ты должна меня слушаться.

Она уложила сестру в кровать, закутала в одеяло и тоже попыталась встряхнуть ее на матрасе, но сестра закашлялась, и она остановилась.

— Спасибо, дитя, — сказала монахиня. — Я и правда очень устала.

— Тебе нужно набраться сил. Мы ведь уже скоро придем, да?

— Через несколько дней.

— Сегодня Господь спас меня.

— Да. Я всегда знала, что Он привел тебя в этот мир не просто так.

— Я готова вернуться домой. И трудиться в скриптории. Как ты.

Она ждала, что сестра как обычно скажет, что ее предназначение состоит именно в этом, но в глазах у той отразилось замешательство.

— Я всегда этого хотела, но прежде чем принимать решение, убедись, что оно исходит не только от тебя, но и от Господа.

Но сегодня Доминика не хотела об этом думать. На один вечер она захотела снова стать маленькой девочкой. А со своими сомнениями она разберется потом.

— Расскажи еще раз, как я оказалась в монастыре. — В детстве она слушала эту историю охотнее, чем колыбельные. Как и легенду о Ларине, Доминика знала ее наизусть.

— Это случилось одним солнечным летним утром, — как всегда начала сестра. Правда, на сей раз в кровати была она, а на краю узкого матраса — Доминика. — Меня, тогда еще послушницу, отправили открыть ворота. Солнце взошло уже высоко, и я как раз разобралась с утренними делами. Когда я подошла к воротам, то увидела рядом корзинку, накрытую

платком.

— Как в истории о Моисее в тростниках! — воскликнула Доминика, вставляя в рассказ свою привычную реплику.

— Наверное. — На щеках сестры заиграли ямочки.

— А какого цвета был платок?

— Синего. Совсем как твои глазки. — Она лукаво взглянула на Доминику. — Сперва я решила, что кто-то принес нам яблоки.

— Яблоки, — повторила она. Внезапно ей расхотелось быть похожей на эти круглые красные плоды — особенно в глазах Гаррена. — Я что, так похожа на яблоко?

Скорее на сливу.

Рассмеявшись, сестра шутливо потрепала ее за щеки.

— Ну, тогда у тебя были круглые красные щечки. Но когда я подняла корзину, яблоки вдруг завопили и стали сучить ножками!

— И это была я!

— Да, это была ты. И я в ту же секунду полюбила тебя и дала себе слово о тебе заботиться.

— А матушка Юлиана была не против?

Сестра опустила взгляд на свои сцепленные руки.

— Поначалу была.

— Но ты меня отстояла?

Сестра тронула ее лоб, как делала раньше, когда она заболела.

— Мы отстояли тебя все вместе. Потому что очень тебя полюбили.

— Как ты думаешь, кем была моя мать? — Раньше она никогда об этом не спрашивала, но отчего-то сегодня этот вопрос показался важным.

За ее спиною потрескивали в очаге дрова.

— Я думаю, — промолвила сестра после долгого молчания, — твоей матерью была одна глупая и одинокая девушка, которая не могла оставить ребенка.

Глупая и одинокая девушка, которая не устояла перед искушением познать земное блаженство. Доминика чертила пальцем по ладони и представляла руки своей матери. Какими они были? Крепкими и широкими или тонкими и изящными? И что, интересно, с нею стало потом?

— Как ты думаешь, Бог простил ее?

— Вспомни, что говорил Ральф. Человек должен чистосердечно раскаяться, только тогда ему будет даровано прощение.

Чистосердечно раскаяться... Раскаивалась ли она о мгновениях, проведенных в объятьях Гаррена?

Наконец сестра Мария заснула, и Доминика, улегшись у очага, обхватила себя за плечи и задумалась о той глупой девушке, своей матери.

Когда глаза ее закрылись, нахлынули воспоминания о реке. Она могла утонуть, если бы Гаррен не стал ее Спасителем. Не иначе, это знак, ибо Господь послал его не без причины. Быть может, Гаррену суждено стать ее наставником, а никаким не искушителем. Но чему Господь хочет научить ее с его помощью?

И покуда она думала о том, как ее тело рядом с ним пылает огнем, то постепенно начала понимать, что могла чувствовать та глупая молодая девушка, которая возжелала мужчину превыше своей бессмертной души.

Стены помещения, где спали паломники, сотрясались от храпа Вдовы, но Гаррен не проснулся, ибо он не спал.

Отвернувшись ото всех, он лежал на боку на матрасе и сквозь ресницы смотрел на догорающее пламя очага.

Когда веки его сомкнулись, он заново, словно наяву, ощутил, как Ника выскользнула из его рук. Вспомнил, как бешено в тот момент заколотилось сердце, как его бросило в пот, и снова пережил тошнотворное ощущение, что смысл жизни утекает сквозь пальцы. Вспомнил, как он нырнул за нею.

Ты воистину Спаситель.

Господь, наверное, чуть не сверзился с небес от смеха.

Сегодня он едва не потерял ее. Он содрогнулся от ужаса, представив, что могло случиться. Доминика терзала его, как старая, незаживающая рана. День не начинался, пока он не находил ее взглядом. Ночь не наступала, пока он не проверял, легла ли она. Ее голод отзывался у него в желудке, а тело рвалось к ней так яростно, что он еле сдерживался, когда шел рядом.

В ту ночь на болоте что-то пронеслось между ними. Болотный дух, сказал он Доминике, а мог бы сказать, что они соприкоснулись душами.

Будь у него душа.

На пороге смерти она беспокоилась не о себе, а о послании Уильяма и о перьях Ларины. Он же позабыл абсолютно обо всем, кроме своего обещания спасти ее от ее ненаглядного Господа.

Она держалась за свою веру, будто за щит. Словно без нее она могла умереть. Словно, кроме веры, у нее ничего не было. Но ведь у нее и впрямь ничего больше не было. Ни семьи, ни будущего — кроме того, которое она просила у Бога. И которое он, Гаррен, у нее отнимет.

Что с нею станет потом?

Ничего. Ее жизнь почти не изменится.

Почти не изменится. Она по-прежнему будет стирать и трудиться в огороде. Бесправная, опороченная служанка, почти рабыня. Сирота, которую терпят из жалости. Он хлебнул такой жизни сполна, пока Уильям не взял его, бездомного оруженосца, под свое крыло. И за это Гаррен был перед ним в неоплатном долгу, который не покрыть никакими паломничествами.

Он лег на спину и бессонными глазами уставился в потолок. То, что он сделает, не уничтожит, а спасет ее. Да. Именно так. Спасет от участи провести всю жизнь в кандалах своего нелепого Бога, пытаясь рисованием буковок заслужить место раю.

Не лги себе. Дело вовсе не в том, чтобы выволить ее из когтей Церкви. И даже не в деньгах. Дело в том, что ты ее хочешь.

Прячась от чувства вины, он перекатился на бок и натянул на голову простыню. Ничего не поделаешь, такова жизнь. Несуразная, несправедливая. Страдания от рождения и до смерти. Поэтому нужно жить и наслаждаться сегодняшним днем. Прошрое слишком болезненно.

Ну, а будущего не существует. Ни для Уильяма, на могилу которого он положит перья и деньги за паломничество, ни, тем более, для него.

Одного за другим, Господь забрал всех, кто был ему дорог, поэтому больше он не пустит в свое сердце привязанность. Он познакомит девчонку с ее первым жизненным разочарованием. Как-нибудь она научится с этим жить и усвоит, что те немногие радости, которые предлагает жизнь, нужно хватать, не раздумывая.

Его сердце закрыто. Ни о ком скорбеть он больше не будет.

И завтра же возьмется за нее всерьез.

Пребывая в не самом подходящем для ухаживания настроении, Гаррен мрачно обозревал палатки, которые теснились вокруг серых стен монастыря, и оценивал местность перед предстоящим боем. Лес разборных палаток да прилавок, сооруженных по случаю базарного дня, был не лучшим местом для любовного сражения, но, как и на войне, в этом деле выбирать зачастую не приходилось. Сегодня он развернет кампанию, направленную на завоевание Доминики.

После того, как сестра вчера вечером увела ее, они не виделись. И теперь, глядя, как она стоит на коленях в лучах утреннего света и дразнит Иннокентия кусочком запрещенного лакомства, Гаррен не мог оторвать от нее глаз и не смел поверить в то, что свершилось чудо и она осталась жива.

Чтобы паломники отошли от испытаний, которые выпали на их долю на болотах, он решил устроить день отдыха, и они с утра разбрелись по ярмарке — все, кроме Ральфа, который стоял на коленях в часовне и благодарил своего новообретенного Бога, и сестры, которая задыхалась в постели от кашля, поселившегося в ее легких после проливного дождя.

— Как себя чувствует сестра Мария? — спросил он.

Поднявшись с колен, Доминика отряхнула руки.

— Лекарь дал ей отвар медуницы, а я помолилась. Так что завтра ей станет лучше.

Гаррен в этом сомневался. Силы сестры таяли с каждым днем, но Доминика не хотела этого замечать. А он не хотел открывать ей глаза.

— Хорошо, что вы предложили нам отдохнуть, — сказала она, снова взирая на него как на Спасителя. Дьявол, каким она считала его еще вчера, остался, видимо, на болотах. — Иногда я слишком уверена в Божьей воле.

— Вы сами-то как? — Он хотел дотронуться до ее щеки и убедиться, что она не мираж, но остановил руку на полпути. — Все хорошо?

Ничто в ее лице не выдавало, что она побывала на пороге смерти. Длинные переходы закалили ее как сталь. Плечи ее распрямились, она будто стала еще выше ростом, чем в день, когда они вышли из Редингтона. Под жарким солнцем на носу появилась новая россыпь веснушек, но она больше не выпячивала с вызовом губы и не вздергивала подбородок. Жизнь нанесла ей первый удар. Все шло, как он и предсказывал, но Гаррен почему-то скучал по той пылкой девушке, которая никогда не сомневалась ни в себе, ни в Боге.

— Да. — Она отвернулась и еле слышно добавила: — Но все мои записи пропали.

Все ее потаенные, тщательно выписанные слова смыло водой. Грудь его сдавило от жалости.

— А нельзя начать заново?

— У меня был всего один обрывок пергамента, но он растрескался. — Она взглянула на котомку, висевшую у него за спиной. — Вот почему я так переживаю о вашем послании. Оно при вас?

— Нет. А что?

— Вода его не испортила?

Со вчерашнего дня он ни разу об этом не думал.

— Не знаю. Оно же запечатано.

— У меня есть идея, как проверить это, не ломая печати. — Она понизила голос до

шепота. — Приходите вечером в часовню. После комплетория. Там никого не будет.

Глядя на ее шепчущие губы и представляя себя наедине с нею в ночной темноте, он чуть не забыл удивиться ее навязчивому интересу.

— Почему вы так озабочены письмом о реликвии?

Пальчик с обкусанным ногтем теребил нижнюю губу.

— Просто хочу помочь, потому что немного разбираюсь в таких вещах.

— Разве сестра Мария не разбирается лучше?

Лицо ее побледнело под веснушками.

— Я не хочу ее беспокоить.

Целиком сосредоточившись на Доминике и на своем глупом обещании украсть перо, он давно не вспоминал о послании Уильяма. О чем там говорится? И каким образом Уильям умудрился его записать трясущимися как у паралитика руками?

Кто-то сделал это за него.

Он пристально посмотрел ей в глаза — глаза, которые горели ничем иным, как огнем осведомленности.

Ника. Это она записала его послание. И написанное ее испугало.

— Ладно. Вечером значит вечером, — сказал он, и она буквально обмякла от облегчения.

Вечером он не отпустит ее, не выяснив, почему Уильям доверил ему нести послание, но не доверил его содержания.

А сейчас самое время за ней поухаживать.

— Давайте купим вам сувенир на память о путешествии, — предложил он, подводя ее к галантерейной лавке. — Чего бы вам хотелось?

Она погладила рулон алой шерстяной ткани и вздохнула.

— У меня нет денег.

Она еще беднее меня, подумал он. Когда каждая крошка хлеба — подарок небес, немудрено уверовать в то, что только Господь способен одарить ее всем необходимым.

— У меня есть немного. — Несколько пенсов — небольшая цена за ее улыбку. Он присмотрелся к горке дешевых украшений. — Хотите пуговицу? — Он выбрал одну — отполированный до блеска кружок из бараньего рога — и приложил к рукаву ее серого балахона. Или куда там женщины их пришивают?

Она отдернула руку.

— Послушницам нельзя такое носить.

— Вы еще не послушница. — *И никогда ею не станете.*

— Если что и покупать, то для подношения Блаженной Ларине.

— Если что и покупать, то для себя, — огрызнулся он. *Болван. Будь вежлив.*

— Думаете, мне можно?

Ее огромные глаза, обращенные на него, вновь видели в нем не Гаррена, а Спасителя. Но уже хорошо, что не Дьявола. Он решил этим воспользоваться.

— Не просто можно, а совершенно необходимо. В паломничество ходят еще и затем, чтобы познать разнообразие Божьего мира.

— *Carpe diem?*

— Именно.

Она улыбнулась, показав на щеках ямочки.

— Хорошо.

Он тоже невольно заулыбался — от радости, что развеял ее печаль. Пока он доставал деньги, чтобы заплатить за пуговицу, Доминика взяла его под локоть, и он с трудом поборол желание накрыть ладонью ее маленькую легкую кисть.

— Раз уж мы познаем разнообразие Божьего мира, тогда я хочу увидеть как можно больше, — сказала она. — Я обойду все-все палатки на ярмарке.

— Все до единой? — Он-то думал купить пуговицу и на этом закончить. Палатки бесконечными рядами окружали стены монастыря. Чем только здесь не торговали: мехами и специями, рыбой и жестяной посудой, одеждой, кожами, даже углем.

Не будет же она осматривать уголь.

— Паломники, — просипел из-за соседнего прилавка человек с крючковатым носом, — не желаете ли купить щепку от креста Христова?

Скорее занозу из твоей пятки, подумал Гаррен. Если собрать воедино тысячи щепок, которые под видом кусочков креста Христова продавали наивным паломникам отсюда и до Святой земли, можно, наверное, построить собор.

Но она уже доверчиво склонилась над прилавком торговца реликвиями.

— Можно потрогать?

Гаррен вздохнул и положил пуговицу на место.

— Ну что, Иннокентий, — печально сказал он своему лохматому спутнику. — Пошли.

Перебегая от палатки к палатке, она восхищенно перебирала заморские шерстяные ткани, ворковала над ручными голубями в клетках, примеряла кожаные перчатки и нюхала корицу. Не пропустила и лавку угольщика, товар которого при смешении с живицей становился чернилами.

Без денег все эти вещи было одинаково бесценны, но когда она надела через голову золотую цепь, внутри него что-то оборвалось.

Чтобы купить такое украшение, пришлось бы продать Рукко.

Тяжелые звенья цепи легли в ложбинку меж ее вздымавшимися от волнения грудями. Она посматривала сквозь ресницы то на цепь, то на него, и в ее взгляде светилось врожденное кокетство женщины, не предназначенной стать монахиней.

Кокетка в теле девственницы. У него вырвался смешок.

Она тоже рассмеялась. Чудесные звуки смеха зародились в ее горле и, разгоняя тени в глазах, выплеснулись наружу так заливисто, что она еле устояла на ногах. Она прислонилась к нему, и он обнял ее за плечи. К его ребрам прижались мягкие, жаркие груди, а сердце забилося такими сильными толчками, что она не могла этого не почувствовать. Он плавно провел пальцами вдоль звеньев цепи, притворяясь, что оценивает мастерство ювелира, а сам изнывал от желания прикоснуться к ее грудям.

Изнывал от желания снова поцеловать ее. Остаться с нею наедине, как в ту ночь на болоте.

Заметив в его лице перемену, она отстранилась. Потом сняла украшение, отдала торговцу и повернулась к нему лицом. Пушистые, выгоревшие на солнце прядки, выбившись из косы, липли к ее шее. Озадаченные синие глаза задавали вопросы, на которые он не хотел отвечать.

— Не затем ли я была спасена?

Она имела в виду вовсе не цепь.

Он хотел бы ответить «да». Это «да» толкнет ее в его объятия. В его постель. Заставит ее капитулировать. Но он не хотел, чтобы она уступила святому или дьяволу. Он хотел,

чтобы она сказала «да» ему, Гаррену. Испугавшись, что она прочтет на его лице правду, он отвернулся.

— Давайте еще походим, — сказал он.

Доверие и смятение боролись в ее глазах. Наконец она указала на палатку в самом конце торгового ряда.

— Смотрите, вон продают пергамент. Джиллиан дала мне монетку, чтобы я купила для нее один лист.

С облегчением он пошел за нею следом, незаметно поправляя под балахоном шоссы, туго облежавшие влажную выпуклость между ног.

— Зачем Джиллиан понадобился пергамент?

— Она попросила меня записать ее обращение к Блаженной Ларине.

— Надеюсь, она заплатит вам за труды.

Она склонила голову набок.

— А что, за это можно получать деньги?

А что, Уильям не заплатил вам? — хотелось спросить ему. Впрочем, Редингтоны и так оплачивали все расходы монастыря, от чернил до одежды.

— Да. В городах и при дворе клерки зарабатывают этим себе на жизнь.

— Не проходите мимо! — заголосил торговец. Демонстрируя щербатую улыбку, он извлек из стопки пергамента, которая лежала на дощечке у него на коленях, один лист. — Вот пергамент высочайшего качества. Привезен из Франкфурта, промыт в рейнской воде.

Она покачала головой.

— Покажите, пожалуйста, местный. Только новый, не использованный.

Она принялась торговаться, чтобы уложиться в сумму, полученную от Джиллиан, а он наблюдал, с каким благоговением ее пальчик водит по краю листа. Вот он, тот подарок, о котором она не осмелилась попросить. И как он сразу не догадался?

— Позвольте я куплю и вам тоже. Пилигримам пригодится ваш путеводитель.

Она опустила голову.

— Господь не хочет, чтобы я его писала.

— Почему вы сомневаетесь? Он же спас вас. — По крайней мере, так она полагала. С своим участием в этом деле он решил не напоминать.

— Меня. Но не мои записи.

— И потому вы решили все бросить? Невелика же, оказывается, ваша вера, Ника. — Гаррен прикусил язык. Даже если невелика, скоро он совсем ее изничтожит. Зачем ее подбадривать? Пусть расстанется с иллюзиями и примет тот факт, что в Библию не вдохнуть жизнь усилиями ее терпеливых пальцев.

Но видеть страдание на ее лице было выше его сил. Если письмо способно сделать ее счастливой, значит Спаситель от Божьего имени скажет, что она должна продолжать писать. Свои потери она может оплакать потом, когда он ее оставит и не будет принужден смотреть на ее слезы.

— Покажи, что у тебя есть, — сердито сказал Гаррен торговцу и был сполна вознагражден ее улыбкой.

Он выудил из стопки пергамента мягкий белоснежный лист.

— Вот этот, вроде бы, ничего.

Руками чище, чем у иных поваров, торговец выхватил у него лист.

— Осторожнее, сэр, не оставьте отпечатков. Но глаз у вас наметан. Этот пергамент

поистине превосходит, — заговорил он, почуяв новую сделку. — Сделан цистерцианцами из кожи ягненка.

— И чересчур дорог для моих нужд, — сказала Доминика и достала из самого низа стопки лист, покрытый поблекшими буквами. — Лучше вот этот.

— Этот, конечно, не новый, но он хорошо очищен.

— Не так уж и хорошо. Можно с легкостью прочесть двадцать третий псалом и отрывок из Заповедей Блаженства.

Она вновь превратилась в девицу, которая не ведала сомнений, и Гаррен, улыбаясь, отошел в сторонку, чтобы не мешать ей торговаться. У торговца не было ни единого шанса.

— Мне придется самой отскоблить его перед тем, как использовать.

— Ну, возможно, я бы мог немного сбить цену...

Иннокентий, до сего момента мирно сидевший у ног Гаррена, вдруг заинтересовался драгоценными листами и принялся обнюхивать их своим мокрым носом. Когда он оперся лапами на дощечку, она накренилась, и высокая стопка пергамента поползла к краю.

— Смотрите за своим псом! — всполошился торговец.

Доминика, ахнув, подхватила пса на руки, а Гаррен еле успел подставить ладони и спасти пергамент от падения в грязь.

Немедленно отобрав у него свое сокровище, торговец принялся придирчиво осматривать листы, сдувая с них воображаемые пылинки.

— Нет, вы только посмотрите! Все испорчено!

— Ничего не испорчено. — Гаррен отсыпал торговцу монет за пергамент, щедро приплатив сверху, жестом подсказал Доминике спастись бегством, а потом, подхватив покупку, бросился за нею следом. Отбежав подальше, они дружно расхохотались.

— Ты очень, очень плохой пес. — Доминика погрозила Иннокентию пальцем, но смех свел на нет всю нравоучительность этого жеста. Горделиво завиляв хвостом, пес лизнул ее палец.

Вздохнув, она опустила его на землю.

— Вот. Это вам. — Гаррен протянул ей пергамент, и она дрожащими пальцами приняла подарок.

— Спасибо. — Взгляд ее глаз несколько прояснился.

— Ника, скажите... — начал он и осекся. Вопрос о том, кто записал послание Уильяма, может подождать. Пускай до вечера она побудет счастливой.

А он между тем постарается не углубляться в размышления о том, чего он хотел от нее в этот момент.

После вечерни Доминика и Джиллиан уединились в тишине спального помещения для пилигримов и сели друг напротив друга за колченогим столом. Доминика разгладила лист пергамента. Ее собственный лист лежал свернутым в трубочку в котомке. Когда она незаметно пощупала его, дабы еще раз удостовериться, что он на месте, в котомке звякнула о ножик монетка, которую заплатила ей Джиллиан. Доминика попросила у неба прощения за гордыню. Монетка, в общем-то, даже не ее. Она пожертвует ее монастырю, как только

вернется.

— С чего ты начнешь? — спросила Джиллиан.

Перед тем, как окунуть перо в чернильницу, Доминика очинила его ножом, затем придала кончику плоскую форму и вырезала в нем углубление. Она предпочла бы писать за столом копииста — идеально гладким, с наклонной поверхностью, — но для чудаковатых сирот монастырский скрипторий наверняка был закрыт.

— Я начну с приветствия Господу и Блаженной Ларине.

Теплый солнечный луч, выглянув из-за ее плеча, лег на страницу. Она старательно выводила округлые, слегка напозававшие друг на друга буквы. Не выходить за пределы строки было непростым делом, хотя Доминика и разметила страницу еле заметными горизонтальными линиями.

Приподняв лист, она подула на чернила.

— Смотри, вот буква «Г». — Она критически осмотрела написанное, представляя, как выглядело бы слово «Г-а-р-р-е-н».

Джиллиан свела брови на переносице.

— Здесь написано ровно то, что ты сказала?

— Да. Приветствие Господу и Блаженной Ларине.

— Но святая этого не поймет. Я думала, ты умеешь писать на латыни.

— Конечно, умею. — Она горделиво выпрямилась. — Но ты же не говоришь на латыни.

Джиллиан категорично тряхнула головой.

— Святые понимают только латынь. Священники затем и нужны, чтобы переводить им, ведь на небесах не говорят на нашем языке и не понимают наши молитвы.

Доминика хотела было сказать, что Ларина жила в Англии, а не в Риме, и что Господь слышит и понимает, на каком бы языке к нему не обращались, но не смогла. Джиллиан уловила самую суть, хоть и неверно ее истолковала. Никому на земле не позволено обращаться к Богу без посредничества Церкви.

— Хорошо. — Она обмакнула перо в чернила и, прикусив кончик языка, принялась переписывать предложение на латыни. А между делом думала о том, что не смела произнести вслух. Церковь не права, отказывая людям в праве обращаться к Богу напрямую. Как и отказывая собакам в душе. Именно поэтому Библию необходимо переложить на язык простых людей. Чтобы бедняжка Джиллиан тоже могла говорить с Богом.

Она поставила точку и подняла перо.

— Вот. *Salutem dicit*. Это значит «Приветствие» на латыни. Теперь нам нужно придумать вступление. Например: «Обращаются к вам Джекин и Джиллиан из...» — Она вопросительно взглянула на Джиллиан.

— Из местечка близ Джекова Брода. Джекин заведует переправой.

— Но кому вы принадлежите? У какого лорда вы на попечении?

Джиллиан зашлась заразительным смехом, который Доминика не раз слышала в дороге.

— Скорее он на попечении у наших овец.

— Так не бывает, чтобы господин не заботился о своих людях.

— Нас в деревне осталось наперечет, так что мы живем сами по себе.

Это было ересью, нарушением мирового и Божьего порядка. Монахи и монахини были на попечении у Церкви. О сервах и рыцарях заботились господа, которым они верно служили. Все кому-то принадлежали. Все, кроме бродячих торговцев, которых она видела сегодня. И наемных рыцарей вроде Гаррена. О нем никто не заботился. А если ее прогонят

из монастыря, то и о ней некому будет позаботиться.

И тем не менее Джекин и Джиллиан жили сами по себе и заботились друг о друге сами. Она задумчиво покрутила в пальцах перо.

— Сколько вы уже женаты?

— На Рождество было два года.

Доминика закусил губу, боясь задать следующий вопрос. Но ведь другого такого случая больше не будет.

— А каково это — быть замужем?

— Это будет записано в обращении? — нахмурилась Джиллиан.

— Нет. — Доминика покраснела. — Я просто спросила.

Джиллиан подалась вперед, щеки ее запылали.

— Ну, лично я не стала бы отказываться от замужества из-за Бога. С мужем я и так живу как у Христа за пазухой.

Доминика отказалась от замужества вовсе не из-за Бога. Просто ее никто не возьмет замуж.

— Какой он, твой муж?

— Он славный. Согревает мне ступни по ночам и нутро по утрам. Гнет спину на работе, но не чурается веселья. Характер у него покладистый, но я, конечно, свое место знаю, — закивала она головой. — И я не представляю себе жизни без мужа. В этом я со Вдовой согласна.

Доминике хотелось спросить, что она чувствует наедине с Джекином. Начинает ли ее тело таять, едва он до нее дотрагивается? Ощущает ли она, что их души связаны незримыми узами?

— Мне показалось... — она с трудом подбирала слова, — вы дарите друг большую радость.

Джиллиан еще пуще зарделась и огляделась по сторонам, словно опасаясь, что их могут подслушать.

— Ты увидела то, что не предназначалось для чужих глаз. Но да, в этом нам повезло. Нас до сих пор бросает в жар друг от друга.

— Но ты же знаешь, что это грех. Вам не боязно за свои души?

— Наш священник тоже учит, что это неправильно, но ведь Господь сам сотворил желание. И, вестимо, не без причины.

Доминика еще раз очинила перо и макнула его в чернильницу. В ее жизни могло быть только одно: или письмо, или это самое желание к Гаррену. Иметь и то, и другое разом ей не суждено.

— Что вы с Джекином хотите попросить у Ларины?

Джиллиан опустила голову и уставилась на колени.

— Ребенка.

Значит, несмотря на свою любовь, Джекин и Джиллиан были *sine prole*. Бездетны. Насколько Доминика разбиралась в предмете, со своей стороны они помогали Господу как могли. Значит, Джиллиан, скорее всего, бесплодна. По ее спине пополз холодок. Воистину им может помочь только чудо.

— Напиши, чтобы родился мальчик, — сказала Джиллиан.

Ното — вывела Доминика. И, оглядев написанное, на всякий случай уточнила — *non femina*.

— Что-нибудь еще?

Лист не был заполнен и наполовину.

— Здесь еще полно места. — Джиллиан оглядела лист и задумчиво похлопала пальцем по губам. — Попроси алое платье. И к нему золотое колечко с рубином.

Это больше походило на список подарков на Двенадцатую ночь, нежели на прошение пилигрима.

— Ты думаешь, стоит совершить паломничество, и Господь одарит тебя всем, что попросишь? — Они и за десять лет не скопят денег на такое платье.

— А как же иначе? — удивилась девушка. — Таков уговор.

— Но тебе все равно придется трудиться. Выращивать овец, рожать детей...

Джиллиан неловко заерзала.

— Лучше всего у меня получается трудиться в постели. — Она повела плечами. — Бог даст, никуда не денется.

Такой слепой веры Доминика не встречала даже у монахинь.

— Иногда Богу требуется помощь самого человека.

— Мы свое дело уже сделали — приняли паломничество. Теперь черед Бога. О, напиши еще про золотую цепь.

— Золотую цепь? — Ника заново ощутила тяжесть цепи, которую она примеряла, и пальцы Гаррена рядом со своими грудями.

— Да. — Джиллиан хихикнула. — Джекин хочет, чтобы я надевала ее в постель и носила голышом. Мы не сказали об этом священнику, когда спрашивали разрешения сходить в паломничество.

— Господь не всегда отвечает на наши молитвы так, как мы ожидаем, — сказала она, подражая сестре Марии, однако куда более едким тоном.

— Ты говоришь так, будто в тебе нет веры.

— Разумеется, есть. — Она отмахнулась от назойливого роя сомнений.

— А чего ты сама хочешь от Господа?

— Из мирских благ — ничего. Я хочу стать монахиней.

Язык внезапно споткнулся на привычных словах, и Доминике стало стыдно. Чем она лучше Джиллиан, когда точно так же самонадеянно верит в то, что Господь исполнит любое ее желание? Что это — вера или гордыня?

Джиллиан уважительно округлила глаза.

— Прости, я не знала. Тогда, понятно, вера в тебе есть. Но по мне такая жизнь хуже тюрьмы.

— О, для меня нет ничего желаннее. — Она вспомнила Редингтонский монастырь, такой маленький и такой родной. Крошечный дворик. Скрипторий, где она училась писать под присмотром сестры. Кусочек неба в оконце ее кельи. Кому-то такая жизнь и впрямь могла показаться тюрьмой.

— Некоторые, знамо дело, и в браке живут не лучше. — Джиллиан постучала по листу. — Напиши все-таки про цепь.

Aurum — дописала она о золоте и задумалась, какие желания вошли бы в ее список. И поняла, что перед полуночным свиданием с Гарреном уже не уверена ни в себе, ни в своих желаниях.

Кроме одного: вновь оказаться в его объятиях.

По часовне призраками расползались монашеские песнопения. Лежа ничком на жестком полу, Гаррен притворялся, что молится, а сам ждал, когда, наконец, закончатся эти завывания. На месте Доминики он бы никогда не выбрал для встречи такое место. Устраивать свидания в храме Божьем казалось кощунственным даже ему, неверующему.

Колонны, взмывая ввысь, поддерживали невидимый в полумраке свод, где голодным стервятником притаился Бог, как и много лет назад, когда Гаррен, еще подросток, прижимался щекой к холодным камням и молился о своих родителях. Но они все равно умерли.

Угасла последняя нота, а с нею и последние солнечные лучи. Покорной поступью монахи направились к лестнице в дальнем конце нефа и разошлись по своим кельям. Гаррен остался в сумеречном безмолвии один. Царапнув по полу реликварием, он встал.

Не услышав бесшумных шагов, он заметил Доминику только в момент, когда она предстала перед ним, держа в одной руке свечу, а в другой, точно священную реликвию, — подаренный им пергамент.

— Ника...

Она приложила палец к губам и огляделась по сторонам. Волосы, растрепанные со сна, волнистым потоком ниспадали на ее груди, превращая девушку в золоченую статую.

— Принесли?

Он кивнул.

Из-под подола ее балахона виднелась ночная сорочка, а под нею белели в темноте босые ступни. Пол был холодным, и она по-детски подвернула пальцы.

— Сюда. — Она поманила его к нише, где перед статуей Богоматери трепетала свеча.

Там она, словно принося подношение к алтарю, положила на пол пергамент и поставила рядом свою свечу. Гаррен неохотно вложил в ее почтительно протянутые руки послание. Он обещал Уильяму доставить его в целости и сохранности, хотя и не сомневался, что человек, чьи слова были записаны на прекрасно выделанной телячьей коже, ныне был мертв.

— Не повредите печать.

Сложенная прямоугольником велень была для верности опечатана дважды — прошита по краю шнуром и скреплена красным воском, на котором стоял оттиск кольца Уильяма.

Она потерла большим пальцем печать с трещинкой в месте, где меч Редингтонов пересекал раскрытую книгу, затем осторожно поднесла пергамент к огоньку свечи и осмотрела его на просвет.

— Кажется, все в порядке, — сказала она, возвращая ему послание.

Он спрятал его за пазуху и взял ее за плечи, не давая отвернуться. Она пахла сладким ароматом недавнего сна.

— Ника, признайтесь. Это вы его написали.

Ее глаза сверкнули знакомым вызывающим блеском.

— Он просил меня никому не говорить.

Даже вам. Невысказанные слова больно ранили. Почему Уильям не доверился ему до конца?

Она, должно быть, заметила, что он вздрогнул, и погладила его по руке, словно

залечивая рану.

— Он очень вам дорог, да?

— Я был для него братом, ближе данного Господом.

Даже в полумраке было видно, как она побледнела при упоминании Ричарда.

— Ника, скажите, что там написано, — настойчиво потребовал он, сжимая ее плечи, но она только покачала головой. — Прошу вас.

— Не могу. — Взглядом она умоляла его понять. — Я обещала.

Я хочу попросить тебя еще об одном, Гаррен. Присмотри за нею. Он согласился, но хорошо ли сдержал свое слово? Гаррен вздохнул.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Хорошо. Пускай ваш секрет остается секретом.

Отпускать ее не хотелось. Взяв полные пригоршни ее медовых волос, он пропустил их сквозь пальцы. Она расправила плечи.

— Я должна признаться вам о другом.

Он отпустил ее волосы.

— Если хотите исповедаться, разбудите монаха. — Выслушивать очередные признания о нарушенных постах было выше его сил.

— Когда вы смириться с тем, кто вы есть?

Дьявол или Спаситель. Целиком она его не воспринимала.

— Когда вы смириться с тем, что я не такой?

Отблеск свечи ласкал ее щеку.

— Но мое признание касается вас.

Тлевшее в животе желание познать не только ее тело, но и мысли, переросло в острую потребность.

— Что ж, — пророкотал он. — Тогда я его выслушаю.

— Отвернитесь и не смотрите на меня, пока я буду говорить.

Я дьявол, а не святой! — рвалось у него с языка, но когда ее спина прижалась к его спине, он онемел. Под кожу проник жар ее тела, и под осуждающим взором Богоматери он ощутил себя мучеником, приговоренным к сожжению на костре.

— Теперь спросите, в чем я хочу признаться.

— В чем... — Слова камнем застряли в глотке. — В чем вы хотите признаться? — Пара-другая молитв, несомненно, искупит любые ее прегрешения — кроме тех, что она совершит с ним.

— Я думаю о вас по ночам.

Гаррен стиснул кулаки в попытке обрести над собою контроль.

— И что же?

Она развернула его кулаки и переплелась с ним пальцами.

— Я лежу в темноте и представляю, что вы лежите со мной рядом.

Он неловко повел бедрами, чтобы стало свободнее в шлоссах, которые под напором плоти угрожали треснуть по швам.

— Ника...

— Погодите. Еще рано отпускать мне грехи.

— Я вообще не могу этого сделать.

— Это должны сделать или вы, или Господь.

На алтарь упала капелька воска. В дрожащем свете свечи раскрашенные синим глаза

Богоматери блестили слезами. Я спас ее, Боже, подумал он, ошарашенный силой заполонившего его гнева. Ты ее не получишь.

— Тогда я.

Ее ладони слегка вспотели.

— Я чувствую на себе ваши руки. Представляю, как вы меня трогаете. Однажды я даже... — Она сжала его пальцы. — Однажды я трогала себя и мечтала, чтобы это были вы.

Из него будто вышла разом вся кровь.

Стоя с расставленными ногами, он, до предела твердый, беспомощно уставился вниз, не в силах совладать с тем, как отзывается на нее его тело.

— Где?

— Одну руку я положила на грудь, а вторую... — ее голос, казалось, вещал у него внутри, — вторую себе между ног.

Мир резко остановился. Тело закричало от желания. Он страстно захотел обнять ее. Осыпать ее ласками. Овладеть ею. И, пока не поздно, оставить. Пока у него есть на то силы. Пока Господь не успел ее отобрать.

Она ощутимо ослабла, опустошенная своим признанием, и ее ладошки выскользнули из его рук.

— Гаррен, что все это значит? Что мне делать?

Он повернулся и утонул в ее глазах, которые уже не горели ни верой, ни вызовом. Ее взгляд отчаянно цеплялся за него, как цеплялись только что пальцы.

— Закройте глаза. Покажите мне, где вы себя трогали.

— Я не могу.

Он обнял ее, лаская волосы дрожащими пальцами.

— Покажите.

Она вжалась в него, закрывая доступ к своим секретным местечкам, и пробормотала где-то около его сердца:

— Не могу.

— Я помогу вам. Только не открывайте глаза, что бы вы ни почувствовали. — *Ибо мне не вынести того, что я в них увижу.*

Большим пальцем он приласкал ямку у основания ее шеи, проник за ворот ее балахона и расправил ладонь, стараясь не задевать налитые груди.

— Здесь?

Она покачала головой.

— Покажите, где.

Она сместила его ладонь ниже и выдохнула, когда он через сорочку смял ее грудь.

— Здесь?

С закрытыми глазами она кивнула, по-прежнему держась за его руку. Он пропустил между пальцами кончик ее груди и легонько сжал, отчего она пискнула и часто задышала, толкаясь грудью в его ладонь.

Просунув вторую руку под низ ее балахона, он тронул поверх сорочки источник тепла в месте, где сходились ее ноги.

— И здесь?

Она напряглась, но не ответила, а просто зажала его ладонь между своими прохладными пальцами и жаром потаенного центра своего существа.

— Покажите мне, что вы делали, Ника.

Он ждал, не дыша, пока она к нему привыкнет, и когда она, вместо того, чтобы его направить, подалась бедрами ему навстречу, прижал увлажненную ткань сорочки к ее горячему естеству.

— Вот так? — Он вошел в нее кончиком пальца и ощутил, какая она мокрая.

Отдернув руку, она обняла его за шею и отвела бедра назад. Его палец выскользнул наружу. Верная своему обещанию, она не открывала глаз.

— Только это было не так прекрасно.

Его плоть упруго дернулась в ответ.

— Если позволите, я покажу, насколько прекрасным это может быть.

Медленным, осторожным движением он потянул край ее сорочки вверх по лодыжкам, выше колен, и, упиваясь ощущением ее кожи под своими ладонями, наконец добрался до белых, округлых бедер. Вновь нашел ее пальцем, и она, впуская его, развела ноги. Влажная, набухшая, она сжала его, задышала в такт его нежным толчкам, издавая тихие горловые стоны и обвивая руками его шею, ибо ноги отказались ее держать.

Он ничего не слышал кроме ее стонов и тяжелого стука своего сердца. Он хотел увезти ее далеко-далеко, чтобы никогда больше не отпускать, и напрочь забыл, кто он и где они, и что он обещал с нею сделать. Осталось только желание, снедавшее его — и ее — изнутри.

Когда она отпрянула, до него не сразу дошло, что случилось. Мало-помалу сознание вернулось к нему, и он вспомнил, где они, осознал, что он чуть было не натворил — чуть не овладел ею прямо здесь, на холодном и твердом полу часовни.

И задумался, в какой момент то, что было не более чем приятным способом достижения цели, стало для него самоцелью.

Слепо ступив назад, она натолкнулась на алтарную перегородку и осела на пол. Дрогнув ресницами, открыла глаза, медленно, как и он, возвращаясь из глубин потаенного мира, куда он ее увлек, в реальность.

— Опять приходил тот дух, — прошептала она, и шепот ее был полон смущения, страха и трепетного благоговения. — Как тогда, на болоте.

Он кивнул.

Сияние свечи выхватило из темноты опечаленные очи Богоматери.

Ника неотрывно глядела на него своими огромными глазами, как будто ждала, что у него проклюнутся рога или вырастут крылья. Как будто без этого она не могла дознаться до его истинной сущности.

Он сел с нею рядом и прислонился к деревянной перегородке. Взял ее за подбородок, с трудом умиряя свои нетерпеливые пальцы.

Не сводя с него глаз, она погладила его по щеке, и он понадеялся, что отросшая щетина не слишком колется под ее пальцами.

— Поцелуйте меня, — попросила она, и ему стало стыдно за то, что он до сих пор этого не сделал.

Его язык окунулся в ее рот. Мягкие губы были такими податливыми, что голова вновь пошла кругом. К его пальцам льнули шелковистые медовые пряди, и когда поцелуй закончился, он потянул одну прядку, надеясь заодно вытянуть из нее улыбку.

Она улыбнулась, но улыбка вышла печальной.

— С лордом Ричардом я ничего подобного не испытывала.

Имя кинжалом вонзилось в живот, и его выбросило в реальность, к предательствам и гнусным обещаниям. Ладонями, все еще погруженными в ее волосы, он поднял ее лицо и

заставил посмотреть себе в глаза, вспоминая, как Ричард приобнял ее у двери часовни.

— Что вы имеете в виду? Что он с вами делал?

Опустив голову, она какое-то время смотрела в пол. Потом перевела взгляд на него.

— Он пытался целовать... и трогать меня.

— И вы ему разрешали? — В глубине его затуманенного сознания всколыхнулась ревность.

— Нет, — ответила она. — Тогда я знала, чего хотела.

Ревность без следа растворилась в ненависти к себе. Чем он, по сути, лучше Ричарда?

— Ника, я не святой. — Он отпустил ее, чтобы она могла говорить, не отвлекаясь на его прикосновения.

— Если нет, то кто тогда я? Во имя чего Господь меня спас? Я думала, вы посланы, чтобы дать мне ответ. — Она встала и, покрутив бедрами, расправила помятую сорочку. — А вы вместо ответа подарили мне пергамент и эту влагу на белье. Но в моей жизни не может быть и того, и другого. И теперь мне нужно понять, какого выбора ждет от меня Господь.

Стоя, она перебирала его жесткие кудри, и он пожалел, что они не похожи на легкие, медовые волосы Уильяма. Пожалел, что не может предложить ей на выбор иную жизнь кроме жизни в монастыре, что не может превратиться из жалкого, лживого, бездомного наемника, который разрушит ее жизнь, в человека, которого она заслуживает.

Она подобрала с пола пергамент и подняла свечу.

— Исповедь подразумевает расплату за грех. Какое наказание мне принять?

— Никакого. — Боль в ее глазах была непереносима. — Наказан должен быть я. — Но он знал: вину за ее разрушенную жизнь будет невозможно искупить никаким наказанием.

— Думаю, Господь пошлет наказание нам обоим, — произнесла она.

Глядя ей вслед, Гаррен понял, что для него Господь уже подобрал наказание, и оно будет очень, очень мучительным.

Он потеряет ее. Как потерял всех, кто был ему дорог.

Выбежав из часовни, Доминика устремилась к арочной галерее, которая окружала монастырь. Будто там можно было спрятаться от жизни, как в детстве от смерти. Она бежала, спотыкаясь на ватных ногах, и думала о том, что Гаррен сказал правду. Он не был святым.

Она сама, как выяснилось, тоже.

Раньше она считала себя выше земных наслаждений. Лорд Ричард не раз пытался пощупать ее под юбками, когда они сталкивались на темных лестницах, но его поползновениям получалось сопротивляться без насилия над своей волей.

Однако для того, чтобы сопротивляться Гаррену, требовалась поистине железная воля, ибо с ним нужно было противостоять всему, что составляло его сущность — не только его жесточенности, но и доброте, — всему, что делало его человеком, который любил людей больше Бога и ценил сегодняшний день выше, чем вечную жизнь. Вчера ночью она обещала Богу с открытым сердцем принять все, чему он может ее научить. Днем он привел к письму. Вечером ввел во грех.

И она возжелала его превыше своей бессмертной души.

Запахавшись, она прислонилась к колонне, чтобы перевести дух, а потом запах кожи и чернил привел ее через незапертую дверь в святилище скриптория.

Здесь все было знакомо как дома. Она знала, что возле окна, где больше всего света, установлена доска для письма, что справа на ней стоит пузырек с черными чернилами, а слева — с красными. Что на раскрытом манускрипте лежит свинцовая пластина, отмечая место, где остановился переписчик.

Доминика прикрыла свечу ладонью и прислушалась, не поднялись ли монахи, чтобы служить утрени. Если ее застанут в скриптории, да еще со свечой...

Но искушение было слишком велико. Она развернула пергамент и провела ладонью по его шероховатой поверхности. Не велень, на котором писались книги на века, зато ее собственный. Она подготовит его так, как он того заслуживает.

Доминика осторожно установила свечу на доске, не обращая внимания на возбуждение, которое еще зудело у нее между ног, и на разъедавшее душу чувство вины. Она искупит свой грех — здесь и сейчас.

Отыскав пемзу, она шлифовала пергамент, пока не устала рука. Когда от старого текста остались только слабые следы, она натерла ладонь мелом, несколько раз провела ею по листу и в завершение разметила строки. Пергамент был готов услышать ее слова. Она обмакнула перо в чернила. Об этой темной ночи, пропитанной грехами и сомнениями, она не напишет ни строчки. Только о будущем.

Она вывела крупную, жирную «Я». Богу придется читать по-английски.

Поборов мимолетный соблазн украсить заглавную букву завитушками, она продолжила работу. Напевая себе под нос, она не замечала, как улетают ночные минуты, как монахи нараспев читают молитвы, служа утрени, как луна заглядывает через плечо. И старалась не замечать то волнительное ощущение, которое прокатывалось по телу всякий раз, когда она сжимала бедра.

Закончив, она с восхищением оглядела свою работу.

Я обновляю свою клятву.

Вот и все. На письме слова обрели реальность.

Это было испытание. Господь послал ей искушение, но она устояла. Завтра она скажет Гаррену о том, какой сделала выбор, и ему придется смириться. А Ларина... Ларина обязательно простит ее, ведь она оступилась всего единожды. Ну, хорошо, дважды.

Потирая затекшую шею, Доминика бросила взгляд на лежавшую в стороне рукопись, над которой трудился переписчик. Оценивая качество его работы, она прочла первые строки.

И моргнула, не поверив своим усталым глазам — настолько шокирующим был этот, пусть и записанный на латыни, текст.

Да лобзает он меня лобзанием уст своих. Ибо ласки твои лучше вина.

Он ввел меня в дом пира, и зная его надо мною — любовь. Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви. Левая рука его у меня под голову, а правая обнимает меня.

Доминика ахнула. Не иначе Господь, заметив ее с небес, облек ее мысли в слова. Пламя вновь опалило ее груди и закружило между ног при воспоминании о ласках Гаррена.

Она прочла на обороте название. *Песнь песней Соломона*. Одна из книг Ветхого Завета.

Эту книгу монахини никогда не читали.

Трясущимися руками она закрыла чернильницу. *Боже, не введи меня во искушение*. Ее место здесь, в тихой обители монастыря. Через несколько дней они доберутся до усыпальницы, и Ларина подаст ей знамение.

Поджимая пальцы на холодных камнях пола, она вышла из скриптория. Сердце бешено колотилось в груди, разгоняя по телу волны тепла.

Какое наказание мне принять?

Она задержалась в дверях, вспоминая скрипторий родного монастыря и ту великую радость, которую испытывала, познавая буквы и обучаясь складывать их в слова. Что может превзойти наказание быть навек отлученной от любимого дела? Что может быть страшнее, чем утратить жизнь, о которой она всегда мечтала?

Ее пробрала дрожь.

Полностью утратить к ней интерес.

Разыскивая наутро Гаррена, Доминика обошла весь монастырь. Заглянула она и в часовню, где решимость ее дрогнула в такт дрожащему огоньку свечи у статуи Богоматери.

Он нашелся в конюшне, где тепло пахло сытыми животными. При виде его заглубивших ладоней, гладивших гнедую лошадиную гриву, новая волна слабости поднялась к ее животу и опустилась к коленям.

Больше никаких сомнений — сурово напомнила она себе.

Расправляя на спине своего коня попону, он то и дело широко зевал. Доминика злорадно усмехнулась. Выходит, он тоже не выспался. Она зевнула следом за ним, и в этот момент Гаррен ее заметил.

— Хорошо спали? — с невеселой улыбкой спросил он.

Насупившись, она подавила зевок и уклончиво ответила:

— Не хуже вашего. — Когда она вернулась в спальню, то сильные хрипы сестры вкупе с мыслями о нем продержали ее без сна до рассвета.

— Значит вы не спали совсем. — Он наклонился и подобрал с пола седло. — Как самочувствие сестры Марии?

— Ей будет тяжело ехать верхом. — Она погладила лошадиную гриву там, где только что были его ладони.

Гаррен понимающе кивнул.

— Поэтому мы найдем для нее телегу с ослом.

— Спасибо, — сдержанно ответила она, задушив в себе благодарность. Сегодня утром ему было отказано в добром отношении, иначе вести этот разговор было бы совсем тяжело. — Мне нужно поговорить с вами наедине.

Он забросил седло на спину Рукко и установил его поудобнее.

— Говорите здесь. Нас слышат только животные. — Он повернулся к ушастиному ослу, который стоял в соседнем стойле. — Доброе утро, приятель. Ну что, готов к путешествию? — Он потрепал осла по холке. — Куда же они повесили твою уздечку...

— Вчера ночью... — заговорила она, обращаясь к его широкой спине, пока он перебирал развешенную на стене упряжь. Потом, умолкнув, сглотнула. — Посмотрите на меня, пожалуйста.

Он выполнил ее просьбу, и она немедленно о том пожалела. В его глазах, точно лучи солнца в листве, вспыхнуло нечто похожее на надежду.

Господь до крайности осложнил ей задачу.

Пока хватало мужества, она выпалила на одном дыхании:

— С Божьей помощью вы не дали мне утонуть, за что я вам благодарна. Однако меня смутило то, что Господь спас одну меня, но не мои записи. Я не знала, как это истолковать. Я думала, вы поможете мне с ответом, и потому... — Она перевела дыхание. — И потому я пришла к вам с признанием.

Глаза его потемнели, но продолжали смотреть на нее в упор. Осел требовательно толкнул его в бок, и он погладил его, не сводя с нее взгляда.

Она заговорила быстрее, торопясь покончить с самой сложной частью.

— Было глупо сомневаться в ответе, который я давно знаю. Мое место в монастыре. Господь даст мне знамение. Неважно, кто вы — святой, дьявол или просто человек, — но

больше вы не сможете искушать меня. — Лгунья, лгунья! — закричало ее тело, трепеща под его взглядом, и она, чтобы заглушить его, почти сорвалась на крик: — Я не уступлю.

Закончив свою тираду, она вызывающе воззрилась на Гаррена. Щеки ее пылали.

— Оказаться женщиной вместо монашки — такая большая трагедия?

— Для меня — да.

— Наверное, я один знаю, кто вы на самом деле и чего на самом деле хотите.

Солома хрустнула у нее под ногами.

— Ничего вы не знаете. — Но знала ли она сама?

Он подхватил ее кисть и упрямо перецеловал все до единого пальчики, дразня кончиком языка чувствительные промежутки меж ними, пока из ее горла не вырвался стон.

Она хотела ощутить вокруг себя его руки. Хотела, чтобы его душа слилась с ее душой, чтобы он спас ее от одиночества. Но хотеть всего этого было нельзя.

Он прижал ее пальцы к губам.

— Что вы скажете, когда будете исповедоваться настоящему священнику?

Он знает. То, что творится у нее внутри — для него не секрет. Он знает, что с нею делают его ласки, знает, что она начинает слабеть от желания, когда он до нее дотрагивается.

— Почему вы хотите меня уничтожить?

— Я хочу спасти вас от жизни, которая вам больше не нужна.

— Неправда, нужна! — Она вырвала руку и испуганно уставилась на нее, как будто его поцелуи могли оставить на коже следы чернее чернильных.

— Чем так заманчива перспектива пожизненно славить неблагодарного Бога?

— Бог дарит мир и покой. — Сжавшись в комок под его беспощадным взглядом, она не чувствовала ни того, ни другого. — Место на небесах. — И еще одно. Самое важное. — Место, где можно писать, — прошептала она.

— Вы и сейчас пишете.

— Мне нужно нечто большее.

— Что именно, Ника? — Он взял ее за руки и накрыл их своими большими, квадратными ладонями, а взглядом срывал последние защитные покровы с ее души. — Скажите, что вам нужно?

Она отдернула руки.

— Пристанище! — Вся дрожа, она отвернулась и обхватила себя за талию, пытаясь удержать боль внутри. Глаза ее обожгло слезами.

Он обнял ее со спины, окружая своим телом, и она ненадолго позволила себе прилечь головой к его сердцу.

— Ника, но ведь свет не сошелся клином на монастыре. Мир огромен.

— Какая мне с того разница? — В коконе его объятий, под защитой его сильного тела, было невыразимо уютно, и она боролась с этим ощущением. — У меня нет денег, чтобы ездить по миру, как Вдова. Нет супруга, чтобы обо мне заботились, как о Джиллиан. Единственное, что у меня есть — это письмо. Единственное место, где можно заниматься письмом — монастырь. А единственный способ там остаться — стать монахиней. — Это признание далось ей тяжелее, чем все предыдущие. С каждым словом она говорила все громче. — Кроме монастыря у меня нет другого пристанища. Вы знаете, каково это — не иметь своего дома, быть никем и ничем?

Напротив, подрагивая ушами, жевал сено осел.

Гаррен замер, по-прежнему обнимая ее. Очень долго он молчал. А потом прижался лбом к ее макушке.

— Да, — выдохнул он, и ее волосы овеяло теплом его дыхания. — Я знаю. — Руки, обнимавшие ее, на миг напряглись и разжались.

Она слушала, как возится с упряжью и между делом негромко разговаривает с ослом. Когда она обернулась, лицо его было непроницаемым. Он словно опустил на шлеме забрало, и свет исчез из его глаз. Конечно, он знает. Он же Гаррен-из-ниоткуда.

Он повел осла наружу и на выходе задержался. Глаза его были пусты.

— Ника, ответов на ваши вопросы нет ни у меня, ни у вашего Бога, ни у кого-то еще. Ищите их в себе. — И он, не оборачиваясь, ушел.

Как ей последовать этому совету, если раньше все ответы исходили только от тихого голоса Бога, звучавшего у нее внутри?

Но пока Доминика смотрела, как он запрягает осла в телегу, у нее возникло ощущение, что она только что лишилась дома, о котором и не подозревала, пока не потеряла.

Гаррен шел последним, один. На его запястье свободно болтались поводья Рукко, а в ушах стоял кашель сестры. Две чашки травяного отвара не помогли. Позади скрипучей и узкой, как гроб, двухколесной телеги, шли, о чем-то перешептываясь, Доминика и Лекарь.

Вопреки всему, что произошло, он не мог отвести от нее глаз. Она созрела под его ласками, груди ее налились, синие глаза под дугами бровей стали темнее. Он сделал ее старше, печальнее, мудрее. Она станет еще печальнее, когда он сделает то, что должен.

А он, так или иначе, сделает это, ибо и без того был перед Уильямом в неоплатном долгу.

Мать Юлиана сказала, что ее жизнь почти не изменится. Ложь. О, ей по-прежнему будут доверять делать грязную работу, но она уже не будет жить в стенах монастыря, окруженная стайкой любящих сестер. Ее выдадут за какого-нибудь деревенского мужика, если вообще позаботятся выдать ее замуж, ведь у нее нет ни приданого, ни зажиточной родни. У нее нет ничего, кроме доброго имени.

А он отнимет у нее даже эту малость.

Вы знаете, каково это — не иметь своего дома?

Он знал. Даже слишком хорошо. Боль, которая прозвучала в ее восклицании, почти заставила его отступить. Но только почти.

Он совершит свое злодеяние, и со временем она оправится, как оправился он, и тоже будет жить одним днем, ибо ничего другого ей не останется.

В его мысли вмешался перестук лошадиных копыт, долетевший откуда-то сзади.

Один за другим паломники подняли головы.

— Кто это? Грабители? — спросил Джекин, загораживая собой жену.

Гаррен прикрыл ухо от ветра и прислушался.

— Вряд ли. Лошадь всего одна. — И, судя по звуку, загнанная.

Саймон вытащил меч.

— Я посмотрю, кто там.

— Нет, — сказал Гаррен, садясь в седло. — Я проверю сам, а вы спрячьтесь.

Он развернул Рукко и поскакал по дороге в обратном направлении. Оглянувшись назад, он увидел, как Саймон и Доминика беспомощно сражаются с телегой, слишком большой, чтобы прятать ее в кустах, и у него защемило сердце. Захотелось крикнуть, чтобы она бежала, чтобы спасала себя, потому что он никакой не Спаситель и никого не спасет. Даже себя.

Дорога перевалила за холм. К ним приближался всадник, такой же худой, темный и взмыленный, как и его загнанная лошадь. Придержав Рукко, Гаррен обнажил меч и положил его поперек седла.

Человек тоже придержал поводья. Рука его на секунду зависла над рукоятью меча, а потом Гаррен с удивлением увидел, что ему машут.

— Гаррен, это ты? Это лорд Ричард.

Грубая, примитивная ярость устремилась по его венам к ладони, которая сжимала меч. Он не ответил на приветствие, и Ричард опустил руку.

С лордом Ричардом я ничего подобного не испытывала. Если ярость, которая бурлит у него внутри, выплеснется наружу, он оторвет Ричарду язык, пальцы, губы, любую часть тела, которая могла осквернить Доминику. Усилием воли Гаррен подавил гнев. Такой долгий путь Ричард проделал не затем, чтобы утолить свою похоть. Такими делами он предпочитал заниматься в удобной кровати в своей опочивальне.

Взмыленная лошадь Ричарда пошла шагом. Забрызганный грязью балахон с кроваво-красным крестом на груди выглядел на нем смехотворно. Зачем он приехал? Чтобы сообщить новости, которые подтвердят всю бессмысленность этого путешествия? Обещание, которое дал Гаррен, тяготило его сильнее, чем послание, лежавшее в котомке. Неужели он опоздал?

— Где остальные? — крикнул Ричард.

— Я отправил их вперед на случай, если бы ты оказался грабителем.

— Насколько я помню, до денег здесь рвешься один ты. — Тон Ричарда был пронизан презрением.

Он, верно, все знает.

— Как Уильям?

— Был жив, когда я уезжал.

Его затопило облегчение. Может быть, он живет верой в силу украденного пера? — подумал Гаррен и понял, что по-прежнему питает тайную надежду на то, что Господь сжалятся над неверующим паломником и пощадит Уильяма.

— О чем ты, очевидно, сожалеешь.

Ноздри Ричарда раздулись от возмущения.

— Что ты несешь? Я еду помолиться о его выздоровлении.

Гаррен фыркнул. Он был готов биться об заклад, что Ричард верит в Бога не больше его самого. Просто он хочет каким-то образом использовать тех, кто действительно верит.

— А я-то подумал, что о своей душе.

— Грязным наемникам вроде тебя не понять. Если в моих силах сделать то, что спасет моему брату жизнь, я, разумеется, готов это сделать.

— Странно, что ты пришел к этому мнению только после нашего ухода. — Зачем все-таки он приехал? Что изменилось за эти шесть дней?

Не чувствуя в себе сил выпытывать у него ответ, Гаррен неохотно кивнул головой на

запад. Ричард нарядился пилигримом, а значит имел право к ним присоединиться. Отказать ему без видимых причин он не мог.

— Они там, за пригорком. — Лошади поехали рядом.

На дороге, с мечом наготове их поджидал Саймон. Рядом стояла телега, завязшая одним колесом в грязи на обочине, а внутри, прижимая к себе пса, лежала и молилась, закрыв глаза, сестра Мария.

— Где остальные? — спросил Ричард.

— Спрятались.

— Все в порядке. — Ричард величественно помахал рукой с видом короля, вышедшего к толпе. — Я приехал, чтобы присоединиться к вам.

По кивку Гаррена Саймон опустил меч. Сестра открыла глаза и подняла голову, а Иннокентий, соскочив на землю, громко залаял. Когда сестра подтянулась к краю телеги, Саймон взял ее на руки, явно приложив для этого меньше усилий, чем когда держал меч, и помог спуститься.

— А, это вы, лорд Ричард, — сказала она. — Мы боялись, что нас преследуют грабители.

Под стремянами лошади Ричарда скакал на своих коротеньких лапках Иннокентий и, щелкая зубами, никак не мог дотянуться до его сапог. «Давай, парень, прыгни чуть выше», — подумал Гаррен. — «Ты почти достал».

— Как видите, я не грабитель, а смиренный паломник, как и все вы. — Чтобы перекричать лай Иннокентия, ему пришлось повысить свой и без того пронзительный голос. Он бросил на пса злобный взгляд. — Когда я молился за брата, то получил указание свыше присоединить свой голос к вашим мольбам перед Господом и Блаженной Лариной.

Гаррен с отвращением смотрел, как из-за кустов один за другим выходят паломники, кланяясь Ричарду, как одному из Редингтонов, с уважением, которого он не заслуживал. Иннокентий и то лучше разбирался в людях.

— А где девчонка? — спросил его Ричард. — Что ты с нею сделал?

Гаррена куснуло чувство вины.

— Я — ничего. А ты?

Ричард с невинным видом приподнял брови.

— Гаррен, я всего лишь интересуюсь, в добром ли здравии те, кто находится под твоей защитой. Или Уильям заплатил тебе только за то, чтобы ты заботился о себе и его послании?

Послание. То, которое Ричард пытался выхватить у него из рук. Что там написано? Судя по устроенной спешке, Ричард каким-то образом выяснил это, когда они ушли. А судя по тому, как сверкали его глаза, речь там велась о вопросе жизненной важности.

Увидев девчонку среди кланяющихся пилигримов, Ричард понял, что успел забыть, какая она соблазнительная. Губы могли бы быть и посочнее, думал он, поглядывая на нее сверху вниз, но зато какие налитые груди... Он ощутил стеснение в паху и заерзал в седле, гадая, успел ли Гаррен ее испортить.

— Доминика.

Она обошлась без вежливых реверансов и просто кивнула.

— Здравствуйте, лорд Ричард. Как поживает ваш брат?

Брат, брат... Неужели всем наплевать на то, что после стольких часов в седле у него ломит все кости?

— Был жив перед моим отъездом. — Он сдержал улыбку. Было непросто изображать печаль, когда внизу таякала собака. — Впрочем, кто знает, что случилось за те несколько дней, что я провел в дороге.

— Бог даст, с ним все будет хорошо. — Когда девчонка не улыбалась — а сейчас она не улыбалась, — то становилась похожа лицом на угрюмую старую ворону, которая стояла рядом. Как же зовут эту монашку? Она явно мнила себя святее папы римского, и это фальшивое благочестие раздражало его до крайности.

— Ну да, разумеется, Господь творит чудеса, — ответил он.

— Мы непрестанно молимся о его здоровье, — сказала монашка. Он вспомнил ее имя. Сестра Мария.

— И о моем, я надеюсь, тоже, — проворчал он.

— Мы молимся обо всех божьих созданиях, лорд Ричард. — Своим вялым карканьем старая ворона извещала, что он не важнее дворняжки, которая отиралась рядом. Такому же непомерному высокомерию она обучила, вместе с чтением и письмом, и эту маленькую шлюшку Доминику. А ведь этой жалкой монашке и подкидышу положено радоваться, что такой высокородный господин, как он, снисходит до разговора с ними.

— Скоро будем обедать, — сказал Гаррен. — Саймон, Ральф, Джекин, давайте пока вытащим телегу на дорогу.

Дождавшись, пока они отойдут подальше, Ричард спешил и отвесил псу смачного пинка по морде, с удовлетворением слушая, как тот заскулил. Девчонка, вскрикнув, упала на колени и принялась его утешать.

Возможно, теперь до нее дошло, что со своим господином нужно считаться.

Она обнимала животное, тиская его точно ребенка, а он тем временем вылизывал ее лицо. Какая мерзость. Ричард хотел было приказать, чтобы она отпустила пса, но потом решил, что будет безопаснее, если он останется у нее на руках.

— Расскажи, как проходит твое путешествие, Доминика.

Взгляд заносчивых синих глаз прошелся по нему вскользь, словно он не заслуживал внимания. Отец смотрел на него точно так же.

— Мне нужно помочь с обедом, милорд.

— Не заставляй меня приказывать, Доминика. Что нового ты узнала за время паломничества?

Он ожидал, что она пристыженно покраснеет, что свидетельствовало бы о ее грехопадении, но вместо этого она улыбнулась.

— О, я узнала, что мир велик и прекрасен, милорд. И полон удивительных вещей.

— Каких, например?

Он попытался подцепить ее под локоть, но она, прижимая к себе пса, отклонилась назад и увернулась.

— Мы шли ровно той же дорогой, что и вы, милорд. Нас грело солнце. Обдувал ветер. Трава была высокая, по пояс. Мы прошли почти шесть миль и, если бы вы нас не задержали, к вечеру были бы в Лискерде.

Ее голос сочился презрением. Ничего, скоро он научит ее уважать себя.

— А что ты писала во время путешествия, Доминика?

— Ничего интересного, милорд.

Опять «ничего интересного». Других слов они, что ли, не знают?

— Ты ведь согласна, что слова обладают магической силой? С их помощью можно как созидать, так и разрушать. Ты недавно записала кое-что примечательное, да, Доминика?

Глаза ее настороженно блеснули. Хорошо.

— Я записываю только слово Божье, лорд Ричард.

— О, не только. Еще ты записала слова моего брата. В послании, которое несет наемник.

Побледнев под своим крестьянским загаром, приобретенным за время пути, она оглянулась через плечо и понизила голос.

— Что он вам рассказал?

Ну нет. Сперва он ее подразнит.

— А может, брат диктовал тебе одно, а записывала ты совсем другое? Тебе известно, что ложь — это грех?

— Я вас... не понимаю.

Он удовлетворенно улыбнулся. Теперь, когда он припугнул ее, смотреть ей в глаза стало проще. Маленькая ведьма оказалась достаточно сметлива, чтобы почуять опасность.

— О, ты прекрасно меня понимаешь. — Он закинул руку девчонке на плечи и, краем глаза следя за зубами пса, позволил ладони повиснуть над ее грудью. — Но ты можешь помочь мне забыть о том, что ты знаешь, Доминика.

Не успел он опомниться, как в живот ему вонзился ее локоть.

— Лорд Ричард, даже если мы с вами забудем, Господь будет помнить. *Deo gratias*. — И она на пару со своей дворняжкой умчалась прочь.

— Ричард! — взревел Гаррен. — Иди ешь. Нам скоро выходить.

Ричард поморщился. Шлюшка ударила его в живот. Еще одна вещь, за которую она ответит, когда он уложит ее на спину.

На этот раз Господь подвел меня, думала Доминика, с безопасной дистанции наблюдая за лордом Ричардом.

Она сбежала, но недостаточно далеко и недостаточно быстро. Они с Гарреном окажутся в безопасности только добравшись до усыпальницы. Но до нее еще много дней и миль ходу.

И теперь с ними идет лорд Ричард.

Слава Богу, Гаррен не знает о содержимом послания. Граф в мудрости своей оградил его от этого знания, и она была рада хранить его секрет. Не только из благодарности за все те милости, которые монастырь видел от Редингтонов, но и по причине какого-то другого, неясного чувства. Такого, которого она не испытывала к лорду Ричарду.

Однако, пока послание было у Гаррена, ему грозила опасность. Кем бы он ни был, святым или дьяволом, она не могла допустить, чтобы с ним приключилась беда. Обещание, данное лорду Уильяму — достаточный повод, чтобы защищать его. Были и другие поводы, но о них она не хотела думать.

— Выходим! — крикнул Гаррен.

Лорд Ричард, не обращая внимания на его приказ, нагнал ее.

— Садись со мною в седло. Моя лошадка легко вынесет двоих.

Гаррен забрал у него поводья и отвел лошадь назад.

— Добро пожаловать в паломничество, Ричард. Мы идем пешком.

Ненависть, которая сверкнула в его глазах при взгляде на Гаррена, прибавила Доминике решимости. Надо постараться выкрасть послание сегодня же ночью. Потом она скажет лорду Ричарду, что оно все время было у нее и что Гаррен ничего не знает. Так она отведет от него опасность, а уж ее саму как-нибудь защитит Господь.

Она скользнула взглядом по фигуре лорда Ричарда, который топал один впереди всех.

Или же она окажется на пороге смерти быстрее лорда Уильяма.

Наблюдая, как над деревьями поднимается луна, Доминика лежала в тепле медленно угасающего костра и благодарила Бога за то, что сегодня они спят под открытым небом. Выкрасть послание в тесноте переполненного постоянного двора было бы невозможно.

В ночном воздухе плыли звуки, которые издавали спящие. Храп Вдовы. Хриплое покашливание сестры Марии. Сонное бормотание Ральфа, которого навещали во сне воспоминания о его видениях на болоте.

Сегодня привычную гармонию нарушал новый звук, и от этого звука ее пробирала дрожь.

Гнусавое сопение лорда Ричарда.

Гаррен вообще не издавал никаких звуков. Растянувшись на своем тюфяке в тени деревьев на краю лагеря, он лежал так неслышно, будто заснул вечным сном. Пока его не разбудил старший из братьев Миллеров, она не могла понять, спит он или бодрствует. Улегшись, Миллер сразу же захрапел, а Гаррен скрылся в лесу, чтобы совершить первый обход вокруг лагеря.

Времени было в обрез.

Доминика поднялась на ноги, и пес, наострив ухо, заскулил.

— Ш-ш. Лежать. — Она погрозила ему пальцем, отчаянно прислушиваясь к шагам за деревьями.

— Ты куда, Ника? — Сестра подняла голову. — Что случилось?

— Ничего. Мне нужно облегчиться.

Мельком оглядев спящих, Доминика прокралась к тюфяку Гаррена, вздрогнув, когда под ее башмаком хрустнула ветка. Она задержала дыхание, но разноголосье звуков не прервалось.

Упав на колени и отчаянно уповая на то, что этой ночью Гаррен не унес послание с собой, она раскрыла его котомку. Потом, поглядывая на его тень за деревьями, пошарила внутри. Нашупала потертый кожаный кошель, в котором бренчали монеты, зачехленный нож с гладкой деревянной ручкой и, наконец, что-то шерстяное, хранившее тепло его тела — наверное, сменную тунику. И укололась об острый уголок. В складках ткани оказался спрятан прямоугольник пергамента. Забрав его, она сложила все как было, встала и развернулась, готовая убежать...

И врезалась в высокое, широкоплечее препятствие. Горячие, сильные руки с нежностью обхватили ее, и низкий голос хрипло прошептал:

— Ты все же пришла в мою постель?

Когда Доминика налетела на него, первая мысль Гаррена была о том, до чего сладко будет наконец ощутить ее под собой. Он порывисто смял ее в объятьях и вдохнул аромат влажной травы и фиалок, чувствуя, как тяжело и часто она задышала, прижатая к его груди. И только спустя мгновение понял, что ее руки сжимают какую-то вещь.

Отклонившись назад, он увидел прямоугольник пергамента и красную восковую печать на шнуре.

Вот же... маленькая интриганка. Стащила из его котомки послание.

Шок захлестнуло разочарование.

— Зачем вы его взяли? — процедил он.

Она заерзала, отчего ее бедра еще теснее прижались к его пульсирующему паху. Он стиснул зубы, сдерживая стон.

— Пусть оно побудет у меня, — шепнула она, вцепившись обеими руками в послание. Как будто у нее хватит сил удержать его. Ерзать она перестала, но ее бедра все еще оставались слишком близко. — Так надо. Чтобы отвести от вас угрозу.

— С чьей стороны? — Глупое уточнение. Не сговариваясь, они оглянулись на Ричарда, который спал за костром.

Он увлек Доминику в тень деревьев. Под порывом ветра дубы закрипели ветвями, и на землю, стучаясь о стволы, западали желуди.

Зачем она хочет забрать послание? Что там написано? Вчера он решил не допытываться, но с прибытием Ричарда все изменилось.

— Ника, — заговорил он уже мягче. — Я знаю, вы дали слово Уильяму, но теперь с нами Ричард. Вы должны рассказать, что там написано.

— Он просил меня никому не говорить.

Она была предана Уильяму не меньше его самого. Поборов восхищение, он положил ладонь на чувствительное местечко там, где ее шея переходила в плечо.

— Ника, он доверил мне послание не просто так. Вы же знаете, я не способен причинить ему зло.

И вам тоже, добавил он мысленно, поглаживая большим пальцем ее горло, но не посмел произнести этого вслух, побоявшись сказать правду.

Сквозь шепот листвы донеслось уханье совы, которая пряталась в ветвях. Доминика молчала. Он приподнял ее подбородок, жалея, что в темноте не видно выражения ее глаз.

— Вам угрожает опасность. Я хочу защитить вас.

— Господь меня защитит.

— Господь никого не защищает.

— Как вы можете так говорить? — Стояла крошечная тьма, но он знал, что она смотрит на него с укоризной. — Господь спас лорда Уильяма.

Теряя терпение, он взял ее за запястья.

— Доминика, перестаньте. Или вы немедленно скажете, что там написано, или, клянусь всеми святыми, я вскрою печать и выясню это сам.

Она ахнула, сминая послание в кулаке.

— Нет, не делайте этого. Оно обращено не к Ларине, а к священнику, который следит за ее усыпальницей.

— Вы помните, что там написано?

Она кивнула.

— Тогда перескажите, чтобы мне не пришлось ломать печать.

В тишине он чувствовал, как на ее запястьях мечется пульс. Потом она высвободила правую руку. Не дыша, он позволил приложить ее к своей левой руке, ладонь к ладони, и поднять их вверх, к небесам, в молитве.

На мгновение он перенесся в озаренную свечами часовню и захотел заново услышать ее

признание, вновь коснуться в мягком поцелуе ее разомкнутых губ и познать языком ее правду.

Она закрыла глаза и монотонным голосом, как священник на проповеди, начала извлекать из памяти написанное.

— К тому времени, как доставят это послание, я, без сомнения, буду уже мертв, скончавшись от руки моего брата.

Нет. Только не это.

— Но Ричард сказал, что он еще жив!

Она только покачала головой, отказываясь прерываться.

— ... скончавшись от руки моего брата и вопреки усилиям моего друга Гаррена спасти меня. Во Франции Гаррен с Божьей помощью вынес меня с поля боя, где меня бросили, посчитав мертвым, и доставил домой. Дома, однако, здоровье мое начало ухудшаться. Брат медленно убивает меня. Тайком он подмешивает в мою пищу яд. Да будут Господь и Блаженная Ларина свидетелями его предательства.

Яд, это оружие трусов, травил Уильяма изнутри и просачивался наружу россыпями белесой сыпи и черных бородавок. Теперь понятно, что за опыты ставил итальянский алхимик Ричарда. Слишком ленивый и трусливый, чтобы как все младшие сыновья пробиваться в жизни самостоятельно, Ричард, этот завистливый Каин, задумал убить своего брата.

— Надо было дать ему умереть на поле боя, — пробормотал Гаррен. Спасенная жизнь стала проклятьем для них обоих. Но ведь Уильям знал, что его травят. В голове его зашумел предательский гнев. — Если он все знал, то почему ничего не предпринял?

Она сплелась с ним пальцами.

— Его разум ослаб из-за болезни. Может быть, не вся пища была отравлена. Может быть, его кормили насильно. Или же он считал, что правильнее обратиться за помощью к Господу.

— Но почему не ко мне? — *Почему я ничего не замечал?* Чувство вины вонзило свои клыки в его сердце. Ричард убивал Уильяма у него на глазах, а он оставался слеп.

— Как он мог — без прямых доказательств? — спросила она. Ее голос был полон сочувствия, в котором он себе отказывал.

— Мне хватило бы одного его слова. — Как ему исправить свою промашку? Может, вернуться в замок? Но он даже не знал, жив ли Уильям. По его плану Гаррену полагалось доставить послание, которое изобличит Ричарда, но что-то пошло наперекосяк. А вдруг, Церковь не накажет убийцу? — Я заставлю Ричарда заплатить за все.

Она стиснула его руку.

— Потому он и не хотел, чтобы вы знали. Но погодите. Это еще не все. Дальше он говорит о вас. — Она откашлялась и, закрыв глаза, вновь принялась цитировать: — Я требую, чтобы Церковь наказала Ричарда за убийство. Также я прошу короля отписать мои земли и все имущество, которое после моей кончины унаследует Ричард, моему другу Гаррену, ибо при жизни именно он был мне настоящим братом.

Ноги у Гаррена подкосились, и он едва не осел вместе с Доминикой на землю. Дом. Плодородные поля и ослепительно-зеленые холмы. Место, где можно провести жизнь, состариться и умереть.

Но цена — жизнь Уильяма — была слишком высока.

— Я никогда его не просил... Мне ничего от него не нужно, по крайней мере, не так. —

Он силился разглядеть в темноте ее глаза и молился, чтобы она ему верила. — Да и король никогда не даст своего согласия, — прибавил он, поразмыслив.

Впрочем, кто знает, как поступит король. Он же согласился, чтобы подконтрольные короне земли, на которых стоял дом Гаррена, отошли Церкви.

Она дотронулась до его щеки.

— Вы же понимаете, людям будет все равно. Если вы убьете Ричарда, они сделают вывод, что вы пошли на это не ради мести за графа, а из желания завладеть его богатством. Пусть Ричарда накажет Бог.

Он с горечью рассмеялся.

— Тот самый Бог, который не мешал ему творить зло? — Бог сохранил Каину жизнь. Но от него, от Гаррена, Ричард может не ждать подобного великодушия.

Она нащупала его подбородок и заставила посмотреть на себя.

— Гаррен, если Ричард знает, о чем говорится в послании, значит он прибыл, чтобы убить вас.

После этих слов туман, сотканный из гнева и раскаяния, рассеялся. В первую очередь опасность грозила Нике.

— И вас тоже. — Он крепче прижал ее к себе, словно пока обнимал ее, она была в безопасности. — Да только я ему не позволю.

— Неужели вы не понимаете? Важнее всего для него уничтожить послание. Он думает, что оно у вас, и пока не завладеет им, вы будете живы.

Убрав из ее волос листик, он гладил ее по макушке, пока она не прильнула к нему, спрятав лицо у него на плече. Пергамент оказался зажат между их телами. Безрассудный план. В конце концов Ричард постарается убить их обоих.

— А как же вы?

— Господь защитит меня, — повторила она.

В ее голосе больше не было вызова, и он задался вопросом, не дрогнула ли ее вера, как только что дрогнул голос.

— То есть, Господь защитит вас, а вы защитите меня? Так оно получается?

Ему стало почти смешно. Уж очень давно, десять лет, никто не рвался его защищать. В разгар сражения, когда вокруг свистели стрелы и лязгали мечи, он никогда не боялся за свою жизнь, только за Уильяма. Может, Доминика чувствует то же самое?

Может быть, и он чувствует тот же страх за нее?

— Господь защитит нас обоих, — убежденно прошептала она, уткнувшись лицом ему в грудь, — просто иногда Ему нужно чуточку помочь.

Баюкая ее, он завидовал ее невинной уверенности в том, что вера вот так запросто может уберечь от людского коварства.

— Хорошо, — сдался он, неохотно ее отпуская. Для одного вечера, пожалуй, достаточно споров. — Забирайте. Я что-нибудь придумаю.

Она выскользнула из его объятий и вздохнула — облегченно, а может с сожалением.

— Ника, и еще, — сказал он, глядя, как она прячет послание на груди. — Знайте, что я намерен помочь Господу, и не чуточку, а в полную силу.

И ему показалось, что, исчезая за деревьями, она улыбнулась.

Она забрала послание, но он позаботится о том, чтобы Ричард об этом не узнал. Можно сказать ему, что Уильям вызвал в замок писца со стороны. Это отвлечет его от Ники.

Но, как ни противно было признавать, на сей раз им не обойтись без помощи Господа.

Когда взошло солнце, Гаррен разыскал Нику. Она сидела около сестры, склонившись над нею и обвивая руками ее хрупкие, трясущиеся от кашля плечи. Он присел с ними рядом, рассеянно почесывая Иннокентия за оторванным ухом, и пес довольно завилял своим коротким хвостом, ударяя его по бедру.

— Сестра Мария, как вы? — Он знал, что ответ ему не понравится.

— Она устала, — ответила Ника. — Она так и не отдохнула.

— Со мной все будет хорошо, — сказала сестра, преодолевая слабость.

— Может быть, один день отдыха... — проговорила Ника, глазами умоляя его о помощи. В ее взгляде отразились все терзавшие ее страхи. Страх потерять столь важное для Уильяма время. Страх перед Ричардом. Страх, что дня отдыха для сестры будет недостаточно...

Наверное, она забыла, что они брали день отдыха в Тавистоке.

— К северу отсюда есть замок Рестормел. — Он бывал там с Уильямом незадолго до отъезда во Францию — целую вечность назад. — Думаю, мы доберемся туда к полудню.

Глаза Ники округлились.

— Один из замков Черного принца? А нас туда пустят?

— Этих замков у него столько, что и не сосчитать. самого принца там не будет, но управляющий меня вспомнит. — Он повернулся к сестре. — Давайте положим в повозку еще пару одеял.

Сестра кивнула.

— Благодарю вас. Мне очень неловко задерживать остальных. — Она посмотрела ему в глаза, и он увидел в них смерть. *Она как солдат на поле боя. Чувствует, что смерть близка.* Гаррен перевел взгляд на Нику, которая укладывала одеяла в телегу. Сестра молча покачала головой. *И она не хочет, чтобы Ника узнала.*

Мысленно он погрозил небесам кулаком. *Боже, только не ее. Она и так принадлежит Тебе.*

— Я поговорю с остальными, — сказал он. — Уверен, они будут счастливы воспользоваться гостеприимством Принца.

Никто из паломников возражать не стал. Они только покивали головами, бормоча какие-то жалостливые слова и осеняя себя крестным знаменем, и каждый радовался, что на месте сестры не оказался он сам.

Последним к завтраку вышел Ричард.

— Я еле стою на ногах. — Он зевнул Гаррену в лицо. Как вышло, что двое братьев выросли такими разными? Уильям — искренний, сердечный, бесстрашный воин. И Ричард. Тощий самовлюбленный хорек, пожираемый изнутри солитером зависти. — Еще одной ночи на земле я не вынесу.

— Тогда тебе понравится моя идея заночевать сегодня в замке Рестормел. Сестре нужен день отдыха.

— Ну, а мне нужна ночь отдыха от ее кашля, который я слушал с вечера до зари. Ты возишься с этой монашкой как с королевой, а мне нельзя даже сесть на свою собственную

лошадь!

Гаррен скрестил руки на груди, чтобы не придушить его.

— Вижу, ночью ты лишился не только сна, но и остатков хороших манер.

Тонкие ноздри Ричарда раздулись. Нацепив на лицо благочестивую маску, он прижал к груди растопыренную пятерню.

— Прошу прощения. Все дело в том, что я переживаю за брата. Кстати, его послание все еще у тебя?

Как скоро он выпустил когти.

— Конечно. — Гаррен повел плечами. — Печать осталась цела, как он и просил.

Покатый лоб Ричарда разгладился от облегчения. Надо попробовать внушить ему, что он не знает, о чем там написано.

— Он дал его тебе потому, что я не поехал. — Ричард протянул руку. — Но раз уж теперь я здесь... Я сам прослежу, чтобы оно было доставлено.

Умно. Похоже, Ника была права. Прежде чем расправиться с ними, он хочет подтвердить свои подозрения.

— О, в этом нет необходимости. Я обещал не отдавать его никому, кроме смотрителя усыпальницы.

— О, я не вхожу в число этих «никому». Он сам сказал, чтобы дальше его нес я. — Как все лжецы, он отвел взгляд в сторону, но фальшивая улыбка осталась приклеена к его лицу. — Прямо перед моим отъездом. Когда мы вместе молились.

— Уверен, так оно и было, — отвечал Гаррен, уверенный, что ничего подобного не было, — но увы, я дал ему слово. Он так скрытничал, что даже писца вызвал из Уайтвуда.

Взгляд Ричарда прошелся по лагерю и остановился на его жертве.

— Я видел в замке только одного писца — Доминику.

Гаррен не сводил с него глаз. Привыкший изворачиваться и лгать, Ричард научился легко распознавать чужую ложь.

— Я знаю только то, что мне было сказано. Может, там содержится какое-то секретное покаяние. — Он заставил себя дружески похлопать Ричарда по спине. — Будем надеяться, святая услышит всех — и Уильяма, и меня, и тебя с молитвами о его здоровье.

Губы Ричарда растянулись.

— И Доминику.

Мышцы Гаррена напряглись, как натянутая тетива.

— Доминику?

— Ну да, — с невинным видом ответил тот. — Она же молится о том, чтобы вступить в орден.

Земля под его ногами пошатнулась, будто он снова попал на топкую почву болот. Что еще известно Ричарду? Непроизвольно он вытер руку, которой хлопал Ричарда по спине.

— Такой верой, как у нее, можно двигать горы.

Ричард дернул носом.

— Ей больше подошло бы другое призвание.

Девчонка не создана для пострига, сказала мать Юлиана. И Ричард был с нею согласен. Гаррен закашлялся, боясь выдать охватившую его тревогу.

— Что ты имеешь в виду?

— Происхождение у нее, ясное дело, самое низкое. Кто еще подбросит свое дитя в монастырь, если не какая-нибудь шлюха?

Гаррен сдержал позыв броситься на ее защиту. Нельзя давать Ричарду основания подозревать, что Ника ему дорога. И он равнодушно спросил, изображая праздное любопытство:

— И какое призвание ей подходит?

— Из нее получится превосходная любовница. — Ричард осквернял ее одним своим взглядом. — Ты не согласен?

Тело Гаррена было согласно, но от грязного намека в крови закипел гнев. Неужто Ричард задумал обесчестить ее перед тем, как убить?

— Не знаю. На мой вкус она высоковата.

— В самом деле? — Ричард приподнял брови. — Вчера ночью мне показалось, что я видел вас вместе в лесу.

Разговор зашел в опасное русло.

— Тебе показалось. Зачем мне обхаживать девицу, которая любит Бога больше мужчин?

— Она еще не монашка, знаешь ли. — На дне карих глаз Ричарда плескалось похоть. Выражение его лица стало плотоядным. — И, по-моему, вряд ли когда-нибудь ею станет.

Внезапно Гаррен понял, что будет с Доминикой потом.

Гнев на Ричарда и настоятельницу вспыхнул в его душе ярко, как молния.

А затем обрушился на него самого.

Это он — и никто иной — за тридцать сребреников пообещал сломать Доминике жизнь, даже не познакомившись с нею. Это он вознамерился стать орудием, который уничтожит ее мечты. Не Божьим орудием и не Сатаны, а всего лишь орудием коварного сговора между Ричардом и матерью Юлианой.

Ричард смотрел на него, улыбался и ждал.

Гаррен остыл. Гнев превратился в холодную ярость. Вот еще одна причина для того, чтобы убить Ричарда. Со своим собственным чувством вины он разберется позже, потому что прямо сейчас игра становилась очень опасной. Если Ричард уверен, что он хочет сокрушить Доминику, нужно поддерживать эту уверенность, иначе этот подонок возьмется за нее сам. Впрочем, он и без того попробует это сделать. Гаррен не знал, чего Ричард хотел больше — ее тело или ее жизнь, — но поклялся себе, что он не получит ни того, ни другого.

— Да, она еще не монашка. — Он позволил себе окинуть Доминику оценивающим взглядом и притворился, что размышляет над его словами. — Наверное, ты прав. Коса у нее просто роскошная, правда?

Ричард чуть не облизнулся.

— Скоро кто-нибудь ее да поимеет, Гаррен. Помяни мои слова.

И в этих словах таилась угроза.

Слушая слабое дыхание сестры за скрипом телеги, Доминика не сразу заметила, как впереди показалась громада замка Рестормел, издалека похожего на ржавую корону. Он стоял, возвышаясь над рвом, а вокруг простирались охотничьи леса, где водились олени. Как только они пересекли подъемный мост, Гаррен подхватил сестру на руки — так легко, словно она весила не больше перьев Ларины. Доминика тревожно смотрела, как он уносит ее через двор в сопровождении управляющего и Лекаря.

Она поспешила было за ним, но не успела сделать и шага, как ее поймали за запястье костлявые пальцы лорда Ричарда. Пытаясь вывернуться, она увидела, что Гаррен занес сестру во внутренние покои замка.

— Не волнуйся, Доминика, — сказал лорд Ричард, ухмыляясь с набожным видом. — Если сестра умрет во время паломничества, то вознесется прямоком в рай.

Эти слова испугали ее сильнее, чем прикосновение его ледяных пальцев. Она до сих пор отказывалась верить в то, что сестра может умереть.

— Я уверена, лорд Ричард, — ответила она, повышая голос, чтобы перекрыть рычание Иннокентия, — что сестра попадет в рай вне зависимости от того, когда ее призовет Господь.

Высвободившись, она подхватила свою котомку и начала протискиваться через паломников, которые толпились у сторожки привратника, к арочному входу в комнату, где скрылся Гаррен. По пути Джиллиан вручила ей домотканое покрывало из колючей рыжеватой шерсти.

— Держи. Вдруг сестре пригодится.

Они отдавали свое собственное, единственное покрывало, и Доминика приняла его, смагивая слезы.

— Спасибо. Вы с Джекином очень добры. Я уверена, завтра ей станет лучше. И простите, что мы вас задерживаем.

Вдова прижала Доминику к своей необъятной груди.

— Один день Блаженная Ларина может и подождать. А теперь иди. Ты нужна ей.

Иннокентий следовал за ней по пятам, пока она шла через двор, стараясь не вслушиваться в шепотки за спиной. Вдруг они шепчут те же слова, которые только лорду Ричарду хватило нахальства произнести вслух.

Когда она приблизилась ко входу, из комнаты вышли, повесив головы, Лекарь и управляющий. Доминика задержалась на пороге.

Ни Гаррен, ни сестра ее не заметили. Монахиня лежала на узком ложе, прикрыв глаза, такая маленькая и хрупкая, что ее черная ряса казалась пустой оболочкой. Широкая спина Гаррена была обращена к двери. Он неуклюже подкладывал под голову сестры, обремененную белым платком, вторую подушку.

Он был так заботлив и ласков с ней, что у Доминики защемило сердце.

Сестра положила на его сильную руку свои бескровные пальцы, и голос, знакомый Доминике лучше ее собственного, дрогнул.

— Помни, дитя мое, Бог не ждет от нас первого шага. Он знает наши секреты, но все равно принимает и любит нас такими, какие мы есть.

— Ах, сестра, — пожурил он ее шутливо. — Я не стал выпытывать ваши секреты, так

позвольте мне сохранить и свои.

Доминика задержала дыхание, вся обратившись в слух. У сестры никаких секретов не было и быть не могло, но она отчаянно желала узнать, что же скрывает Гаррен.

Выдавая ее присутствие, в комнату ворвался Иннокентий и запрыгнул на кровать, отчего сестра снова закашлялась. Дрожащими руками она обняла его лохматое черное тельце и слабым жестом позвала Доминику в комнату.

Когда Гаррен обернулся, глаза его были печальны. В них не было и тени той наигранной веселости, которая звучала в голосе.

Он тоже уверен, что она скоро умрет.

— Спасибо вам, — только и смогла промолвить она.

— Она заслуживает большего.

Она кивнула и уткнулась лицом в подаренное Джиллиан покрывало, чтобы сестра не видела, как она плачет. Большая и теплая ладонь Гаррена гладила ее по голове. Когда он дотронулся до нее, ее заполонило глубокое, всеобъемлющее чувство покоя — покоя, которого она ждала с тех самых пор, как вечность назад встала перед ним на колени на пыльном дворе замка и попросила благословить.

Потом он убрал руку, и это чувство ушло.

Доминика подняла голову. Он сразу потянулся к ее котомке, и она спрятала ее за спину.

— Все в порядке. Оно у меня, — шепнула она и переложила послание за вырез платья, поближе к сердцу. — Просто не подпускайте его к нам, вот и все.

Гаррен насупился, приготовившись спорить, но она покачала головой и взглядом указала на сестру.

— Мне нужно сходить к остальным. — Он говорил достаточно громко, чтобы слышала сестра, а сам неотрывно смотрел Доминике в глаза. — Управляющий скоро принесет вам поесть и разожжет огонь, а я позабочусь, чтобы никто — ни один человек — вас не тревожил. Если что, зовите. Я буду рядом.

Позвать его захотелось в ту же секунду, как он вышел из комнаты.

Примостившись на тюфяке у кровати сестры, Доминика всю ночь спала урывками, в промежутках, когда ее кашель, затихая, сменялся хриплым молчанием. На заре сестра наконец-то заснула, и вскоре в комнату заглянула Вдова.

— Джеймс готовит новый отвар, — прошептала она.

Зевая, Доминика улыбнулась. И когда Лекарь успел стать для Вдовы Джеймсом?

— Она только что заснула.

— А ночью, верно, не спала ни минуты. Иди, — сказала она, махнув за дверь. — Возьми собаку и прогуляйся. Вам обоим нужно побыть на свежем воздухе. Я посижу с нею. Все-таки я вырастила пятерых детей и ни одного не потеряла.

Шагая по мосту, перекинутому через крепостной ров, Доминика честно пыталась дышать этим самым свежим воздухом, но тяжесть, которая давила на грудь, мешала вздохнуть в полную силу. Послание жгло ее кожу. Солнце насмешничало в вышине, распуская лучи сквозь листву деревьев, которые отбрасывали на траву длинные ползучие

тени. Господь хранил и оберегал каждую изумрудно-зеленую травинку, которая цеплялась к земле. Но почему не сестру?

Упав на колени, она начала выдергивать с корнем пучки травы и швырять их, не глядя, в равнодушное дерево. Иннокентий подпрыгивал за каждым распадающимся в воздухе комом земли. Грудь ее разрывали хриплые, как кашель сестры, рыдания, и когда ярость иссякла, она сгорбилась и уткнулась лицом в перепачканные землей ладони.

Боже, прошу тебя, не дай ей умереть.

— Это что, какой-то новый способ молиться?

Отряхнув руки о юбку, она подняла глаза и увидела, что под деревом стоит, прислонившись к стволу, Гаррен. Укрытый рваными пятнами тени, он сливался с лесом, пестревшим красными, зелеными и бурными красками, и казался таким же темным, таинственным, полным секретов.

— Он не заберет ее, — сказала она упрямо. — Он просто не должен.

— Бог впервые задумал отнять у вас близкого человека. — Это был не вопрос.

— Я умоляла Его пощадить ее.

— Умоляли? Или требовали?

Кое-как справившись с подступившими слезами, она покачала головой. *Иногда Бога нужно чуть-чуть подтолкнуть.* Какими самонадеянными казались теперь эти слова. Какой далекой стала та спокойная жизнь в монастыре, когда она пребывала в полной уверенности, что Господь сделает именно так, как она попросит. Ее никчемные руки безвольно лежали на коленях. Услышит ли Господь, если сложить их ладонями вместе и поднять к небесам?

— Я готова умолять, если это заставит Его передумать.

Он сел на траву рядом с нею.

— А если ваши молитвы останутся без ответа? Что тогда?

Она опустила голову.

— Не знаю. — За всю свою жизнь Доминика не разлучалась с сестрой ни на день. Она представила, как возвращается без нее в монастырь, как принимает постриг, как трудится в одиночестве в скриптории... Одна только мысль об этом была невыносима. — Он еще никогда не подводил меня.

Он сплел руки на груди и сказал, скрывая за горечью тона свои секреты:

— Ничего. Когда подведет, вы научитесь с этим жить.

Доминика просунула ладонь ему под локоть. Просто из сострадания — оправдалась она перед собой.

— Отчего вы так на Него обижены? Что Он вам сделал?

Он долго смотрел на нее, потом расправил руки и отрывисто заговорил:

— Когда мне было семнадцать лет, — в его речи появился легкий северный акцент, — я жил в монастыре. Все мои мысли в ту пору были сосредоточены только на Боге и на предстоящих вечных обетах.

Она улыбнулась, представив его в возрасте Саймона — плечи еще не развернулись во всю ширь, губы еще не привыкли сжиматься в узкую линию, лицо светится верой. Сердцу стало горько при мысли о том безвозвратно потерянном мальчике.

— Где был ваш дом?

— Неподалеку от Бервика. На чьей территории — англичан или шотландцев — зависело от того, кому сегодня в набеге сопутствовала удача. Мой отец был предан только себе и своей земле и хотел одного: чтобы его оставили в покое. Этим он восстановил против

себя и тех, и других.

— Вы второй сын? — Юноше разрешалось посвятить свою жизнь Богу только в том случае, если в семье имелся наследник фамильных земель.

Он кивнул.

— У меня был старший брат. Его звали Джеймс.

Повисло молчание. Каждое слово из его уст было для нее подарком.

— Сколько ему было лет?

— Он был ровесник Уильяму. — Он опустил взгляд на ее кисть, лежавшую на его колене. — Когда мы боролись на руках, он всегда меня побеждал.

— Вы были в монастыре, — напомнила она. — А что случилось потом?

— Потом пришла Смерть. — Воспоминания, судя по голосу, причиняли ему сильную боль. — Переживая за своих, я поехал домой, но Смерть оказалась быстрее. Пока я пересекал мост, чума успела подкосить Джеймса. Потом заболела его жена. Потом их ребенок.

Она содрогнулась, вспомнив как девочкой слышала доносившиеся из-за монастырских стен страшные предсмертные стоны.

— Я отправил своему аббату записку с просьбой помолиться за нашу семью. Приехать и поддержать нас лично он бы не смог или не захотел. — Под тяжестью воспоминаний он заговорил сквозь зубы. — Время как будто остановилось. В любой момент их могла забрать смерть. Внезапно, как в бою. Но я знал, что монахи молятся за нас по восемь раз в день. Я был уверен, что Бог услышит их молитвы. — Он перевел взгляд на деревья. — На следующий день заболела моя мать. Отец не отходил от ее кровати.

И дед его, и отец оба молились у смертного одра своих жен. Неудивительно, что Гаррен предпочел одиночество. Она задумалась, каково это — когда тебя так любят.

— К тому времени, когда слег отец, пришел, наконец, ответ от аббата. Там говорилось, что отец должен отписать свои владения Церкви, и тогда Бог якобы спасет нашу семью.

Ее плечи придавил ужас. Даже аббаты были не вправе раздавать обещания от Его имени.

— И как поступил ваш отец?

— Подписал дарственную. Я сам помог ему поставить крестик. Потом я отвез дарственную в монастырь, а перед тем надел на шею дедову ракушку и поклялся сходить по его пути в Компостелу — если Господь сжадется над нами. Не знаю, сколько часов я пролежал на полу перед алтарем, умолая: «Забери вместо них меня». — Он тихо пробормотал, будто вновь обращаясь к небу: — Забери вместо них меня.

Господь не всегда отвечает на наши молитвы так, как нам хочется. Эти пустые слова костью застряли у нее поперек горла, и она не смогла заставить себя произнести их.

Вернувшись из мира воспоминаний, он посмотрел на нее гнетущим, как лик смерти, взглядом.

— Господь убил всю мою семью. Моего брата, его жену и сына, наших отца и мать. Но оставил в живых меня.

Она накрыла его руки своими ладонями, порываясь обнять его и прижать к себе, но понимала, что такую боль успокоить невозможно. Ни оправдать Бога, ни объяснить, в чем состоял Его план, она не могла. Праведники умирали вслед за грешниками, а Церковь отговаривалась тем, что человеческий род должен платить за грехи сообща.

— Что случилось с вашим домом?

— Лживый аббат, развалившись в кресле отца, сообщил, что смерть нашла их по воле

Всевышнего, но — вот радость-то — наш щедрый дар сократит их пребывание в чистилище. — В его смехе она услышала пронесенное через годы страдание. — Теперь на наших землях пасутся жирные овцы монахов.

— Но почему не вмешался король? Как он позволил?

Гаррен пожал плечами.

— Быть может, решил, что Бог защитит границу лучше меня. — Его руки под ее ладонями свернулись в кулаки. — А аббат предложил мне подкопить денег и выкупить дом обратно.

— А если бы вы привезли с войны заложников вместо... — Уместно ли задавать такие вопросы? — ... вместо графа, то выкупа за них было бы достаточно?

— Чтобы вернуть дом? — Перед нею снова предстал Гаррен, которого знала. Тот, который вечно враждовал с Богом. — Ну нет, я бы не позволил Богу забрать еще и Уильяма.

Он принял удар на себя вместо друга. Обменял свое будущее на жизнь графа, пытаясь в очередной раз исправить допущенную Богом ошибку. Она понимала его. Лорд Уильям и ей самой почему-то казался родным. Она часто задумывалась, почему.

— Ради него вы готовы на все?

Он посмотрел на нее долгим, тяжелым, пристальным взглядом, потом заправил за ее ухо непослушную прядку волос. Пробежался пальцами по щеке. Прикосновение было легким, как шепот.

— Когда-то мне казалось, что да.

Задержав дыхание, она ждала. Мечтала. Надеялась.

Его пальцы сорвались с ее щеки, оставив вместо себя дыхание ветра.

— Вы скучаете по своему дому? — спросила она.

Взгляд его стал далеким и несколько озадаченным.

— Я почти не помню его. Скорее я скучаю по самому ощущению дома.

Вы знаете, каково это — не иметь своего дома? Она сгоряча швырнула этот вопрос ему в лицо, еще не зная, что оба они — бездомные дети. Впервые за все это время она увидела его таким, как есть — не святым и не дьяволом, а человеком. Который надел на шею священную реликвию и оберег-ракушку несмотря на отсутствие веры. Который, как и она сама, был не в силах ничем повлиять на Господа.

— Значит, теперь вы совсем ни во что не верите? — еле слышно выдохнула она.

— В паломничества и обеты я не верю точно. Проку от них никакого. — Он встал и отошел в сторону, будто дистанция могла уберечь от соблазна еще раз до нее дотронуться. — Вы верите в них, потому что еще мало знаете. Когда вам откроется, на что способен Господь, вы поймете, что одной верой не проживешь. Лично я верю только в то, что можно увидеть.

Одной верой не проживешь. Перед нею точно разверзлась бездна.

— Но как у вас получается жить без веры?

Он улыбнулся, грустно и понимающе.

— А как у вас получается жить одной только верой?

— Но что у нас есть кроме нее?

Вопрос вывел его из оцепенения. Опустившись на колени, он взял ее за руки и порывисто, точно речь шла о жизни и смерти, стиснул ее пальцы.

— Мы сами, Ника. И еще настоящее. Цените сегодняшний день. Ибо может случиться так, что завтра тех, кого мы любим, не станет.

Что, если завтра не станет сестры? Ценила ли она каждый прожитый день?

А она сама? Ценила ли она драгоценные дни, проведенные рядом с Гарреном?

Не задумываясь, что делает, она подалась к нему, и воздух меж ними затрепетал. Отчаяние в его взгляде столкнулось с надеждой. Тронув его за рукав, она пробежала ладонями вверх по его плечам к спине, надеясь, что боль можно исцелить ласковым прикосновением.

Он взял ее лицо в свои сильные ладони и приник к ее губам.

Поцелуй окутал ее теплом, будто они юркнули вместе под уютное одеяло и перенеслись в уединенный мир, где их души встретились и соприкоснулись. Солнце грело ее макушку, ветерок ласкал лицо, вторя его пальцам, а сам Гаррен, казалось, заполонил собою весь ее мир — такой же сильный, горячий, надежный, как земная твердь.

Холодный, мокрый и очень ревнивый нос уткнулся в ее пальцы, которые цеплялись за спину Гаррена, а потом Иннокентий протиснулся между ними и требовательно твякнул.

Гаррен расхохотался, падая на траву, покрытую опавшими листьями, и потрепал пса за его единственным ухом. Потом подобрал палку и, лихо присвистнув, зашвырнул ее в заросли леса. Иннокентий умчался прочь, веселым лаем приглашая их присоединиться к игре.

Гаррен вскочил и рывком поднял Доминику на ноги. Подавленное настроение прошло, и теперь он выглядел так, словно снова стал семнадцатилетним подростком.

— Побежали?

Его сильные руки тянули ее за собой, и ей ничего не оставалось, как побежать. Часто дыша, она понеслась вперед, легкая точно птица, так быстро, словно хотела оторваться от земли. Словно за ее спиной вдруг выросли крылья.

Из ее горла вместе с дыханием рвался счастливый смех. Когда Гаррен отпустил ее, она рухнула на колени. В боку кольнуло, и она прижала это место ладонью.

— Все в порядке?

Она открыла рот, чтобы ответить, и громко икнула.

Приподняв брови, Гаррен склонил голову набок.

Она смущенно прыснула. Потом икнула еще и еще раз, и наконец обмякла на траве, хохоча во весь голос и непрерывно икая. Иннокентий, готовый к новой игре, выронил палку и принялся вылизывать ей уши и шею. Она взвизгнула от смеха. А сверху, над ними, искрились в зеленой листве солнечные лучи, сияя ярче, чем церковные витражи.

Гаррен вытянулся рядом с ней на траве, одной рукой подперев голову, а второй удерживая пса на расстоянии.

— Иннокентий — идеальное средство от икоты. — Он наклонился и остановил ее дыхание поцелуем.

Она опять икнула, и он поймал этот звук губами, заглушая его. Ярко-синее небо, зеленая трава, жесткие кудри Гаррена под ее жадными пальцами — от всего этого кружилась голова, и когда холодный нос вновь попытался им помешать, они не обратили на него никакого внимания.

Наконец он прервал долгий поцелуй. Взглянул на нее сверху вниз и усмехнулся.

— Лучше?

Она села, прислушалась к себе и слышала только свое сердцебиение. Воздух входил и выходил из ее легких свободно, как сама жизнь. Она кивнула.

Его нежные ладони прошли по ее шее вниз, лаская ее плечи, спустились к талии, а потом он поцеловал ее снова, и на сей раз не только губами, но будто всем своим телом.

А может, думала она, прильнув к нему на траве, может, это всепоглощающее чувство

никакой не грех. Может быть, это любовь. *Carpe diem* . *Завтрашний день может не наступить...*

Над спиной Гаррена просвистела стрела и с глухим дребезжанием вонзилась в дерево.

Настоящий воин, он мгновенно подобрался, накрывая ее своим телом как щитом.

— Что за идиот стреляет?

— Кто там? Гаррен, это ты? — послышался из-за деревьев невинный голос Ричарда, а затем показался и он сам. На веревке за его лошадью волочилась туша убитой косули. — И Доминика с тобой? Странно. Мне показалось, я увидел оленя.

Доминика посмотрела в карие глаза косули, еще недавно живые, а теперь остекленевшие. Пролети стрела на несколько дюймов ниже, и они с Гарреном были бы тоже мертвы.

Похоже, обмануть Ричарда все же не удалось.

Дрожа, точно стрела, которая торчала из дерева, Доминика увидела, как Гаррен встал и закрыл ее от лорда Ричарда. На нее обрушилась волна страха, смывая трепет возбуждения после его ласк.

Возвышаясь над нею, Гаррен принял непринужденную позу, но тугие мышцы его ног и спины были напряжены. Лорд Ричард сидел, развалившись в седле, и постукивал тощими пальцами о твердую кожу.

Гаррен взялся за стрелу и переломил ее пополам.

— Очень необычный способ охотиться, Ричард, — проговорил он. — Без гончих. Без егеря. — Он сунул обломок стрелы ему в руки. — Необычный — и не слишком успешный. Ты промахнулся.

Лорд Ричард отшвырнул стрелу в сторону, точно надоевшую игрушку. За нею, всегда готовый играть, бросился Иннокентий.

— Это охотничий лес. Я не рассчитывал застать здесь парочку любовников.

Любовники. Щеки Доминики вспыхнули. Как непристойно, должно быть, она выглядит лежа на спине, среди травы и опавших листьев. Представив себя со стороны, она поспешила подняться.

— Мы не...

— Нужно быть осмотрительнее, Ричард, — перебил ее Гаррен. — На охоте случается всякое.

Она заметила, как Ричард сверкнул глазами, и вздрогнула.

— Да, — ответил он. — Я и сам это вижу.

— Надеюсь, ты взял разрешение на охоту, — продолжал Гаррен.

— Оленей тут развелось как кроликов. Принц скажет мне спасибо.

— Сразу после того, как оштрафует.

— Всегда первым делом думаешь о деньгах, да, Гаррен? Впрочем, я знал это, когда строил на тебя планы.

Что еще за планы с участием Гаррена? Она украдкой взглянула на него. Лицо его было непроницаемым. Почувствовав вдруг тошноту, она сглотнула, заставила себя обернуться и в упор посмотреть на всадника.

— Лорд Ричард, вы ошибаетесь. Мы не любовники.

По крайней мере — пока.

Лорд Ричард смерил ее неприятным, как у хорька, взглядом.

— Да? Жаль. Я думал, ты не прочь раздвинуть границы своих способностей. — Его тон был пропитан вожделением. — И свои ноги.

Гаррен выдвинулся вперед, чтобы ответить на оскорбление, но она легким прикосновением руки остановила его.

Насмешка в голосе лорда Ричарда перенесла ее обратно на темную лестницу, в ловушку между холодной стеной и человеком, вдвое старше ее и во много раз сильнее.

Ничего. Она всегда от него убегала. И убежит снова.

Чувствуя, как в горле отдаются удары сердца, она вздернула подбородок.

— То, как я применяю свои способности, лорд Ричард, касается в большей степени Бога, нежели вас.

К ее удивлению он расхохотался.

— Возможно, *тебя* она любит все-таки побольше, чем Бога. — Он прищипорил лошадь и поскакал в сторону замка, волоча за собой мертвую косулю. Иннокентий залаял ему вслед. — Хорошей охоты, Гаррен! — крикнул он через плечо, заглушая своим скрежещущим смехом шорох листвы.

Хорошей охоты? Что он имел в виду? Что Гаррен на нее охотится? Ее взор затуманился недоверием. Все еще дрожа, она потребовала от Гаррена объяснений:

— Почему он так выразился? И почему вы позволили ему думать, будто мы любовники?

Недавний возлюбленный, который со смехом зацеловывал ее икоту, обратился в воина с холодным, как сталь, взглядом. Пальцы его, однако, были по-прежнему нежными, когда он отряхнул ее юбки и убрал приставшие к волосам соринки.

— Ника, Ричард пытался убить нас. Это все меняет.

— Нет. Все меняет то, что он сейчас сказал.

С раздраженным вздохом он взял ее за плечи.

— Ника, отдайте послание мне. Вы слишком рискуете, держа его у себя.

Она всмотрелась в его глаза, но не смогла прочесть в них ответа.

— Я взяла его, потому что знала, что вы в опасности. И мои подозрения подтвердились.

— Подтвердилось только то, что ваш план никого из нас не защищает. — Он встряхнул ее. — А теперь отдайте послание.

— Нет. Вы с лордом Ричардом... — она запнулась, — разговаривали. — *Обо мне.*

— Не меняйте тему, — проворчал он и мрачно поджал губы.

— Вы первый ее поменяли. — Глупая, ненужная ссора. Она и сама это понимала. Но докопаться до истины внезапно стало важнее жизни — и смерти.

Гаррен сгреб ее в объятья, и ей захотелось раствориться в нем без остатка.

— Ника, вам не хватит сил противостоять ему в одиночку, — пробормотал он. — Я не всегда смогу быть рядом, чтобы защитить вас.

— Меня защитит Господь.

Вместо гневного ответа она слышала тихий смешок.

— Вы же не доверяете Богу защищать меня без вашей помощи. — Он обнял ее покрепче. — Вот и я не могу доверить Ему вашу жизнь.

Она попыталась высвободиться.

— Может быть, как раз вам мне и не стоит ее доверять.

Он отпустил ее и, круто развернувшись, в отчаянии всплеснул руками, прежде чем снова сердито взглянуть на нее.

— Ника, не давите на меня! Я пытаюсь сделать как лучше. Для вас, для себя, для Уильяма. Я хочу уберечь вас от беды. Вы мне не верите?

— Не знаю. Зачем вам мое доверие?

— Затем, что вы мне небезразличны! — Крик эхом запрыгал между деревьями. Гаррен захлопнул рот и сжал челюсти, точно улетевшие слова можно было поймать за хвост.

На волне любви, которая еще омывала ее изнутри, замаячила крошечная надежда.

— Спасибо, — с комом в горле вымолвила она.

Он облегченно вздохнул.

— Давайте его сюда.

Она засунула руку за шнуровку лифа и нащупала послание, которое надежно хранилось у сердца.

— Только при условии, что с вами не случится ничего плохого, — шепнула она. *Иначе я никогда не прощу Господа.*

Она хотела почувствовать на плечах тепло его рук. Хотела спрятаться в его объятиях. Хотела, чтобы голоса, которые роились в ее голове и задавали неудобные вопросы, замолчали и перестали перебивать тот тихий спокойный голос, который звучал громче пошлых намеков лорда Ричарда. Тот самый голос, который однажды сказал, что Гаррену можно доверять.

Он протянул руку и раскрыл свою широкую ладонь.

Хорошей охоты, Гаррен.

Дурочка. Даже сейчас ты ему доверяешь, хотя тебе прекрасно известно, что он обычный человек, а значит, как и все грешники, способен на всякое. Конечно, граф доверял ему, но его восприятие реальности могло быть искажено из-за болезни... Может быть, Ричард подкупил Гаррена, чтобы тот убил графа.

Ее пальцы нерешительно замерли. Или чтобы он убил ее.

Забрав себе послание, он может уничтожить его прежде, чем они доберутся до усыпальницы. И тогда никто не узнает, по чьей вине умер граф.

Она засунула пергамент поглубже за вырез лифа.

— Раз вы отказываетесь объяснить, на что намекал лорд Ричард, я оставлю послание у себя, пока Господь не прикажет сделать иначе.

Глаза Гаррена потемнели от гнева.

— Господь не говорит с вами, — сказал он отрывисто.

Она закусил губу.

— Раньше говорил.

Она попятилась назад, уже не уверенная ни в Боге, ни в Гаррене, и в конце концов сорвалась на бег.

Догонять ее он не стал.

Вечером, сидя на полу в комнате сестры, Доминика точила перо. Забывшись, она сделала слишком резкое движение, и большой кусок стержня, отколовшись, отлетел прямо в огонь. Инструмент стал коротким, как обломок стрелы.

Я знал об этом, когда строил на тебя планы.

Вы мне безразличны.

Кому из них верить?

Она вновь принялась кромать несчастное перо.

— Ника, ну что ты делаешь. — Сестра, занятая тем, что вычищала из черной шерсти Иннокентия приставшие за день соринки, подняла голову. — Если будешь продолжать в том же духе, завтра тебе будет нечем писать.

— Да, сестра.

От выговора сестры Доминика немного успокоилась. Она так скучала по касаниям легких пальцев, которые отряхивали с ее подола пыль, по мягкому голосу, который журил ее за то, что она грызла ногти.

— Тебя что-то тревожит?

— Нет. — Она не сказала сестре ни о поцелуях, ни о стрелах, ни о своих сомнениях — ни о чем из того, что произошло утром. Тревога за ее жизнь и целомудрие не прибавит сестре здоровья. — Просто думаю, как понять, кому можно доверять, а кому — нет?

— Что ты имеешь в виду?

Взгляд сестры был слишком пронизательным, и Доминика постаралась подобрать слова для ответа как можно более осторожно:

— Взять, например, лорда Ричарда. Он сын графа, и все же... — Окончание фразы повисло в воздухе.

— И все же ты ему не доверяешь.

Она обмакнула перо в чернильницу и занесла его над пергаментом.

— В то время, как о Гаррене мы почти ничего не знаем, но каким-то образом он...

— Вызывает у тебя доверие?

Доминика кивнула. Глядя на мерцание пламени в очаге, она позволяла перу свободно скользить по листу.

— Доверие к людям похоже на веру в Бога. Оно не требует материальных доказательств. Такое доверие у тебя к Гаррену?

Она посмотрела вниз и увидела на пергаменте два новых слова. Два свидетельства ее сокровенных мыслей. *Гаррен + Доминика.*

Перо дрогнуло в ее руке. Она перевернула лист.

— Прошу прощения. — В проеме двери показалась голова Лекаря. Проскользнув в комнату, он подошел к кровати, держа в руках кубок с ароматным вином. — Выпейте. Это поможет вам заснуть. — Он помог сестре сесть и поднес кубок к ее губам. — Только не все. Вам хватит пары глотков, уж очень вы маленькая.

Сестра пробормотала слова благодарности.

— Из-за кашля мне тяжело засыпать.

«Ничем ваши отвары не помогли», — подумала Доминика, дожидаясь его у двери.

— Вы можете сделать что-нибудь еще?

— Без помощи свыше медицина часто бессильна. — Он сочувственно похлопал ее по плечу. — Господь помогает тем, кто верует.

Неужели? Отчего же Он не помог молодому Гаррену?

Доминика вернулась к сестре. Та задышала немного легче. Закутав ее в покрывало Джиллиан, она провела руками вдоль лежащего на кровати миниатюрного тела.

— Помнишь, как в детстве ты меня укрывала? — спросила она. Сестра кивнула. — Теперь моя очередь.

Вино скоро подействовало. Держа Доминику за руку, сестра уснула. Завернутая в покрывало, точно в погребальный саван, она казалась покойницей.

Доминика вздрогнула, вспоминая...

... Страдальческие крики, отражаясь от стен, разносились по монастырю, точно стаи летучих мышей. Шестилетняя Доминика вцепилась в черные юбки сестры Марии. Если она их отпустит, смерть утащит ее, как забрала уже очень и очень многих.

— Ника. — Сестра взяла ее за руку. — Подними голову и иди за мной.

Пройдя через лабиринт каменных коридоров, они оказались в скриптории, забитом свитками, листами пергамента и переплетенными манускриптами. Здесь крики были почти не слышны.

На столе у окна лежал большой лист пергамента. Смерть прервала работу переписчицы на середине.

Сестра положила перед Доминикой другой лист, размером поменьше.

— Этот лист можно сделать страницей молитвенника, сборника псалмов или даже Священного Писания. Все зависит от руки переписчика.

Она обернула пухлые пальчики Ники вокруг очищенного от пуха гусиного пера. Стержень неуклюже перекрутился в ее кулаке.

— Это перо. С его помощью создаются слова.

Доминика помахала им в воздухе, ожидая, что на поверхности пергамента появятся черные закорючки.

Лист остался совершенно чистым.

Сестра улыбнулась.

— Нет. Перо это не волшебная палочка. — Придерживая кисть Доминики, она обмакнула перо в чернильницу. — Напиши вот эту букву. — Она показала на непонятный значок на большом листе.

Нижняя губа Доминики задрожала. С тем же успехом сестра могла попросить ее взлететь.

— Я не умею.

— Ты научишься.

С помощью сестры она вывела на пергаменте свою первую *а*. Буква получилась кривобокая.

— Я все испортила, — пробормотала Доминика. На ее ресницах задрожали слезы, угрожая пролиться на уродливую закорючку.

— Ну что ты, все хорошо.

— У меня ничего не получится.

— Первое время у меня тоже не все получалось. Но ты научишься. Главное — терпение и усердие. Теперь попробуй сама.

Она попробовала. По странице потек чернильный ручеек, за которым едва не последовали слезы.

— Для начала вполне неплохо. Только в следующий раз не нажимай на перо так сильно. Все нужно делать плавно, не торопясь. Попробуй еще.

На сей раз Ника стряхнула излишек чернил и нарисовала толстую косую линию, а слева от нее кружок. Буква получилась красивая и большая, на четверть листа. И не пролилось ни капли чернил. Она улыбнулась.

— Очень хорошо, — похвалила ее сестра. — Но смотри, у нас с тобой есть всего один лист. Большого мы себе позволить не можем, поэтому буквы должны быть маленькими и аккуратными. Кроме того, так ты быстрее выправишь почерк.

Ника с тоской взглянула на толстый лист из мягкой, тонко выделанной телячьей кожи, который лежал рядом.

— А вон тот лист мне нельзя взять?

— Позже. Когда твой почерк станет безупречным. А теперь напиши еще.

Напевая себе под нос, Ника набрала пером чернил и написала еще три буквы. Две из них вышли вполне похожими на оригинал.

Присев, сестра взяла ее за плечи и заглянула в глаза.

— Ника, скоро я уйду и какое-то время меня не будет. Занимайся в мое отсутствие

каждый день. Когда я вернусь, то проверю, как ты научилась писать *аи б*.

В убежище ворвался крик. Ника зарылась лицом в черные юбки сестры.

— Я не хочу, чтобы ты уходила.

Сестра усадила ее к себе на колени и, покачивая, прижала к себе.

— Это мой долг. Я иду в паломничество к усыпальнице Блаженной Ларины.

— Когда ты вернешься?

— Так скоро, как только смогу.

— Как же я буду учиться без тебя?

— Постепенно. Букву за буквой. — Она провела пальцем по длинной строчке. —

Сначала выучишь эту, потом другую, потом следующую. Главное, не торопись. Когда я вернусь, то научу тебя составлять слова. — Сестра взглянула на маленькую девочку, сидящую у нее на коленях. — И не надо бояться. Ну-ка, вспомни, что сказал святой Бернард?

Доминика шмыгнула носом.

— «Каждым записанным словом мы наносим удар Дьяволу».

Сестра обняла ее.

— Правильно. Пока ты трудишься во славу Бога, Он будет защищать тебя.

Все те недели, пока сестры не было, занятия письмом защищали ее от страха. Она научилась терпению и выучила буквы *а, б, в, ги д*.

Она нарисовала эти пять букв на покрывале, под которым спала сестра. Много лет назад Господь уберег ее от смерти. Всю жизнь она посвятила труду во славу Его. Почему же Он бросил ее без защиты?

Господь помогает тем, кто верует.

Еще два дня, и они доберутся до усыпальницы.

Еще два дня, и она получит знамение.

Если получит.

Сердце ее неистово заколотилось, когда она с ужасом осознала, что усомнилась в Боге. Это все Гаррен. Это от него она заразилась неверием. Он человек, но оказался опаснее самого Дьявола. Отчаявшись после гибели семьи, он начал сеять повсюду семена сомнений, и одно из них проросло в ней.

Быть может, сестра умирает в наказание за ее малодушие.

Нет, Господь не может ее оставить. Это просто невозможно. Она получит свое знамение — ясное, четкое, недвусмысленное. Такое, которое перед всеми подтвердит ее веру и может быть даже спасет сестру.

Может быть даже вдохнет веру в Гаррена.

Она докажет и себе, и небу, что вера ее крепка и не требует материальных доказательств. Господь пошлет ей знак. Обязательно.

Надо лишь чуть-чуть Его подтолкнуть.

Следующим утром, шагая вдоль реки к побережью, Гаррен пытался думать о Ричарде, о дороге, о том, как он отблагодарит Уильяма, о том, как он дал слабину, разрешив Доминике оставить послание — о чем угодно, лишь бы не о своем признании. И не о том, что оно

означало.

Вы мне небезразличны. Вот и все. Теперь Господь знает. Теперь Он отнимет ее, как отнял у Гаррена всех, кого тот любил.

Позади, заглушая пение птиц, пилигримы тянули песню.

Верь, и ты взлетишь как Ларина...

Как будто святая, умеющая летать, может помешать Ричарду — или ему самому — сотворить зло.

Свинцовая ракушка осуждающе качалась на посохе, пока он пытался мыслить логично и определиться с тем, как ему поступить.

Настоятельница была права. Ника не годилась для пострига. Но если он овладеет ею, то разрушит все ее мечты. А еще он получит награду и у него появятся деньги, чтобы вернуть долг Уильяму, если тот еще жив. Может, даже останется немного на то, чтобы начать жизнь с чистого листа.

Но вернуть долг Уильяму значило вознаградить его убийцу — и толкнуть Нику в его кровать.

Гаррен воцарился над ней сам. Не только плотью и чреслами, ибо этот голод можно было утолить, но всем своим существом. Изнывал от желания быть с нею, обнимать, любить, делать ее счастливой. Воплотить в жизнь ее мечты.

Он вздохнул. У Ники была одна мечта: монастырь. Если возвратиться в замок ни с чем, то после смерти Уильяма Ричард его вышвырнет, и он опять останется в целом мире один. Он будет вынужден жить на то, что добудет мечом его правая рука, а она с каждым годом будет слабеть.

И что хуже всего, если его не будет рядом, рано или поздно Ника все равно потеряет невинность. Только ею овладеет не он, а Ричард.

Что же делать, если прямо сейчас ему нечего ей предложить, кроме своего страха, что Господь ее заберет?

— Это те самые деревья, — промолвила сестра Мария. Солнце, мерцая сквозь листву, отбрасывало блики на ее изможденное лицо. С каждым днем оно становилось все бледнее. — Тот самый лес, через который она бежала.

Гаррен слушал ее вполуха. Если подарить Уильяму только перо, может быть этого подарка будет достаточно? Но если Доминика когда-нибудь узнает, что он украл реликвию, она совсем перестанет ему доверять. Тогда, может, отдать Уильяму обычное гусиное перо и выдать его за настоящее? Собственно, почему бы и нет? Какая разница, с каким пером в руках он отдаст Богу душу, если уже не отдал.

Деревья, наконец, расступились, и впереди открылся голый, обдуваемый ветрами скалистый берег. Внизу, под обрывом, волны с грохотом бились о камни. Визжали чайки, ветер со свистом врывался паломникам в уши, дергал за края балахонов.

— Смотрите! Море! — радостно воскликнула Доминика. Она раскинула руки в стороны, обратила лицо к небесам и прокричала: — Я отдаю себя в твои любящие руки!

А потом понеслась к обрыву так быстро, словно за ней по пятам, как за Блаженной Лариной, гналась стая диких кабанов.

Гаррен бежал, не чуя под собой ног, будто от этого зависела его жизнь, а не ее. Просоленный воздух обжигал его легкие. На шее, ударяясь о грудь, билась коробочка реликвария. Доминика летела вперед, как одержимая, много быстрее его, словно за плечами у нее не было десяти дней изнурительного похода.

Словно она не собиралась останавливаться на краю.

Он побежал быстрее.

Приближаясь к высоким скалам, которые обрушивались в море, она замахала руками, запрокинула голову, завертелась, закружилась в безумном танце, не обращая внимания на то, куда ступают ее ноги. Волна, ударившись о камни, разбилась на мириады брызг, орошая ее медовые волосы.

Сердце его разрывалось от страха опоздать, и тогда он начал молиться.

Спаси ее, Боже, и я отдам ее Тебе.

Она раскачивалась из стороны в сторону, больше не отличая низа от верха, моря от берега, не осознавая, что еще один шаг — и под ее ногами окажется воздух.

Он сделал отчаянный рывок вперед и сбил ее с ног. Они покатались по земле.

— Ненормальная! — заорал он наперекор ветру, а сам ощупывал ее голову, плечи, скользил ладонями по спине, проверяя, все ли косточки целы. — Ты же могла убиться! — Он притиснул ее к себе, вслушиваясь в ее дыхание, впитывая ее запах, уговаривая себя поверить в то, что не потерял ее.

Она заерзала на его груди, и он перевернул ее на спину, укрывая собой. Дыхание ее было неровным, глаза закрыты, но она была жива.

Она была жива.

— Больше никогда меня так не пугайте, — прошептал он, прижимаясь губами к мягкому, теплomu местечку на изгибе ее шеи, где бился пульс.

Крики чаек над ними походили на воронье карканье. Лежа под ним, она открыла глаза и мечтательно улыбнулась сквозь пряди волос, которые ветер задувал ей на лицо. Гаррен снял с нее тяжесть своего тела, и она села. Заглянув в ее глаза, он понял, что она не видит ни его, ни окружающую реальность.

— Зачем вы остановили меня? Я почти взлетела. — Она заморгала и непонимающе помотала головой. И вдруг словно прозрела. — Ох, точно. Вы правы. — Пошарив за воротом балахона, она сунула ему в руки измятое послание. — Оно же могло выпасть в море.

Он убрал потрепанный, согретый теплом ее тела пергамент за пазуху.

Не успел он опомниться, как она встала на четвереньки и поползла к морю. Он поймал ее за руку, но их силы были равны, будто сам Господь пришел ей на помощь и потащил вперед. Волосы трепетали за ее спиной точно флаг на ветру, и Гаррен, усилив хватку, навалился на нее всем телом, а она, выворачивая ему плечо из сустава, продолжала упрямо рваться к краю.

— Пустите. Сейчас я вам покажу. — Соленый ветер подхватил ее легкий, точно перышко, смех. Бесстрашная, одурманенная верой, она крылом отбросила свободную руку в сторону. — Дух снова здесь. Я его чувствую. Я смогу взлететь.

Его колотила дрожь, но не от ветра. Он сцепил руки в замок за ее спиной, изо всех сил стараясь удержать ее на месте и привести в чувство.

— Нет, Доминика, не сможете. И никто не сможет.

— Ларина смогла!

— Ника, это просто легенда. Люди не умеют летать.

Откуда-то из-за деревьев, как из далекого прошлого, донесся крик Саймона, а может Джекина, но слова не смогли пробиться сквозь ветер. Сейчас в его реальности существовала только она одна — и она ужом извивалась в его объятиях, толкалась ладонями в грудь, неистово стремясь высвободиться.

— О чем вы? Затем мы сюда и пришли. Затем вы и принесли ее перья. — На последнем слове она перестала вырываться и тронула серебряную коробочку, висевшую у него на груди. Потом зажала ее в кулаке и подняла глаза. Они горели тем самым пронзительным синим пламенем, который пугал настоятельницу. — Дайте мне перья. Тогда я точно смогу взлететь.

Он вывернул из ее пальцев коробочку и развернул ее, блокируя своим телом проход к обрыву.

— Они не настоящие. — Как он ни старался, говорить спокойно и мягко не получалось. Чтобы перебить ветер, приходилось кричать.

Он потряс серебряной коробочкой у нее перед носом, пытаясь ее образумить, и она в замешательстве склонила голову набок, будто он обратился к ней на плохой латыни.

— Что вы хотите этим сказать? — Когда оцепенение прошло, все ее существо начала сотрясать дрожь, как если бы у нее и впрямь выросли и забились позади крылья. — Конечно же настоящие. Я сама их видела.

В ушах зашумело от гнева. Он возненавидел всех и вся — ее идиотскую веру, лживую Церковь, Ричарда, мать Юлиану, все, что привело их на край обрыва. И себя в том числе.

— Ника, это просто перья. — Неугомонный ветер подхватил его слова и швырнул ей в лицо. Он спас ее. Он будет оберегать ее любой ценой. И плевать, что придется ради этого сделать. — Обычные перья. То, что вы видите, то они и есть. И ничего больше.

Он отпустил ее, но ненадолго, только затем, чтобы раскрыть покореженные створки реликвария.

Гусиные перья взметнулись на ветру в небо. Вскрикнув, она вскочила и подпрыгнула за ними, но смогла ухватить только воздух.

Перья понесло к морю.

Он сжал ее запястье, но уверенность в святости никчемного пуха многократно увеличила ее силы, и она поволокла его за собой к обрыву. А перья закружились в воздушном вихре, заплясали рядом с чайками и наконец исчезли в вышине.

Когда она оглянулась, он увидел, что страстная, ожесточенная вера в ее глазах борется с сомнением.

— Как вы могли выбросить перья Ларины?

В его ушах ревел неугомонный ветер и крики чаек.

— Вы так и не поняли? — Он сгреб ее холодные пальцы. — Это обычный гусиный пух. Он валялся на земле, а я его подобрал.

— Нет. Неправда. — Она отпрянула и, отбиваясь от его слов, замахала руками. — Вы же сказали, что они из крыла Ларины.

Она сама сделала этот вывод, а он не стал возражать. Но сейчас это не имело значения.

— Я солгал.

Вздрогнув, она окаменела.

— Спаситель солгал?

— Я никогда не называл себя Спасителем. Это слово придумали вы.

— О чем еще вы солгали?

О многом. Знать бы, с чего начать...

— Ника...

Стиснув кулаки, она вытянула руки по швам.

— Вы сказали, что я вам небезразлична. Это тоже ложь?

— Нет. — Она должна это знать. — Зачем иначе я не дал вам разбиться насмерть?

— Лучше бы вы дали мне прыгнуть. Даже если бы я не взлетела, то по крайней мере умерла бы счастливой. Но нет. Вам снова понадобилось разыграть из себя Спасителя. — Она горько рассмеялась, и эта горечь была ему хорошо знакома. — Вам мало того, что у вас самого нет веры? Надо и мою уничтожить?

— Господь не всегда отвечает на наши молитвы так, как нам того хочется. — Банальные слова горчили на языке.

— И это говорит человек, который вообще не верит. — Побежденная, она тяжело осела на землю. Ее вера — сильная, живучая, гибкая — стала твердой и хрупкой, и он понял, что разобьет ее вдребезги, если дотронется до нее.

Спаси ее, Боже, и я отдам ее Тебе.

Да, Бог ответил на его молитву, но совсем не так, как он ожидал.

«Моя вера в Гаррена была похожа на молитву», — думала она, глядя, как волны разбиваются о скалы, распугивая чаек. Бог ответил, и этот ответ был жесток.

Волна ударила снова, так яростно, что соленые брызги долетели до ее лица и крошечными капельками осели на губах. Со скалы сорвалась птица. Расправив серые, с черными кончиками крылья, она зависла над скалами, но оказалась не в силах побороть сопротивление ветра и подняться выше. В конце концов она покорно опустилась на прежнее место и сложила крылья.

Даже птицы не умели летать против ветра.

Дрожа, Доминика закрыла глаза. Колючий ветер, мешая дышать, царапал лицо и заглушал своим воем лай Иннокентия. Пес прыгал вокруг нее, приглашая снова поиграть в догонялки. По привычке она взяла его теплое, юркое тельце на руки и обняла, но обычного успокоения это не принесло. Она не чувствовала ничего. Ни боли, ни злости, ни радости. Только непреодолимую пустоту внутри.

Не замечая руки Гаррена на своем плече и не слушая бормотание Лекаря, она позволила отвести себя обратно и усадить на телегу. Ее окружили руки сестры, невесомые, точно улетевшие перья, и Доминика спрятала лицо на плече, на котором столько раз плакала в детстве. Теперь под прозрачной, как промасленная ткань, кожей чувствовались хрупкие кости.

Гаррен дотронулся до нее, и она подняла голову. Увидела его суровое лицо с бирюзово-зелеными, как волны, глазами — точно образ давно умершего, но до сих пор любимого человека.

— Пусть осел идет сам по себе, — сказал он и положил поводья в телегу. — Если что,

мы будем неподалеку. Усыпальница уже близко. Мы будем там к закату.

Как он добр, что оставил меня одну, подумала она, глядя, как он возвращается к паломникам. Они слонялись возле Рукко, то и дело оглядываясь назад. Их знакомые лица больше не были частью ее мира. Джиллиан глядела на нее, как на ангела во плоти. Ральф — с благоговением, точно она узрела Бога, а Саймон — опасливо, как на сумасшедшую.

Осел покорно потопал по дорожке вперед.

— Я пыталась взлететь, сестра. — Слезы, а может соленые морские брызги, обжигали ее веки. — Я была готова доказать свою веру, но Господь не помог мне.

Бледными, но суровыми, как сталь, пальцами сестра развернула ее лицо к себе, заставляя отвечать перед взглядом усталых, любящих глаз.

— Твоя вера крепка только до тех пор, пока на твои молитвы отвечают?

Доминика была уязвлена.

— Я хотела отдать свою жизнь Богу, как сделала ты.

— Любую жизнь можно отдать Богу. Свою я отдала Церкви.

— Но Он так и не послал мне знамения. — Подбородок ее задрожал, и она проглотила слезы.

— Помнишь, ты рассказывала мне о Джиллиан и ее золотой цепи? Ее просьба показалась тебе недостойной. Ты еще сказала, что Бог — не разносчик подарков на Двенадцатую ночь.

— Но я-то прошу совсем о другом! Я хочу служить Ему.

— Ты хочешь того, что ты хочешь. Что, если Бог хочет чего-то другого? — Она покачала головой. — Ты уверена, что лучше всех разбираешься, в чем состоит Божья воля, но это не вера. Это гордыня. Ты пытаешься заставить Его поступить по-своему.

— Но Его слово можно распространять только будучи в лоне Церкви.

— Если бы ты действительно в это верила, то не захотела бы переписать Библию, чтобы люди могли понимать ее без участия Церкви.

Ее ошеломило прозрение.

— Значит Бог наказывает меня за ересь.

— Это слово придумала Церковь, а не Бог.

Бессмысленное слово, подумала она. Если нет оснований для веры, то их нет и для ереси.

В наступившей тишине осел мягко шлепал копытами по земле. Сестра гладила ее волосы. Покачиваясь на телеге, Доминика смотрела перед собой. Мир снова стал обычным. Грязь, деревья, небо — скучный пейзаж, в котором не было ничего чудесного.

— Я думала, Господь поможет мне взлететь, — прошептала она, сама удивляясь своей наивности.

— Летать можно разными способами, — сказала сестра. — Воробей машет крыльями, а чайка парит на ветру.

Не всегда, подумала Доминика.

— Гаррен был прав. Господь поступает, как ему вздумается, невзирая на нашу веру.

Голос сестры посуровел.

— Нельзя, чтобы твоя вера зависела от чужого мнения. Возможно, Гаррен верует, но неосознанно. Он летает иначе, нежели мы. — Ее голос опустился до шепота, словно она обращалась уже не к Доминике, но к себе. — Возможно, Господь действует через него, хоть он и не верит так, как ты.

— Я уже не знаю, верю я или нет.

Сестра опустила голову.

— Зря я внушила тебе свою веру. Наверное, надо было дать тебе вырасти и обрести веру самой. Но я хотела хоть как-то возместить...

Прислонившись к тряскому деревянному боку телеги, Доминика дотянулась до сестры и пожала ее руку.

— Ты дала мне самое главное — свою любовь.

— Дождись завтрашнего дня, дитя мое. — Сестра вздохнула, и вздох ее был похож на шорох опавших листьев. — Завтра мы увидим святилище. Может быть, там ты получишь свое знамение.

Доминика молча подобрала поводья. Она больше не станет ждать никаких знамений. Не станет пытаться еще раз спрыгнуть со скалы и взлететь. Потому что никто не спасет сестре Марии жизнь. И ее жизнь тоже.

Гаррен вырвал Бога из ее мира.

На протяжении оставшегося дня, пока Гаррен шагал вперед, гнев его угасал, постепенно сменяясь изумлением. Снова и снова он прокручивал в голове слова, которые произнес в момент, когда думал, что потерял ее.

Спаси ее, Боже, и я отдам ее Тебе.

И она была спасена.

Поздно убеждать себя в том, что он догнал бы ее и без молитвы. Поздно объяснять Богу, что все изменилось, что теперь он хочет защищать ее, беречь и лелеять. Бог и так это знает. Потому и отнимет у него Нику. Бог не убьет ее, нет — это было бы слишком просто, — но спрячет там, где она станет для Гаррена так же недостижима, как если бы умерла. И Гаррен смирится, потому что теперь, когда он полюбил ее, он хотел, чтобы она получила то, к чему стремилась всю жизнь и ради чего готова была умереть.

В сравнении с Богом, ему было нечего ей предложить.

Только свое сердце.

Он получил Божье знамение и отступил, однако на пути Доминики оставалось еще одно препятствие: мать Юлиана. Какое знамение убедит ее не мешать Доминике вступить в орден?

Гаррен рассмеялся в полный голос, и Саймон с Лекарем оглянулись, решив, очевидно, что он тоже повредился умом. Он махнул рукой, успокаивая их, но на губах его продолжала играть ироническая усмешка.

Он придумает такое знамение, в которое поверит даже мать Юлиана. Скажет, что ему было видение, в котором Господь приказал не трогать девушку и оставить ее непорочной, ибо она избрана стать невестой Христовой. Пускай настоятельница думает, что Господь самолично простер руку с небес и перечеркнул ее хитрые планы, склонив сомневающегося грешника к исполнению Его воли.

О, да, подумал Гаррен, преодолевая боль в сердце, в конце концов он все же станет орудием Божьей воли.

— Пресвятая Богородица! — прогремела слева от Доминики Вдова. Столпившись на берегу, паломники все как один смотрели на водную гладь, где торчал обломок скалы, который с большой натяжкой мог именоваться островом. — Да, это не собор Святого Иакова...

подавив разочарование, Доминика поддержала под локоть сестру. Как они с Гарреном не отговаривали ее, сестра осталась неумолима и последнюю милю прошла, босая, пешком. Теперь ступни ее кровоточили, и она еле держалась на ногах.

— Я должна прийти к Блаженной Ларине как положено — скромной грешницей, — упорствовала она.

Ее святилище оказалось не менее скромным, подумала Доминика.

В золотистых лучах умирающего солнца усыпальница Блаженной Ларины почти сливалась с островком, на котором стояла. Возведенная любящими, но неискусенными руками, она была обточена ветрами и волнами и сплошь покрыта потеками птичьего помета. Для чаек святилище ничем не отличалось от камня.

— Собор! — фыркнул лорд Ричард. — Это какой-то загаженный камень.

Даже у Гаррена поникли плечи.

Доминика понимала его. Благодарная за то, что он не позволил ей прийти сюда с наивной верой в небесные чудеса, она задумалась теперь о земных. Неужели эта невзрачная усыпальница и есть то вместилище церковного могущества и власти, которое заключит лорда Ричарда в кандалы и предаст суду?

— Добро пожаловать, пилигримы. — Из хижины, стоящей на берегу, вышел человечек с растрепанной пегой шевелюрой и на негнущихся ногах заковылял им навстречу. Его круглое лицо расплылось в детской улыбке.

— Сестра Мария! Вы ли это?

Сестра подняла голову с плеча Доминики и, от усталости не в силах открыть глаза, вслепую протянула на голос руки.

— Брат Иосиф? Вы по-прежнему здесь?

Доминика взглянула на Гаррена. Он покачал головой. Этот простодушный старик был не тем служителем Церкви, которого они искали.

Брат Иосиф близоруко всмотрелся в бледное лицо сестры, и его улыбка погасла.

— Вы занедужили? — Он погладил ее по руке своими пухлыми пальцами. — Ничего. Блаженная Ларина, как и в прошлый раз, подарит вам исцеление.

— Сегодня я пришла за другим, брат Иосиф, — промолвила она.

— Нам нужен священник, который смотрит за усыпальницей, — мягко вмешался в их разговор Гаррен. — Где он?

На круглом лице монаха вновь засияла детская улыбка.

— В усыпальнице, где же еще.

Лорд Ричард хохотнул.

— Спроси дурака — получишь дурацкий ответ.

Доминика поморщилась от его грубости, но светлая улыбка брата Иосифа осталась незамутненной. Она придвинулась к Гаррену и кивнула на три лодчонки, которые покачивались у берега.

— Можно взять лодку и сплавить туда, пока не стемнело.

Разумом брат Иосиф был простоват, но слух у него был отменный. Он решительно затряс волосами, напоминая вылезшего из воды пса.

— Нет-нет-нет. Лодки только затем, чтобы возить припасы.

— И как же нам добраться до острова? — презрительно поинтересовался лорд Ричард.
— Вплавь?

— Ползком, — ответил брат Иосиф с блаженной улыбкой, а сестра Мария кивнула. — Во время отлива.

Не обращая внимания на охи и ахи за спиной, Доминика стиснула зубы. Если для того, чтобы доставить послание, нужно ползти, она поползет.

— А когда будет отлив? — терпеливо спросил Гаррен.

— Завтра в полдень. Но святилище наше очень маленькое. За раз его можно посетить только троим. Дайте-ка я вас пересчитаю. — Брат Иосиф обошел паломников, дотрагиваясь до их носов и по очереди загибая пальцы. Сбившись со счета, он начал заново и, когда его усилия наконец увенчались успехом, улыбнулся. — Чтобы там побывали все, потребуется четыре дня.

Лорд Ричард, заулыбавшись, чуть ли не облизнулся, а Доминику пробрала дрожь. Им нельзя ждать так долго. В любой из этих четырех дней он может убить их.

Рядом послышался слабый, дрожащий голос:

— Пожалуй, теперь я бы прилегла.

Доминика бросилась к сестре, устыдившись, что, пусть всего на мгновение, но позабыла о ней. Гаррен оказался быстрее. Подхватив монахиню, он понес ее к хижине. Она обмякла у него на руках.

— Отнесите сестру Марию ко мне, — сказал брат Иосиф.

Доминика пошла вслед за ним в хижину, возле которой на треснутой деревянной скамье были разложены памятные сувениры.

Свинцовые перья. Тяжелые, как груз у нее на сердце.

Хижина представляла собой глинобитную сараюшку для временных ночевок паломников, а в закутке брата Иосифа не было ничего, даже очага. Только круглая толстая свеча на железном штыре в углу да охапка соломы на земляном полу — ровно напротив маленького квадратного окошка, из которого была видна усыпальница.

— Так он подает мне сигнал, — сказал брат Иосиф, зажигая драгоценную свечу, — когда ему что-нибудь нужно.

Доминика расстелила поверх соломы свой балахон, а Гаррен бережно опустил на него сестру, чтобы она лежала с видом на остров, к которому так долго и тяжело шла.

— Я буду снаружи, — сказал брат Иосиф и оставил их одних.

За ее спиной надежным живым щитом сидел Гаррен. Она давно не воспринимала его, как Спасителя, однако каким-то странным образом, но он ее спас. Спас от глупых иллюзий. А она даже не сказала ему спасибо. Теперь, когда Доминика молилась за здоровье сестры, она уже не верила в то, что Господь ее слышит. Она верила только в то, что могла сделать сама: доставить послание, которое привлечет убийцу к ответу.

— Послание у вас? — прошептала она.

Он кивнул и задержал на ней взгляд.

— Доминика, когда мы вернемся, можно сделать так, что...

— Пост? Ну нет. Поститься я сегодня не буду! — взревел снаружи лорд Ричард. — У

меня разбиты ноги! Лучше принеси в эту лачугу еды.

Вздыхнув, Гаррен встал и расправил плечи.

— Мне нужно идти.

Доминика в который раз восхитилась тем, с каким терпением он — неверующий — возится с пилигримами и несет на себе бремя лидерства.

Когда он ушел, на его место проскользнула Джиллиан. Благодарная за ее молчаливую поддержку, Доминика сняла с головы сестры черное покрывало и развязала белоснежный монашеский плат. По соломе рассыпались тонкие пряди поблекших волос. Вдвоем они осторожно раздели ее и накрыли подаренным Джиллиан покрывалом. Сестра так исхудала, что ее тело под покрывалом было почти незаметно.

Иннокентий, улегшись рядом, подsunул свой холодный нос под ее руку, и сестра медленно почесала его за ухом. Она была так слаба, что казалось, жизнь теплится только в кончиках ее пальцев.

Зашел Лекарь. Руки его были пусты, и Доминика поняла, что подогретого вина сегодня не будет. Джиллиан подвинулась в сторону, чтобы он смог проверить лоб сестры и дотронуться до ее узкого запястья, где тоненькой ниточкой еще билась жизнь.

— Она поспит, и ей станет лучше, — произнесла Доминика, будто по-прежнему верила в то, что ее желания могут воплотиться в жизнь.

— Дай-то Бог. — В его глазах, за набрякшими веками, стояла горькая правда. Лучше сестре Марии уже не будет.

Джиллиан, обняв ее, вышла, и Доминика осталась наедине с затрудненным дыханием сестры и скорбным взглядом Иннокентия.

Ребенком она часто расправляла пальцы поверх ладони сестры и мечтала, чтобы на ее среднем пальце появилась такая же мозоль и вмятинка, продавленная пером. Теперь, в тусклом свечном свете, она увидела, что ее кисти переросли любимые руки, а маленькая шишечка на костяшке могла сравниться с той, что была у сестры.

Перешептывания, которые доносились из смежного помещения, мало-помалу затихли и сменились шелестом волн. Паломников сморил сон. Через окошко в стене были видно, как тучи сгущаются на потемневшем небе, закрывая луну и звезды. В ночи мерцал только неяркий огонек фонаря, оставленного навечно гореть над костями Ларины.

Сидя у стены, Доминика не заметила, как задремала. Разбудил ее голос сестры. За дни бесконечного, истерзавшего ее горло кашля, он изменился почти до неузнаваемости, но произносил неизменные, знакомые как молитва, слова.

— Это случилось одним летним утром. Взошло солнце, и меня, тогда еще послушницу, отправили открыть ворота.

Доминика улыбнулась. История перенесла ее в детство, когда мир вокруг был незыблем.

— Не надо сегодня историй. Ты слишком устала.

Словно не услышав ее, сестра Мария продолжала. Ее тихий голос был едва различим за шорохом моря.

— Я подошла к воротам и увидела корзинку, накрытую платком.

— С яблоками, — по привычке дополнила Доминика. — Как в истории Моисея.

— Накрытую синим, как герб Редингтонов, платком.

Доминика напрягла слух. Не иначе, она ослышалась.

— Синим, как мои глаза, — поправила она.

— Я рассказала тебе не все, Ника.

Волоски на ее шее встали дыбом. Она оттолкнулась от стены и заглянула сестре в глаза.

— О чем ты не рассказала?

Снаружи с монотонным шелестом наплзали на берег волны. После долгого молчания сестра ответила:

— Той молодой и глупой девушкой была я.

Наверное, она переутомилась. Или неправильно расслышала за шумом прибоя. Доминика наклонилась ближе.

— Что ты имеешь в виду?

— Я твоя мать.

Непостижимо... Мир остановился, а волны продолжали шуметь. У нее закружилась голова, как если бы она, рискуя упасть, балансировала на краю пропасти.

— Моя мать? — пискнула она как безмозглый щегол. — О, ты, конечно, всегда была для меня матерью...

— Доминика. Ты моя родная дочь.

Она опустила голову на плечо сестры — нет, на плечо своей матери. Женщины, которая любила ее больше всех на свете. Теперь-то она поняла, почему.

— Все это время... Все это время ты была рядом. А я ничего не знала.

На ее макушку легла маленькая рука.

— Ты чувствовала, догадывалась в душе. Я не думала, что когда-нибудь ты узнаешь.

Жизнь сестры, ее собственная жизнь, все в этом мире оказалось не таким, как она представляла. У нее была мать, а значит...

— Кто был... — *Моим отцом*. Она сглотнула, не в силах произнести эти два слова. — Кто он, тот человек?

Волны трижды наплывали на берег и уползли прочь, прежде чем сестра ответила.

— Джон. Граф Редингтон. — Она убрала волосы у Доминики со лба. — Ты унаследовала его глаза.

— Отец лорда Уильяма? — Светловолосый великан, который когда-то давно восхищался тем, как она выписывает своим детским почерком слова молитвы. *Pater noster, qui es in caelis* ... — Но как... — Она запнулась, не зная, как выразиться.

По виску сестры скатилась и исчезла в истонченных волосах слезинка.

— Он так интересовался нашими трудами. Не просто как патрон. Глубже. Когда он захотел научиться писать, настоятельница выбрала меня. Мы стали проводить много времени вместе. Сидели, изучали буквы. Наедине.

Наедине. Так близко, что между ними возник тот таинственный дух. Как между нею и Гарреном.

— Когда я поняла, что беременна тобой, то спрятала живот под балахоном пилигрима и отправилась к Блаженной Ларине за советом и помощью. И она сказала мне оставить тебя.

— Значит, я родилась здесь? Но как я очутилась в монастыре?

Сестра устало повела рукой.

— Джон отправил со мной кормилицу. Та выкормила тебя, а потом оставила у ворот. Он так гордился, что ты умеешь писать. Он хотел, чтобы монастырь стал для тебя домом, потому и опекал нас.

Место, где она стремилась обрести дом, всегда было ее домом.

— Матушка Юлиана знает обо мне?

Она покачала головой.

— Лорд Уильям?

— Нет.

— А его брат?

— Ты была только моим грехом.

Грех. Это слово не соотносилось с сестрой, и неважно, считала ли Церковь иначе.

Ледяными пальцами сестра нащупала ее руку и сжала с неожиданной для умирающей силой.

— Сохрани это в тайне, — выдохнула она. — Иначе... кому-то покажется, что дочь сэра Джона посягает на Редингтон, а это опасно...

— Я никому не скажу. Обещаю, — поклялась Доминика не из страха за себя, а ради репутации сестры. Незаконнорожденный ребенок, тем более девочка, не представлял для лорда Ричарда никакой угрозы. Кроме того, он и так желал ее смерти. Незачем давать ему новый повод. Она будет молчать, но знать, что замок Редингтон — ее родной дом, и этого ей будет достаточно.

Сестра с трудом сглотнула.

— Я пришла... поблагодарить ее. За тебя. Пока я жива.

— И проживешь еще долго-долго.

— У нас не осталось времени на ложь, — прохрипела сестра.

В голове Доминики роились обрывки слов, которые никак не желали складываться в молитву. Сестра права. Чудесного исцеления не будет. Господь уже сказал свое «нет».

Она поднялась с твердого земляного пола. Если рядом витает смерть, единственное, что можно сделать — облегчить сестре дорогу на Небеса.

— Я позову брата Иосифа, чтобы он тебя исповедовал. — Господь наверняка простит, если обряд совершит простой монах, а не священник.

Сестра удержала ее за юбку.

— Нет.

Наверное, она бредит, подумала Доминика, опускаясь на колени и осторожно высвобождая подол. Она всегда была очень набожна, почему же отказывается от последних обрядов?

— Но если ты умрешь без покаяния, то не попадешь в рай, — сказала она, хотя сама, наученная опытом, уже не верила в это.

Сестра упрямо тянула ее за юбку.

— Мне не нужна исповедь.

— Но ты всю жизнь исповедовалась, каждый день.

— В этом — никогда.

— Он простит тебя. Он прощает всех, кто искренне раскаивается.

— Но я не раскаиваюсь. — Откинувшись на солому, сестра устремила взор в беззвездное небо. — Господь знает мою тайну. Пусть меня судит Он, а не Церковь.

— Но ты посвятила себя Церкви! В этом был смысл всей твоей жизни!

— Это было ее назначение. А смыслом была ты. Я мечтала, чтобы ты стала такой монахиней, какой не вышло стать у меня. — Она закрыла глаза и, расслабив пальцы, прошептала: — Наверное, я слишком давила на Господа.

Доминика поставила свечу на место. Пускай брат Иосиф спит.

— Я скажу им, что ты исповедалась передо мной.

Я мечтала, чтобы ты стала такой монахиней, какой не вышло стать у меня.

Наверное, я слишком давила на Господа.

Вот и закончилось их паломничество — близ обломка скалы на краю света. Та, которая всегда была для нее примером, та, чья вера казалась безупречной, всю жизнь прожила во лжи. Как долго до нее доходило, что даже безупречная вера ведет в никуда. Бессмысленно верить в Бога. Бессмысленно все, кроме существования в этом бренном мире, которое в любой момент может оборвать смерть.

В теплом сиянии свечи кожа сестры казалась прозрачной. Иннокентий приник к ее бледной руке, осуждающе глядя на Доминику бусинками своих карих глаз, как будто в ее силах было предотвратить неизбежное.

Сестра почесала за его единственным ухом.

— Приглядывай за ним.

Когда меня не станет.

— Не волнуйся. — Она приласкала пса, и втроем они образовали круг. Одной рукой она обнимала сестру, другой держала Иннокентия, и нечем было утереть слезы, которые катились по ее щекам и капали с подбородка.

Тише шороха листьев сестра прошептала:

— Мы были вместе... всего один раз. Но я вспоминала об этом всю жизнь, каждую ночь.

— *Pater noster, qui es in caelis*, — пробормотала Доминика, — *sanctificetur nomen tuum*.

Она задремала, держа ее за руку, а когда проснулась, холодная, темная комната была пуста. Бессмертная душа сестры отлетела на небо.

Непостижимо, но снаружи продолжали без устали перешептываться волны. Не доверяя своим ушам, Доминика выглянула из окна. Тучи, которые ночью застилали небо, теперь скопились на горизонте, загораживая восход. Скалу Ларины сплошь покрывали спящие чайки.

Как может мир оставаться прежним, когда ее жизнь разлетелась вдребезги?

Она вернулась к сестре. Нет. К телу, в которое сестра вернется после воскрешения. Может быть, она ошиблась. Может быть, она не умерла.

Она наклонилась ближе. Грудь сестры была неподвижна. Повинуясь глупому порыву, Доминика открыла рот и сделала глубокий вдох, как будто сестра могла последовать ее примеру и вновь задышать.

Пес, лежавший на безжизненном теле, поднял морду и моргнул несчастными глазами.

В соседнем помещении вразнобой храпели паломники. Перед посещением усыпальницы полагалось всю ночь молиться, но все они выбрали сон, в слабости своей поддавшись соблазну на несколько часов исчезнуть из земного мира. Они, в отличие от сестры, вернутся назад.

Негнушными пальцами Доминика достала из котомки пергамент, перо и нож, и они мертвым грузом легли ей на колени. Она хотела написать что-нибудь в память о сестре, но впервые не находила слов.

И поняла, что больше никогда не возьмет в руки перо.

Внезапно она испытала острую потребность уйти. Позже она выполнит все ритуалы, которые сопутствуют смерти, поговорит со всеми, кто зайдет поздороваться и вежливо осведомиться, как сегодня здоровье сестры. Сейчас же ей нужно уйти туда, где ее слезы и всхлипывания никого не разбудят.

Она поцеловала сестру в холодный лоб. Иннокентий не пошевелился.

— Охраняй ее, — шепнула она и выскользнула из комнаты. Огибая на цыпочках спящих паломников, она даже не посмотрела, проснулся ли Гаррен.

Выйдя наружу, она набрала полные легкие соленого воздуха и по сырому песку побрела к морю. В одной руке она сжимала пергамент, а в другой нож и перо. На убывающих волнах среди скал покачивались три маленькие лодки брата Иосифа. Монах сказал, что пилигримы должны ползти. Сегодня в полдень, после утреннего покаяния, она тоже должна была встать коленями на мокрую гальку и ползти до острова, чтобы вознести молитву у могилы святой.

Но она больше не ждала знамения о том, что ей можно вступить в орден. Ниточки, которые связывали ее со знакомым миром, оборвались. С нею не осталось ни Бога, ни сестры, ни письма.

Песчаная полоса берега уперлась в груды валунов и обломков скал. Она затолкала пергамент, перо и нож в котомку и принялась карабкаться наверх. Зазубренные камни больно царапали ее ладони, но Доминика была тому только рада. Наверху предрассветный ветер охладил ее веки. Волны, разбиваясь о камни, обдавали ее брызгами и запахом водорослей.

В прошлый раз, когда она чуть не утонула, ее слова уничтожил Бог. Сейчас она расправится с ними сама.

Она открыла глаза, развернула пергамент и ударила его ножом.

Упрямый кусок кожи сопротивлялся. Лезвие прошлось по его поверхности, не причинив большого вреда. Она полоснула его еще раз, сильнее, и пробила в середине большую дыру.

Зашвырнув нож за камни, она взялась за пергамент обеими руками и попыталась разорвать его напополам. Ничего не вышло. Тогда она придавила его башмаком и резко дернула на себя. Половинка листа оторвалась и повисла в ее руке. Она бросила ее в мутные, серовато-зеленые воды.

— Ника, что вы делаете?

Услышав голос Гаррена, она вздрогнула. Он стоял, нахмурившись, внизу, на песке.

— Не надо. — Не дожидаясь ответа, он взобрался на камни и поймал ее за руку, но было поздно. Вторая половинка листа тоже отправилась в плавание по убывающим отливным волнам.

— Ника, зачем? Это же ваши записи. Частичка вас.

— Простите. Вы заплатили за пергамент большие деньги.

— Деньги ничто. В письме — вся ваша сущность.

Она посмотрела на нечеткую линию, разделявшую небо и море. Там пергамент упадет за край земли. *Письма больше нет. Ничего больше нет.*

— Сестра отошла к Богу. — Слова оцарапали ее горло. Плечи ее затряслись, и он притянул ее к себе, укрывая от ветра.

— Бедная моя Ника, — пробормотал он в ее волосы.

Его прикосновение отчасти заполнило кровотокающую пустоту внутри. Гаррен пронизал собой все ее существо. Гаррен изо дня в день был с нею рядом, он проник под ее кожу, слился с ее дыханием за те мили, что они прошли вместе. Гаррен подарил ей сомнения и радость.

Она прижалась к нему, упиваясь его теплом, его мужским запахом, слабея, дрожа от ощущения близости, и на сердце стало немного легче.

— Все равно, нельзя вам бросать писать. В этом вся ваша жизнь.

— Моя жизнь оказалась совсем не такой, как я себе представляла.

— Так бывает.

Я считала себя безымянным подкидышем и мечтала посвятить свою жизнь Богу. А оказалась, что я незаконнорожденная дочь графа и монахини. О чем мне теперь мечтать?

Она взглядела в его бирюзово-зеленые глаза, жалея, что не может открыться ему и разделить с ним их обоюдную привязанность к Уильяму. То был секрет сестры, и раскрывать его у нее не было права.

Растрепанные ветром волосы щекотали ей нос, и Гаррен заправил пушистые прядки ей за уши.

— Если б я только мог спасти вас от разочарований.

Она улыбнулась, впервые за много дней ощутив в душе умиротворение и уверенность. Она знала, что ей осталось. Быть женщиной. Жить одним днем. Здесь, на земле. Хотя бы один раз. *Чтобы вспоминать об этом всю жизнь, каждую ночь.*

Откинувшись назад в уютном кольце его рук, она заглянула ему в глаза.

— Быть может, Господь свел нас для того, чтобы мы спасли друг друга.

Она обняла его крепче и пробежалась ладонями по мышцам его спины, вверх, вниз, наслаждаясь острым ощущением жизни, когда он выгнулся под ее пальцами. Потом нашла губами ямку у его горла, где сходились концы кожного шнурка с пустым реликварием, и попробовала его на вкус. Его стон завибрировал у нее на губах.

Он оттолкнул ее и прыгнул с валуна вниз.

— Я не могу.

Она последовала за ним, спустившись по камням на сырой песок. Холодный морской воздух закружил под ее юбками. Спотыкаясь на вязком песке, она догнала его и поймала за руку.

— *Carpe diem*. Вы сами говорили. Завтра может не наступить.

Он высвободился.

— Ваше завтра связано с монастырем.

— Господь дал мне знамение. Я не гожусь в монахини.

— Вы так решили, потому что не смогли взлететь? Послушайте, я смогу убедить мать Юлиану...

— Господь не всегда отвечает на наши молитвы так, как мы ожидаем. Теперь я поняла это. Мой ответ — это вы.

Он ласкал ее взглядом — страстным, тоскующим, безнадежным, полным боли, которая шла из таких глубин его души, которые прежде он никогда не обнажал перед нею.

— А вы — ответ на молитвы, которые я никогда не осмеливался произнести. Увы, слишком запоздалый.

— Нет, нет. Меж нами тот дух. Я его чувствую.

Он в исступлении замахал руками, точно был готов сделать что угодно, лишь бы устоять и не дотронуться до нее.

— Поймите, нельзя отказываться от своей мечты только из-за... — Он сжал кулаки и притиснул руки к бокам. — Только из-за этого.

Из-за *этого*. Неправильное, мелкое слово для того, что связало их и освободило из оков ее душу. Она положила ладони ему на грудь, чтобы почувствовать биение его сердца.

— Не только.

Он стоял, недвижим, как статуя.

— Нет. Я не допущу этого. — Голос его надломился.

Она ухватила его за тунику.

— Я все равно не уйду.

— Нет, — резко сказал он. — Не сейчас. Никогда.

— Но почему? — Откуда-то изнутри, из сладких недр ее существа, которое алкало его, поднялись и исторглись из глаз слезы.

— Потому что, — сказал он, и голос его был острее ножа, — потому что Бог этого не хочет.

Ее руки взвились к небесам.

— Не говорите мне, чего хочет Бог. — Горькие слова разрывала ей горло. — Я верила Ему. Я даже думала, что смогу повлиять на Его волю. Но теперь я знаю, что Он не следит за мной.

— Следит. — Злость и радость схлестнулись на его лице. — Когда вы собирались прыгнуть с обрыва, я пообещал Ему отдать вас, если Он вас спасет.

Кровь схлынула с ее щек. И сквозь крики пробудившихся чаек она услышала, как Господь засмеялся с небес. Сжав кулаки, она ответила:

— Мне все равно, что вы Ему обещали.

— Я скажу матери Юлиане, что вам было знамение от Ларины. Вы заживете той жизнью, которую всегда хотели.

— В той жизни нет ничего из того, что я хочу сейчас. — Она улыбнулась печальной улыбкой взрослой женщины, в которую превратилась за три недели. — Я хочу вас.

Превыше своей бессмертной души.

От ее слов сердце Гаррена забилося быстрее. Оживленный восходом ветер охладил пот, блеснувший над его верхней губой. Птицы закричали, перебивая друг друга, и волны забурлили у берега так же неистово, как и кровь в его венах.

Он увидел, как искорка жизни пробилась сквозь боль в ее ярких синих глазах. Когда он сам терял близких, то с каждой смертью ощущал, как постепенно умирает его душа. Он не допустит, чтобы с нею произошло то же самое.

Она протянула руку и коснулась его щеки. Он не отстранился.

— Пожалуйста.

Ее спас я, Боже. Она моя.

Она шагнула к нему, лаская заросшие щеки, трогая уши, путаясь пальцами в его волосах. Притянула его лицо к себе и поцеловала солеными от слез губами. Желание, которое скопилось внутри него за время, пока они шли рядом, прорвалось наружу, и он нежно стиснул ее в объятьях, бережно, постепенно обвивая ее руками все крепче и крепче, словно хотел слиться с нею в одно существо.

Он приник к ее сладкому рту, впиваясь в ее язык, в ее губы, ощущая, как глубоко в ее горле зарождается стон, жадно смакуя ее, словно долго голодал и теперь хотел сполна насладиться живительной пищей.

Отливная волна окатила их башмаки, унося из-под ног песок, и она, пошатнувшись, вцепилась в его плечи.

— Идем. — Он взял ее за руку и отвел на полукружье сухого песка за уступом скалы, откуда их не было видно ни с острова, ни из хижины. Потом снял балахон и расстелил его на песке.

Увидев, что она уже возится со шнуровкой платья, он остановил ее и по очереди перецеловал кончики ее пальцев.

— Тише. Не надо спешить, — проговорил он, обращаясь и к себе тоже.

Она улыбнулась с неожиданно понимающим видом.

— Все нужно делать плавно, не торопясь.

— Что?

— Так говорила мне сестра, когда я училась писать. Я слишком усердно старалась.

В животе у него сладко сжалась спираль удовольствия.

— Не надо стараться вообще.

Он задержался губами на ее ладони, дразня кончиком языка V-образные промежутки между пальцами. Потом лизнул маленькую мозоль на среднем и один за другим обмакнул все ее пальчики в рот, отчего глаза ее изумленно распахнулись и сразу же закрылись от наслаждения, которое дарили удары его языка. Плоть его налилась. Он был готов овладеть ею, но медлил, чтобы ее груди истомились под колючим шерстяным платьем, чтобы она повлажнела от желания как в ту ночь, когда исповедалась перед ним.

— Давайте сядем, — вымолвил он, удивляясь, что хватило сил заговорить.

Она села на расстеленный балахон и вытянула ноги. Расшнуровав ее промокшие кожаные башмаки, он согрел ее холодные ступни своими теплыми ладонями. Потом плавно потянул ее юбки вверх, медленно обнажая ноги. Она согнула одну в колене, и он чуть не излился раньше времени при виде ее бледных, как лунный свет, окрепших за дни пешего путешествия, ног. Его большая загорелая ладонь легла на ее колено, и он закружил большим пальцем по внутренней стороне ее бедра.

Он тронул ее губами над коленом, и она шевельнулась. Потом запуталась пальцами в его волосах, которые тугими колечками вились на шее.

— Жесткие, как чертополох, — выдохнула она, осмелившись соскользнуть ниже и забраться под ворот его туники. Ее пальцы, жадные, как и ее губы, целовали обнаженную кожу его спины. Жаркая волна пронеслась по его позвоночнику и толчками забилась в паху.

Его рука, отвечая, поднялась вверх по ее бедру и замерла у нетронутого лона. Она придвинулась к его руке, и он мягко положил ее на спину и снова прильнул к ее губам, упиваясь тем, что соприкасается с нею всем телом.

Задышавшись, она прервала поцелуй.

— Перевернитесь на живот.

— Зачем? — шепнул он в ее полуоткрытые губы, не желая отпускать ее.

— Увидите. — Она улыбнулась, разворачивая его плечи.

Он неохотно подчинился и растянулся на животе.

— Что вы хотите сделать?

Она задрала его тунику, подставив его обнаженную спину колючему морскому ветру, и зачерпнула горсть песка.

— Ш-ш. Закройте глаза.

Он ощутил, как песок течет меж лопаток, вдоль позвоночника, по плечам. Потом она смахнула его и легко, как перышком, начала водить пальцем по спине, двигаясь слева направо. По его рукам и ногам, расслабляя, возбуждая, побежала теплая щекочущая рябь. Он немного приподнял бедра, чтобы напряженному члену не было тесно, и оглянулся.

Сквозь ресницы подглядывая за нею, он видел, как она выписывает что-то на его спине, сосредоточенно прикусив нижнюю губу. Наконец она закончила и поставила под его правой лопаткой точку в виде теплого, влажного поцелуя.

— Что это? — спросил он, приподнявшись на локтях.

Она легла рядом.

— Я написала: «Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему».

Он подмял ее под себя и, просунув руку под ее талию, прижал к себе. Мягкие груди расплющились о его грудь. *Моя.*

— Прекрасные слова, — прошептал он ей на ухо.

— Они созданы Богом.

Он откинулся назад и недоверчиво взглянул на нее.

— Как?

— Это из книги «Песней Соломоновых». Вас что, в монастыре не заставляли читать Библию? — спросила она, усмехнувшись.

Она впервые подтрунивала над ним, и ему ужасно это понравилось.

— Чтение всегда давалось мне с трудом.

Она торжественно улыбнулась.

— Я хотела, чтобы мы чувствовали то же. — Сцепив руки за его спиной, она сжала его так, что он выдохнул, потом уткнулась ему в грудь, и следующие слова вышли смазанными. — Хотя бы один раз.

— Не один раз, — прошептал он. — Всегда.

Стыдясь своих заглубевших рук, стыдясь всего, что они творили когда-то, он позволил ладоням соскользнуть вниз по изгибу ее спины к талии, к бедрам, взметнуться вверх по рукам и лечь на ее груди, где сквозь шерстяное полотно проступали ее соски. Когда он коснулся их, у нее вырвался вздох.

Она прильнула к его губам, и он пропал в ее поцелуе, растворяясь в ней как в тумане, перестал думать о том, где он и кто он, забыл все свои обещания, включая то, что было дано Богу.

И когда он вошел в нее, то умолк даже голос, непрестанно шептавший внутри — *а что, если теперь ты ее потеряешь?*

Скорбные крики чаек пробудили Доминику от того, что не могло быть ничем иным, кроме как сном. То волшебство, которое произошло между нею и Гарреном, тот кошмар, в котором умирала сестра — ничего этого не могло случиться на самом деле. Но Гаррен лежал с нею рядом и был вполне осязаем, а тело ее еще не остыло после его ласк.

Она увидела, что он смотрит на нее, и в его взгляде была улыбка.

— Твои глаза стали другими.

— Да? — Он изогнул бровь. — Какими же?

— Раньше они были темными, как мох на стволе. А теперь похожи на молодую листву, сквозь которую светит солнце.

Его палец обвел ее бровь, пробежался по скуле и остановился на переносице.

— А твои больше не пронзают меня, будто кинжал.

Она легла на спину и устремила взгляд в синевато-серое, сливающееся с мутными водами, небо. Шорох волн убаюкивал, заполнял тишину.

— Кажется, я опять засыпаю.

Он рассмеялся и обнял ее, загораживая своим телом от ветра.

— Все потому, что ночью ты почти не спала, — прошептал он. — Так устала, что даже не заметила, что вся выпачкалась в песке.

Закинув руку за голову, она набрала пригоршню сухого песка и пропустила его сквозь пальцы над его шеей.

— Ну и пусть нас занесет песком. Я не против.

Он ойкнул, когда песок попал ему за шиворот и заструился по голой спине, схватил ее за запястья и перевернул на спину. Она хихикнула и поцеловала его, и он поцеловал ее в ответ, а она снова принялась изучать его тело, с удовольствием отмечая, что песок не добрался до его самых потаенных мест.

Позднее она прислушалась и попыталась расслышать, что происходит в хижине, но к ее удивлению вокруг было по-прежнему тихо, как на рассвете.

Отлив по-прежнему продолжался. Усыпальница, если выглянуть из-за уступа скалы, по-

прежнему стояла на своем каменном острове. Как странно. Потратить столько усилий, чтобы прийти сюда, и не чувствовать к этому месту ничего, кроме полного равнодушия.

Она вспомнила о сестре.

Резко встала, отряхнула от налипшего песка помятые юбки и ступни ног, потом распустила косу и взъерошила обеими руками волосы, вытряхивая песок.

Пришло время вновь посмотреть в лицо смерти. И жизни. Но теперь ее жизнью стал Гаррен.

— Надо похоронить ее в таком месте, откуда видна усыпальница, — сказала она.

Он встал и обнял ее за плечи.

— Ей будет там хорошо. Ника, так жаль, что она умерла. Я тоже буду по ней скучать.

По ее щекам потекли, наконец, слезы, размывая грань между небом и морем. Горло ее сжалось, рыдания застучали в грудь, скрутили живот, и она, не в состоянии больше сдерживаться, затряслась в его объятьях, спрятав лицо у него на груди.

Он баюкал ее, прижимая к себе. Молча, без лживых рассказов о вечности в раю. Все равно теперь она бы ему не поверила.

Она рыдала, пока от слез не запершило в горле, пока опухшим глазам не стало горячо, пока не выплакала все свои слезы до конца.

— Она любила нас, несмотря на все наши заблуждения, — сказал он.

— Потому что тоже заблуждалась. — А теперь и она оказалась так же слаба, как ее мать, не устояв перед мужчиной.

От его кожи пахло теплом и свежим запахом моря. Меж ее ног и на бедрах еще не высохла влага, а в животе, верно, уже поселился ребенок. Она закрыла глаза, чтобы сохранить в памяти ощущение близости его сильного тела и плеск ленивых утренних волн по песку.

А потом выскользнула из его уютных объятий.

Присев у кромки отлива на мокрый песок, она смочила пальцы и прижала к горячим векам. Холодная соленая вода обожгла глаза. Ее крещение в новую жизнь.

Она стряхнула последние крупинки песка, приставшие к рукавам. Осталось сделать последнее. Передать священнику послание лорда Уильяма и увидеть, как Ричард будет наказан.

— Сегодня мы похороним сестру. А завтра привлечем лорда Ричарда к правосудию.

— Это очень опасно. Я все сделаю сам.

— Мы сделаем это вместе, потому что я была свидетельницей его слов. — И потому что он мой брат, но сказать это вслух она не могла. — А после...

— Я буду заботиться о тебе.

Она, онемев, кивнула и вдруг, глядя, как вокруг него кружит ветер, как на волосах поблескивают капельки росы, с ужасающей ясностью поняла, что одного раза ей будет недостаточно.

Дрожа под морозящим дождем, Доминика сидела около хижины на скамье, на которой раньше лежали свинцовые перья. С отливом морское дно обнажилось, открыв дорогу к святилищу, но его служитель так и не пришел на похороны сестры.

Брат Иосиф пожал плечами.

— Он никогда не покидает Блаженную Ларину. Я отвожу ему все, что нужно. Еду, свечи, вино. — Он по-детски горделиво улыбнулся. — Я позабочусь о сестре Марии сам. Как в прошлый раз, когда она приезжала. — Он вздохнул. — Давным-давно.

Она только молча кивнула. Раньше, когда она грустила, ее утешал Иннокентий, но сегодня он весь день лежал, положив морду на лапы.

Гаррен и Джекин, сбросив рубахи, копали бок о бок могилу. Ритмичные удары лопат и шлепки комьев земли перекликались с рокотом волн. Она черпала в нем утешение, глядя на изгиб его плеч, вспоминая, как его тугие мышцы вздрагивали под ее ладонями. Когда он отвернулся, ей почудилось, что у него на спине, на глазах у всех, проступили слова, которые она написала. Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему.

К ней по очереди подходили паломники. В один голос проговорили что-то братья Миллеры, потом прошептала слова соболезнования Вдова. Подошел и Ральф. Стоя над нею с покрасневшими глазами, он неуверенно мямлил на груди тунику.

— Ты не сможешь мне кое-что написать? Хочу, чтобы Блаженная Ларина знала, что сделала для меня сестра Мария и как сильно она хотела попасть сюда.

Она покачала головой.

— Я не могу сейчас писать. — *И никогда не смогу.*

Последним вразвалку приблизился лорд Ричард, чтобы произнести очередную ложь. Он не помогал копать могилу, боясь, очевидно, запачкать свои костлявые руки.

— Она была примером для всех нас. — Доминика окинула взглядом его узкое лицо с бегающими глазками и низким лбом в поисках хоть какого-то сходства с его отцом. Ее отцом. — Ну ничего, в святилище тебе полегчает.

— Мы с Гарреном сходим туда завтра, после отлива. — *А когда вернемся, вас будет ждать суд.*

— Я пойду с вами. — Он похлопал ее по плечу. — Не терпится помолиться о выздоровлении брата.

— Но вам нельзя! — Передать послание в его присутствии будет невозможно. — То есть, третьей должна была быть сестра, но теперь...

— Теперь третьим буду я, — с ухмылкой закончил он. — Втроем и помолимся.

Она в отчаянии оглянулась на Гаррена.

— Наверное, сперва нужно спросить разрешения у брата Иосифа.

— Не беспокойся. Я уже обо всем с ним договорился. — Перед уходом он сжал ее плечо так цепко, что это больше походило на щипок.

Из хижины вышли Джиллиан и Вдова, которые облачали тело сестры перед погребением.

— Она готова, — сказала Джиллиан. — Хочешь побыть с нею наедине?

Доминика кивнула.

В сыром полумраке мерцал огарок свечи. Иннокентий, увидев, что она вошла, не

двинулся с места. Миниатюрное тело сестры было завернуто в саван и казалось даже меньше, чем было раньше, словно душа, покидая его, забрала с собой часть ее физической сущности.

— Я пришла попрощаться, — проговорила Доминика в тишину пустой комнаты. — Только я уже не та, кем была вчера. Я выбрала другую дорогу, не такую, как у тебя, но я знаю, что ты меня поймешь.

От разговора с сестрой стало легче.

— И еще я хочу сказать тебе спасибо. За все. Даже за жизнь, хоть я и не знаю, что теперь с нею делать.

Она прислушалась, ожидая какого-нибудь звука или знака, который принес бы ей такое же умиротворение, какое она нашла в объятиях Гаррена. Даже сейчас она надеялась на благословление сестры. Но сестра отошла к Богу. Она не вернется к Нике.

Вздохнув, она встала. Пора было начинать погребальную церемонию.

Гаррен лежал с закрытыми глазами. Мышцы крутило после рытья могилы. Весь обратившись в слух, он ждал, когда дыхание паломников станет ровным и можно будет выбраться из хижины.

Приоткрыв один глаз, он окинул комнату осторожным взглядом.

Доминики, которая легла в закутке брата Иосифа, он не увидел, но все остальные уже спали, растянувшись на земляном полу — уставшие от путешествия, уставшие от смерти, уставшие так сильно, что спешили забыться сном, лишь бы скорее закончился этот долгий день и наступило завтра. Мерное рокотание волн сглаживало кашель и храп.

И только Ричард, заложив руки за голову, все еще моргал в потолок.

Днем, пока они рыли могилу, а после засыпали ее землей, Гаррен следил за его маневрами. Ричард хотел попасть в первую группу паломников, которые завтра должны были ползти к острову. Он не стал спорить. Время было на исходе. Чтобы добыть перо и добиться для Уильяма правосудия, он отправится в усыпальницу сегодня же ночью.

Один.

Он снова взглянул на Ричарда. Лицо у того наконец-то обмякло и подрагивало от храпа. Пора.

Зажав в кулаке свинцовую ракушку, Гаррен выскользнул наружу. На берегу он надел ее на шею, а потом столкнул одну из лодок брата Иосифа в воду.

Плыть до острова пришлось дольше, чем он ожидал. Сильный ветер, прорвавшийся с запада, разогнал дневную морось и теперь сражался с ним за контроль над лодкой. Преодолевая засевшую в плечах боль, Гаррен работал веслами и боролся с волнами, нескончаемыми и безжалостными, как стрелы английских лучников, которые обрушивались на легионы французских солдат при Пуатье.

Он вспомнил о том, что случилось утром, и чувство вины захлестнуло его подобно волнам, которые раскачивали лодку.

Я хочу вас.

Эти три слова изменили все.

За весь день они не пробыли наедине ни минуты. Он не сказал ей и двух слов. Боялся, что если откроет рот, то не сможет провести ее, не сможет провести их всех. Боялся, что если окажется слишком близко, то не выдержит, схватит ее в охапку и провозгласит своей, и плевать, кто на них смотрит.

Он сделает это завтра. После того, как обезопасит ее от Ричарда.

Она непременно рассердится за то, что он не взял ее с собой, но поймет его — должна будет понять — когда Уильям получит свое правосудие. Чего она никогда, даже теперь, не поймет, так это причин, по которым ему пришлось осквернить святыню.

Он уже и себе не мог этого объяснить.

Я буду заботиться о тебе. Он сдержит слово, хоть пока и неясно, как.

Со звуком, похожим на хруст треснувшей кости, лодка ударилась носом о камни. Оттащив ее в тень, Гаррен прокрался к маленькой деревянной двери и, прежде чем открыть, дождался волны, чтобы за плеском воды не было слышно скрипа петель.

Усыпальница представляла собой незамысловатую постройку, сложенную из добытого здесь же камня, и была немногим больше могилы святой. Верхушка острова служила ей полом. Каменные стены из необтесанного булыжника, имитируя стены собора, уходили высоко вверх. Через два проделанных в них отверстия, обращенных на восток и запад, проникал голос моря и тусклое свечение луны.

Под потолком, в темном углу попискивала птица.

Место, где покоилась Ларина, было обозначено отполированной плитой, поверх которой лежала груда камней. На поверхности не было вырезано никакого оконца, какие обычно оставляли на надгробиях, чтобы открыть лицо святого или часть его тела. Оно и понятно, ведь от Ларины, наверное, немного осталось, когда она разбилась о скалы.

Напротив виднелась дверца, которая вела в каморку священника. Гаррен, напрягшись, сделал шаг вперед. Прислушался.

Раскатистый храп. Как у Вдовы.

Сначала перья. Над заваленной камнями могилой мерцал неярким светом фонарь, а под ним висел латунный ящичек с кусочком стекла на одной из граней. Он пригляделся.

Внутри лежало что-то пушистое.

Как и было обещано Уильяму, он возьмет всего одно, самое маленькое.

По вискам заструился пот, быстро остывая под дуновением соленого ветра. Всего одно, самое маленькое, как было обещано человеку, которого наверняка уже нет в живых. Почему бы не отдать ему простое гусиное перо? Уильям, если он еще жив, не заметит разницы.

Но когда реликварий на шее Гаррена закачался в такт непрерывному шороху волн, он испытал страннейшую уверенность в том, что Бог глядит на него с небес и хочет, чтобы он выполнил свое обещание.

Пробудившись от какого-то шума, Доминика приподняла голову и увидела в квадратном оконце щербатую, точно надкусанный пирожок, луну. Было, наверное, уже за полночь.

Сегодня она похоронила сестру. Нет, не сестру. Мать.

После того, как брат Иосиф прочел заупокойную молитву и облаченное в саван тело

исчезло за слоем земли, Иннокентий свернулся на могиле клубком и наотрез отказался уходить, поэтому сегодня она спала одна, и рядом не было никого чтобы ее утешить.

Ни сестры. Ни пса. Ни Гаррена.

Я буду о тебе заботиться.

После утреннего волшебства у них не вышло еще раз остаться наедине и поговорить. Но когда Гаррен узнал, что замыслил лорд Ричард, он нашел ее взглядом и глазами попросил не волноваться.

Она перестанет волноваться, но только завтра, в момент, когда письмо благополучно попадет в руки священника. И после этого они смогут обсудить свою дальнейшую жизнь.

Она попыталась помолиться о душе сестры и о душе лорда Уильяма. О душах ее матери и брата. Но желание говорить с Богом пропало, как и тяга писать. В конце концов, измаявшись лежать без сна, она поднялась, прислонилась к шероховатой стене и уставилась на усыпанное звездами небо, обрамлявшее островок Ларины. Над черным морем плыла убывающая луна, а на поверхности неугомонных волн качался из стороны в сторону какой-то темный силуэт. Наверное, обман зрения. Игра лунного света.

Она моргнула.

Силуэт не исчез. Это была лодка. А внутри сидел человек.

Приглядевшись, она узнала широкоплечую фигуру Гаррена. И обмякла от облегчения. Гаррен везет послание в усыпальницу. Вот почему он просил ее не волноваться.

Ее ущипнуло разочарование. Она тоже должна быть там, вместе с ним, чтобы отомстить за брата. Окончательно проснувшись, она следила за лодкой, пока та не исчезла в тени у основания острова.

Внезапно снаружи что-то прошелестело, точно по земле пробежала крыса. Испуганно замерев, Доминика увидела, как лорд Ричард, выбравшись из хижины, тенью прошмыгнул к бухте и потащил вторую лодку к воде.

Она присела, чтобы он ее не заметил. Потом услышала, как под веслами заплескалась вода, и выглянула из окна.

Его лодка направлялась к святилищу.

Набросив балахон, она выбежала наружу, не задумываясь о том, сможет ли справиться с веслами или остановить лорда Ричарда. Господь однажды уже спасал ее от смерти в воде, значит поможет еще раз — ради Уильяма.

И ради Гаррена.

Доминика столкнула лодку в воду и поволокла ее по мелководью, не обращая внимания на то, что вода забирается в башмаки и пропитывает подол балахона. Ухватившись за борт, она попыталась подтянуться и залезть внутрь. Ничего не вышло. Лодка неистово закачалась на волнах. Поднимая брызги и чувствуя, как соленая вода обжигает исцарапанные ладони, Доминика пыталась удержать ее, но лодка, подхваченная течением, ускользнула и поплыла вперед.

Путаясь в отяжелевших от воды юбках, она пошла за нею на глубину, усилием воли подавив страшные воспоминания о том, как едва не утонула в реке. Сегодня рядом с нею не было Спасителя. Сегодня придется спасать себя своими силами. И себя, и Гаррена. Стиснув выбивающие дробь зубы, она оттащила лодку назад на мелководье, где вода доходила до пояса, кое-как перевалилась за борт и плашмя плюхнулась в лужицу на просоленных досках днища.

Когда она подняла голову, то увидела, что отлив медленно понес ее к усыпальнице.

Она села. Глядя на отдаляющийся берег, нащупала тяжелые, шершавые весла. Чтобы выровнять направление, несколько раз ударила по воде одним, потом вторым. В ладони вонзились занозы. Она бросила взгляд на уступ скалы, за которым лежала с Гарреном, и у нее защемило сердце. Однако времени предаваться мечтам не было. Если лодку занесет влево, она разобьется о скалы, если же вправо, то течение увлечет ее в открытое море.

Она оглянулась через плечо, чтобы проверить, прямо ли плывет лодка, и увидела на берегу тощую фигуру лорда Ричарда. Он ждал ее.

Продолжая грести, она поняла, что не может повернуть назад. По такому пути направил ее Господь — или судьба. Она должна найти в себе смелость принять этот путь.

У нее заболели плечи, а на правой ладони вздулся волдырь мозоли. Вряд ли чистилище страшнее этого медленного, рваного движения навстречу гибели с одной лишь призрачной надеждой на спасение.

Лодка глухо ударилась о берег. Доминику швырнуло вперед, когда лорд Ричард дернул лодку на себя, вытаскивая ее из воды.

— Молодец, что тоже пришла. — Его дребезжащий смех резал слух. — Можно теперь не ломать голову, каким образом устроить твою смерть.

Не успела она открыть рот, чтобы закричать, как он заткнул его тряпкой.

— Когда с ним будет покончено, я просто столкну тебя со скалы. Люди найдут внизу твое мертвое тело и сделают логичный вывод, что ты опять пыталась взлететь. Только на сей раз тебя некому было спасти.

Доминика ударила его по лицу. Он схватил ее за запястья, прижал после короткой борьбы к днищу лодки и связал руки, а затем и лодыжки. Грудь его тяжело вздымалась, и она порадовалась, что смогла хоть немного, но вымотать его и выгадать для Гаррена несколько минут.

Достав кинжал, лорд Ричард осторожно опустил его в мешочек у пояса.

— Сиди тут, — вполголоса приказал он ей, как собаке.

Под его шагами захрустела галька, когда он крадучись направился к маленькому строению усыпальницы, а она онемевшими пальцами принялась распутывать узлы веревки, которая стягивала ее ноги.

Балансируя на груде камней, Гаррен с трудом дотянулся до крутящегося вокруг своей оси реликвария.

На западном оконце сидела и наблюдала за ним, склонив голову на бок, чайка. Странно, подумал он, нахмурившись. В этот час птицы обычно спят.

Он вытер скользкую от пота ладонь о тунику и вернулся к перьям.

Уцепившись за крохотную задвижку, он откинул ее и потянул на себя заржавевшую от времени створку. Она скрипнула и неохотно отворилась. Наклонив реликварий, он заглянул внутрь.

Внутри лежало три пера.

Одно серое, как оперение чайки. Второе размером побольше, с очищенным стержнем, как у перьев для письма. И, наконец, третье — маленькое облачко пуха.

Трясущимися руками Гаррен потянулся к нему, и тут сквозняк подхватил перышко в воздух.

Он захлопнул створку, отчего она сорвалась с истлевших петель, и оставшиеся два пера выпали и упорхнули в темноту. Гаррен соскочил на пол. Упав на колени, он зашарил вспотевшими ладонями по бугристому полу в попытке нащупать среди грязи, оставленной подошвами пилигримов, хотя бы одно перо.

Сзади застонали петли входной двери.

Все его чувства молниеносно обострились. Он вытащил из ножен кинжал и встал, как перед боем окидывая комнатку острым взглядом.

Внутри вошел, держа наготове кинжал, Ричард.

Черт, даже сегодня Господь не обошелся без подлости.

Оскалившись, Ричард указал кинжалом вверх, где под потолком, отбрасывая на стены дырявые пятна желтоватого света, раскачивался фонарь.

— Крадешь реликвии? Как нехорошо. Спаситель оказался не таким святым, каким притворялся.

— Что привело тебя в усыпальницу посреди ночи, Ричард? Неужто желание помолиться? — Он повысил голос. — Так я разбужу священника.

Ричард фыркнул.

— Можешь не кричать. Этот пьянчужка спит беспробудным сном.

— Тогда, верно, ты пришел, чтобы убить меня, как убил своего брата.

— Вот так обвинение! — Ричард усмехнулся, пританцовывая на цыпочках. — Я пришел затем, чтобы забрать одно интересное письмецо. — Он протянул руку. — Давай его сюда.

— Не понимаю, о чем ты.

— О, ты все понимаешь. Я говорю о письме, которое якобы составил мой брат и где мне предъявлено обвинение в отравлении. О том самом письме, в котором он завещает все свои земли тебе. Какой трагический фарс. Человек, которого все считали Спасителем, замыслил наложить лапу на земли своего благодетеля.

— Мы оба знаем, кто из нас двоих пошел ради этого на убийство.

— А самое прискорбное состоит в том, что это письмо — подделка. Его подделала по твоему наущению Доминика. Ты ведь даже не догадывался, да?

— О чем? — Заставляя себя не терять бдительности, он осторожно переместился правее, чтобы их с Ричардом по-прежнему разделяла груда камней.

— О том, что деньги, которые были обещаны тебе за ее совращение, шли от меня. Ты правда не знал, что у матушки Юлианы нет ни гроша?

— От тебя? — Маскируя ненависть, Гаррен изобразил удивление. Пускай мнит себя хитрецом. Пускай продолжает болтать. Это даст ему время. Передразнивая жест Ричарда, он тоже протянул руку вперед. — Тогда заплати мне. Я заработал эти деньги.

— Боюсь, ты не успеешь их потратить. — Он перестал ухмыляться и соорудил недовольную гримасу. — Отдай послание сам, или я заберу его с твоего мертвого тела. Никто не осудит меня за убийство убийцы. А маленькая переписчица разобьется о скалы, еще раз попытавшись взлететь.

Ника. Но она же спит в хижине, она в безопасности.

— Что ты имеешь в виду?

— Она увязалась за мной. — Он засмеялся. — Полагаю, из желания побыть на сей раз твоей спасительницей.

Сильно, до боли в ладони, сжимая кинжал, Гаррен испытал сильнейшее желание вцепиться Ричарду в глотку и наказать за то, что он посмел осквернить ее своим грязным языком.

— Где она?

— Ах, так значит ты все же ее попробовал?

Он проклял себя за то, что обнажил перед врагом свое уязвимое место.

— Завидуешь, Ричард?

— Сомнительное удовольствие брать девственниц я оставляю грешникам вроде тебя. Но раз уж она пала... — Он пожал плечами. — Можно и соблазниться.

Пусть отвлекается на болтовню, подумал Гаррен и сделал шаг вправо. Следуя за ним, Ричард то заходил в тень, то выходил на свет фонаря, который перестав кружиться, ровно светил над могилой, и лицо его попеременно белело и становилось черным как смерть.

— Можешь не настраиваться на долгую драку, Спаситель. — В свете луны блеснули его клыки. — Никколо — эксперт по части ядов. — Мерцание фонаря выхватило из темноты острие кинжала. — Хватит и одной царапины.

Яд. Гаррена пробрала дрожь. Унизительная, недостойная смерть. Он встряхнулся, расслабляя мышцы перед схваткой.

— Тогда я заберу тебя с собой.

Ричард пружинисто подпрыгивал на носках, что-то бормоча себе под нос и кинжалом описывая в воздухе небольшие круги. Он мог позволить себе не прицеливаться, чтобы нанести смертельный удар. Для победы ему будет достаточно задеть до крови кожу.

У Гаррена же была всего одна попытка на то, чтобы спасти себя и Нику. И потому он упорно отступал назад.

Сделав по усыпальнице круг, они вернулись на былые позиции и замерли. Ричард насмешливо фыркнул.

— Хочется верить, что за деньги ты дрался смелее, наемник.

Внезапно дверь отворилась, и на пороге появилась Ника. Руки ее были связаны. Во рту не давая говорить, торчала тряпка. Она взглянула на него безумными глазами, и сердце Гаррена остановилось, ибо он знал, что Ричард доберется до нее первым.

— Ника! Берегись!

Ричард больно прихватил ее локтем за горло, точно хищный зверь, который, прежде чем убить свою жертву, собирался немного придушить ее.

— Разве тебе не было сказано сидеть в лодке? — Кинжал завис чуть ниже ее уха.

— Ника, не двигайся. Кинжал отравлен.

Крепко держа ее, Ричард рассмеялся.

— Все складывается просто идеально. Ваши тела останутся здесь, и все решат, что Господь убил вас на месте за осквернение святилища Ларины. — Он наклонился близко к лицу Доминики и зашептал — громко, чтобы слышал Гаррен: — Очень жаль. А я-то рассчитывал сперва с тобою побаловаться. — С этими словами он вытащил из ее рта клып и заменил его своими губами.

Гаррен рванулся вперед, но Ричард уже отстранился и, предостерегающе покрутив головой, вернул кинжал к ее горлу.

Она высунула язык, пытаясь избавиться от гадкого вкуса его поцелуя.

— Где священник? Почему ты не отдал ему послание?

— Я выполнял клятву.

Уклоняясь от кинжала, она неотрывно смотрела на Гаррена.

— Ты же не веришь в клятвы. И не выполняешь те, что давал.

Реликварий Ларины, поскрипывая, покачивался у него над головой — пустой, как и его оправдания.

Ричард расхохотался.

— Она права, наемник. Ты ценишь только те клятвы, за которые заплачено золотом. — Локтем он притянул ее голову к себе и доверительным шепотом сообщил: — Представляешь, я застал его за воровством. Он крал перья Ларины.

Гаррен беспомощно смотрел, как недоверие на ее лице постепенно сменяется осмыслением. Она уставилась на пустой серебряный коробок у него на шее.

— Так вот зачем были нужны те перья, — прошептала она. — Кто заплатил тебе за то, чтобы ты подменил ими настоящие?

— Никто.

— Почему я должна в это верить?

— Ему заплатили, чтобы он сделал кое-что другое. — Ричард презрительно хохотнул. — Ты все еще считаешь его святым? Я расскажу тебе, какой из него святой.

Все происходящее замедлилось. Гаррен мог видеть каждую черточку ее лица, каждую бесценную ресничку вокруг ее синих глаз и, совершенно беспомощный, понял, что сейчас скажет Ричард.

— Ты же знаешь, Уильям заплатил мне за паломничество, — в отчаянии вымолвил он. Живот его скрутило. Такого страха он не переживал даже на войне. Даже если он спасет ее жизнь, то получится ли спасти ее доверие? Он крепче вцепился в кинжал.

Доминика увидела, как Гаррен сжимает кинжал. Ричард всем телом прижимался к ней со спины. Тусклый фонарь качался от сквозняка, и вместе с ним качалась вся комната. У нее закружилась голова.

Куда же запропастился священник? Думай. Ричард просто пытается запутать тебя.

Надо тоже попробовать запутать его и спасти Гаррена. Она оглянулась, ощущая спиной тело ненавистного врага и чувствуя на шее холодную сталь кинжала.

— Гаррен не знает, что написано в послании лорда Уильяма.

Ричард издал смешок, обдав ее кислым дыханием, и вплотную приблизил свое лицо. Внезапно она содрогнулась от дурного предчувствия. Она не хотела слушать, что он сейчас скажет, но руки ее были связаны, и она не могла зажать уши. Его губы мазнули ее по виску. Она отклонилась назад, но закрыться от его слов не смогла.

— Твой драгоценный Гаррен, который увивался за тобой, который ласкал и целовал тебя, делал все это ради денег.

Стыд опалил ее щеки.

— Вы лжете. — Его ложь не заставит ее усомниться в Гаррене. — Кто бы стал нанимать его ради такого?

Вонь его смеха проникла в ее поры.

— Я.

— И зачем бы он согласился?

— О, он не знал, что за этим стою я. Он думал, его наняла мать Юлиана.

Доминика вспомнила слова настоятельницы. *Если случится хоть малейшая неприятность...* Она молча смотрела на Гаррена, а лорд Ричард продолжал изливать на нее свои откровения:

— Все это время ему нужны были деньги, а не ты.

Ее бросило в жар, потом в холод, потом замутило, точно от яда, которым Ричард потчевал Уильяма, и лучше бы оно так и было на самом деле. Сквозь пелену слез лицо Гаррена расплылось в мутное, неузнаваемое пятно.

— Ника, пожалуйста, дай мне все объяснить...

Все это время ему нужны были деньги, а не ты.

Она просила его, умоляла овладеть ею. Потому что бесконечно доверяла — даже зная, что он не тот, кем казался в начале. Она даже поверила в то, что его правило не думать о завтрашнем дне и наслаждаться настоящим — единственно правильный способ жить.

— Это правда? Ты сделал это ради денег? — Она сглотнула, отчего острие кинжала прижалось к ее горлу до опасного близко.

— Ника, тогда я не знал тебя.

— Но ты знал меня вчера. — *Когда брал меня.*

Чтобы не видеть его, она закрыла глаза и открыла их уже другой женщиной. Мир был бесконечно стар. Все, что было для нее дорого, исчезло. И она поняла, что жизнь ее закончится на грязном полу этой маленькой каменной лачуги, построенной над костями давным-давно умершей женщины.

— Похоже, я ошибалась в тебе так же, как ошибалась в Боге.

Язык Гаррена прилип к гортани. В груди стало тесно, и он остро пожалел, что вообще повстречался на ее пути. Уничтожив все, что составляло ее жизнь, он ничего не дал взамен. У нее не было никаких причин доверять ему. Господь, должно быть смеется сейчас над ним, учинив это идеальное отмщение.

— Ника, ты должна мне верить. — Но с какой стати? Он сам бы себе не поверил. — Когда мы... когда я... я не думал, что...

— Довольно. — Ричард рывком прижал ее к себе. Со связанными впереди руками она походила на мученицу, готовую принять смерть на костре. — Ваше паломничество окончено, — рявкнул он. — Давай сюда послание.

Пошарив за воротом туники, Гаррен достал свою драгоценную ношу — помятый, пропитавшийся за время пути потом, листок пергамента — и, привлекая внимание Ричарда, поднес его к свету.

— Вот. — Он увидел, что клинок немного отодвинулся от горла Ники. — Отпусти ее, и оно твое.

Облизнув губы, Ричард указал острием кинжала на пол.

— Положи его наземь.

Гаррен напряг плечи, стараясь не выдать облегчение. Кажется, план, как отвлечь Ричарда, работает.

— Там его может унести ветер. — Он сделал шаг вперед. Надо подойти поближе. До Ричарда по-прежнему было не достать. — Ну же, возьми.

— Нет! Ты же дал слово Уильяму! — Ника начала отчаянно вырываться, и Ричард, отступив назад, снова прижал острие кинжала к мягкой впадинке по ее подбородком. Сердце Гаррена запрыгало в груди как огонек свечи на ветру.

Он помахал посланием, искушая Ричарда отпустить Доминику и потянуться к добыче.

— Чего ты ждешь? У нее связаны руки.

— Если ты не можешь отомстить за Уильяма, это сделаю я, — сказала она.

Ника, замри. Позволь мне спасти тебя.

— Вот оно, Ричард. Подойди и возьми.

Удерживая ее, Ричард согнулся в поясе и растянулся между ними двумя, простерев в направлении Гаррена руку с кинжалом.

Пора.

Гаррен сделал выпад, целясь кинжалом в ребра, и промахнулся.

Доминика вывернулась и связанными руками, точно тараном, ударила Ричарда в живот. Взмах кинжала, и Ричард полоснул ее по руке. Она попятилась назад, натолкнулась на стену и осела на пол.

— Ника, не шевелись. — Если он опять промахнется, никто из них не переживет эту ночь. — Яд может распространиться.

В свете луны Ричард черным силуэтом пританцовывал на носках, рассекая окровавленным кинжалом пустое пространство между ними.

— Смотри, как она умирает. А потом я убью тебя.

Гаррен заставил себя отвернуться от Ники и сосредоточить внимание на Ричарде. Чтобы нанести смертельный удар, нужно подобраться к нему вплотную.

Ричард со смехом взмахнул кинжалом, описав им большой круг, и лезвие просвистело совсем рядом с чайкой, которая восседала в проеме западного окна. Издав пронзительный крик, птица захлопала крыльями и ринулась на него.

Не понимая, что происходит, Ричард замахал над головой руками.

Вот он, его второй шанс. Удар — и Гаррен задел кинжалом его левый бок.

Скрючившись, Ричард завертелся на месте. Хватка его ослабла, и кинжал со стуком упал в тень.

— Будь ты проклят, чертов наемник, — взвизгнул он и подобрал кинжал прежде, чем Гаррен успел ударить его еще раз. Его лицо исказилось в жутковатой гримасе. — Другого шанса у тебя не будет.

Никакое чувство самосохранения не могло удержать его от взгляда на Нику. Вместо того, чтобы сидеть и не двигаться, как он просил ее, она елозила подошвами по полу, пытаясь встать.

Услышав крик, он вздрогнул и понял, что отвлекся.

Чайка вновь бросилась в атаку.

Вцепившись когтями в волосы Ричарда, она отчаянно хлопала крыльями, а тот в бешенстве молотил воздух руками, пытаясь вслепую попасть по юркому, покрытому гладким оперением тельцу. Уворачиваясь от ударов, птица то взмывала вверх, то камнем бросалась вниз, щипая клювом его уши, царапая когтями щеки и руки, пока он, точно запертый в ловушке со своими кошмарами, неистово метался по комнате с залитым кровью лицом.

Вдруг она села на его левое плечо, словно на ветку дерева майским утром, и затихла. Осознав, где она, Ричард медленно занес над нею кинжал. Чайка не шелохнулась, точно не видела в этом никакой угрозы.

Резким движением он опустил кинжал вниз.

Птица упорхнула, и лезвие рассекло его собственную плоть до кости.

С ужасом взирая на отравленный клинок, Ричард закричал и бухнулся на колени, стискивая зубы от боли, которая только начиналась. На Гаррена обратились обезумевшие глаза.

— Я не хочу умирать ее смертью. — Его затрясло. — Прошу, прикончи меня.

Гаррен сжал скользкую рукоять кинжала. *Нет. Пусть мучается. Это Божье возмездие.* Сзади застонала Ника.

Быстрая смерть будет слишком легким концом для того, кто ранил ее и убил Уильяма. Что для такого человека может сделать Спаситель?

Но, глядя на то, как Ричард умоляет его, корчась от боли и заливаясь слезами, Гаррен ощутил, как в душе шевельнулось милосердие. Сострадание вытеснило месть.

— Хочешь побыстрее оказаться в аду?

— Ну же. Скорее.

И когда Гаррен нанес удар, он понял, что тот продолжит мучиться — вечно, в аду.

Выронив кинжал, он опустился на колени рядом с Никой. На правом рукаве ее балахона, чуть ниже локтя, темнело кровавое пятно.

— Ника, опусти руки. — Он выровнял голос, но успокоить сердце, которое колотилось так сильно, что свинцовая ракушка с каждым ударом вздрагивала на груди, не смог. — Дай я посмотрю.

Он отогнул пропитавшуюся кровью серую шерстяную ткань и, осознавая полную свою беспомощность, осмотрел рану. Ричард предпочел быструю смерть, потому что был тяжело

ранен, но клинок был пропитан ядом, а значит даже крошечный порез повлечет за собой медленную, мучительную смерть.

Она прижала руки к груди.

— Это правда? То, почему ты... почему мы... почему ты был со мной?

Среди всех его прегрешений, в которых обвинял его ее взгляд, этот грех был самым тяжелым, и он захотел по-настоящему стать ее Спасителем. Захотел, чтобы она осталась жить, пусть даже потом она навсегда оставит его ради Бога. Но увы, он не знал, как это сделать.

Мысли визжали в его голове громче пронзительных криков Ричарда. *Боже, я в твоих руках. Да свершится воля Твоя.*

Вместо ответа он услышал рокот волн и воркование птиц.

Сердце его замедлилось и застучало в такт голосу волн. В душе установилось странное, почти осязаемое спокойствие, заглушая предсмертные хрипы Ричарда, блокируя страдальческий взгляд Доминики и умирняя его страхи.

Взглянув на ее раненую руку, он понял, что нужно делать.

Разорвав рукав балахона в месте, где была рана, он вытер с надреза на коже кровь. Она тут же проступила снова, собираясь в черные сгустки.

Он приложился к ране губами, высосал немного густой, островато-сладкой жидкости и сплюнул ее на пол.

Потом сделал то же самое еще раз.

И еще раз, и еще. Упрямо высасывая и сплевывая отравленную кровь, он ни на секунду не задумался о том, что будет, если яд отравит его самого.

— Знаешь, ты был прав... — Ее шепот был еле слышен. — Бессмысленно верить в то... в то, что нельзя увидеть. — Тело ее обмякло. Она медленно моргнула, и ее взгляд стал отсутствующим, хотя глаза были открыты.

На мгновение ему показалось, что на него смотрят синие глаза Уильяма. Он вновь почувствовал запах его крови, смешанный с вонью французской земли. И понял, что сможет спасти ее — от чистилища, или от рая, или от того места, куда хотел умыкнуть ее Бог — только при одном условии: Ника сама должна захотеть выжить, как захотел когда-то Уильям.

Он хотел встряхнуть ее, но вместо этого бережно сжал ее плечи, боясь, что любым другим действием поможет яду просочиться глубже в ее тело.

— Ника, посмотри на меня.

Она озадаченно прищурилась, как будто не осознавая, что с нею и где она находится.

— Когда-то ты называла меня Спасителем. Так вот, я хочу спасти тебя. — Голос его охрип, и он откашлялся. — Но ты должна мне помочь.

Она повела головой.

— Почему я должна тебе верить?

Он взглянул на ее привалившуюся к стене фигурку и понял, что верит в нее сильнее, чем во что бы то ни было за всю свою жизнь.

— Ты верила в меня, когда не знала даже моего имени. Доверься же мне сейчас, когда ты знаешь обо мне все.

Она закрыла глаза. Тишина.

Он заставил себя ждать. Нужно было продолжать высасывать кровь, но он должен был убедиться, что при этом она будет с ним. И она, и Господь.

Прошла вечность.

— Ника?

Она не ответила. Подержав палец около ее носа, он с облегчением ощутил тепло ее дыхания. Она была жива, но он терял ее. Связь, соединившая их силой болотного духа, распадалась. Нужно как-то достучаться до нее, вырвать из пустоты смерти, вернуть назад.

Он поднес ее ладонь к своим губам и тронул языком чувствительное местечко между пальцами.

Уголок ее рта дернулся вверх.

Он окунул кончик ее среднего пальца в рот, вбирая ее в себя, как в то утро, когда они, перекатываясь на песке, любили друг друга.

Ее улыбка стала шире.

Чувствуя, как надежда покалывает ладони, он перецеловал все ее пальцы.

— Ника, сейчас я высосу яд, а ты лежи тихо и молись Блаженной Ларине.

Улыбаясь, она слабо прошептала:

— Иногда Богу нужно чуточку помочь.

— Вот и помоги, — сказал он отрывисто, вновь прикладываясь к ее ране и высасывая из нее смерть.

Стоны Ричарда затихли, и Гаррен услышал шум моря, размеренный, как биение его сердца. Под потолком, в унисон с волнами, поскрипывал пустой реликварий.

Когда ее дыхание стало глубоким и ровным, он поднял голову и впервые за долгое время вздохнул полной грудью. В оконце, на фоне бледно-золотистого утреннего неба, сидела, склонив голову, чайка, а снаружи кричали ее товарищи, приветствуя новый день. Она ответила им, взмахнула крыльями и улетела.

И оставила на полу три пера.

Мгновение Гаррен оцепенело смотрел на них, не в силах пошевелиться. Одно перо было серым, с черным оперением на кончике. Второе — облачком белого пуха. Стержень третьего был почти полностью гол, только на верхушке осталась легкая бахрома.

Он протянул руку, и в этот момент ветер, закружив по комнате, унес перья за груды камней на могиле Ларины.

Он кинулся за ними в погоню и увидел на грязном полу за могилой не три, а шесть перьев.

Из каморки священника донеслось шарканье шагов.

Я услышал тебя, Боже. Она принадлежит тебе. На этот раз точно.

— Кто здесь? — послышался заспанный голос.

Трясущимися руками Гаррен открыл реликварий, висевший у него на шее, и спрятал туда три ближайших к нему пера. В момент, когда он закрывал створки, из каморки вышел, моргая со сна, старик-священник и недоуменно спросил:

— Что здесь происходит?

Солнце поднялось уже высоко, а Гаррен все объяснял священнику, почему святилище залито кровью мертвого мужчины и раненой женщины. Баюкая на руках Доминику и

изнывая от нетерпения вернуться обратно на берег, он вновь и вновь растолковывал ему о битве при Пуатье, о просьбе Уильяма, о полуночном визите Ричарда и об отравленном кинжале.

Наконец старик сощурил против света свои водянистые глаза и развернул измятый пергамент. Трижды перечитав послание, он заключил, что Господь самолично наказал Каина, замыслившего убить своего брата. Потом трясущимися руками подобрал с пола перья, бережно положил их в реликварий и, приладив дверцу, повернул задвижку.

О чайке Гаррен не сказал ни слова.

В тот день Доминика больше не вернулась в усыпальницу.

Пока брат Иосиф кудахтал вокруг нее, Лекарь наложил на рану плотную повязку. От настойчивого предложения Джиллиан выздоравливать лежа в постели она отказалась. Гаррен тем временем объяснил паломникам, как умер Ричард, сказав, что тот отправился в усыпальницу за покаянием, и Господь, услышав его молитву, немедленно прибрал его.

Вдова громогласно заметила, что Всевышний вряд ли забрал его на небеса.

Для паломников, впрочем, было очевидно, что Блаженная Ларина сотворила очередное чудо. Ведомые верой, а может страхом, все они, включая Саймона, по очереди смиренно ползли на корточках по морскому дну.

Она не стала узнавать, как Гаррен объяснил, откуда взялась ее рана.

Все три дня, пока остальные завершали свое паломничество, Доминика поднималась на рассвете и уходила к морю, на полоску песка, где была с Гарреном. Каждый раз за нею следовал Иннокентий, который, боясь, что она тоже исчезнет, не отходил от нее ни на шаг. Дыша в унисон с волнами, она смотрела вдаль, на пустое синее небо, и почесывала пса за ухом — ногтями, отросшими настолько, что сестра, несомненно, гордилась бы ею.

Иногда она разговаривала с сестрой и объясняла, почему не может остаться в монастыре.

— Я будто птица. — Иннокентий внимательно слушал ее своим единственным ухом. — Птица, которая вылетела из гнезда и открыла для себя небо.

Гаррен вернул ее к жизни. Оживил ее душу и ее плоть. Всю обратную дорогу, пока они плыли на лодке, он обнимал ее раненое тело и шептал слова, которые, верно, ему самому казались утешительными. Говорил, что приведет ее домой. Что уладит дела с матерью Юлианой. Что она получит ту жизнь, которую хотела.

Но я хочу разделить свою жизнь с тобой— порывалась сказать она, а потом вспоминала, что была подкидышем, а он рыцарем, и все, что он сделал, было сделано ради денег, пусть даже теперь он и сожалел об этом. Он хотел оставить ее в монастыре. Отделаться от нее. И она молчала.

Вернувшись, они вновь оказались не одни.

Тоскливым утром четвертого дня, в праздник святых Петра и Павла, Доминика встала в конец цепочки молчаливых, усталых паломников и, прижимая к груди больную руку, побрела домой.

Они вернулись в Тависток к базарному дню, но ходить вместе со всеми по ярмарке было выше ее сил. После ужина она уединилась в монастырском дворике, нагретом теплом угасающего летнего дня. Сюда, в этот тихий уголок, где среди колонн витали отголоски молитвенных песнопений, она убежала в ту ночь — от Гаррена и от чувств, которые он в ней пробудил. А после в скриптории обновила свою клятву.

Клятву, которую потом нарушила. Так же, как он нарушил свою.

Неожиданно она заметила, что он стоит неподалеку, заполняя своими широкими плечами пространство между колоннами. Теперь, глядя на него, она воспринимала его не только зрением, но всем своим телом. Жесткие наощупь завитки волос. Рот, нежно раскрывающий ее губы. Горячая плоть спины под ее ладонями.

Она закрыла глаза, чтобы остановить поток воспоминаний, и поблагодарила небеса за

то, что у нее было, не попросив ничего свыше.

Он заговорил — внезапно, будто возвращаясь к прерванному разговору.

— Я просил тебя поверить в меня.

Она кивнула.

— Невзирая на то, что сказал Ричард.

Она грустно улыбнулась.

— И я поверила, разве нет?

— Ты заслуживаешь того, чтобы знать, что я сделал. И почему.

Она похлопала по скамье. Тело ее истосковалось по его близости.

— Может быть, сядешь?

Он покачал головой. Все последние дни он сторонился ее как огня.

— Ты знаешь, что я обещал Уильяму доставить его послание. И что он хотел заплатить мне.

— Знаю, и давно.

— Я многим ему обязан. Ты знаешь, чем.

Она закрыла глаза и увидела охотничий лес в пятнах света и тени.

— Я хотел, чтобы это путешествие было подарком.

Молча она сложила руки на коленях, пока он мерял шагами каменную дорожку между кустиками тимьяна.

— Вера Уильяма была так же крепка, как и твоя. Я пообещал ему принести перо. Из крыла святой.

— Выходит, лорд Ричард сказал правду. — Никакого разочарования она отчего-то не испытала. Какая, в конце концов, разница, между крылом святой и обычными гусиными перьями? — Ты пришел туда, чтобы украсть реликвию.

— Ради Уильяма. Я подумал... — Он сделал вдох. — Подумал, вдруг надежда поможет ему выжить.

— Ты же не веришь в такие вещи.

Он улыбнулся.

— Я верил в него.

Последняя нота вечерней молитвы угасла.

— А все остальное? Лорд Ричард не лгал, ведь так? О том... — Она сглотнула. Слова обратились у нее во рту в пепел. — О том, почему ты ласкал меня.

— Я хотел сделать Уильяму подарок. — Он говорил через силу, точно слова были неподъемными камнями. — Мать Юлиана предложила мне деньги. Сказала, что монашество не твое призвание.

Теперь, когда его присутствие стало невыносимым, он, наконец, присел рядом и взял ее руку в ладони, не позволяя ей забрать пальцы, не позволяя отвернуться от его умоляющего взгляда.

— Мне тоже хотелось отнять кого-то у Господа, — прошептал он. — Он отнял у меня всех.

— И этих денег хватило бы...

— Но потом, когда я узнал тебя ближе... — Он осекся.

— Я пришла к тебе сама.

— Ты была не в себе. Мне не следовало... — Отпустив ее, он спрятал лицо в ладонях. — Доминика, прости меня. Я ничего не скажу настоятельнице. Ты получишь ту жизнь, которую

хотела.

— Я хочу... — *Быть с тобой. Нет. Я хочу, чтобы и ты хотел, чтобы мы были вместе.*

— *Sole fide.*

Точно эхо на незнакомом языке.

— Что?

— Только верой, Доминика. Твоя вера подарила тебе мечту.

— Я утопила эту мечту в море вместе с пером и пергаментом.

Он накрыл ее сцепленные вместе руки ладонью. Это был жест скорее брата, нежели возлюбленного.

— Ты снова будешь писать.

Тоска, яростная, как и ее сожаления, тисками сдавила грудь.

— Мне нечем и не на чем.

Он вытянул из-за ворота узкую, помятую коробочку реликвария и открыл ее. Внутри лежало три пера. Он достал одно и протянул ей.

— Это тебе. От Блаженной Ларины.

Онемев, она приняла перо. Гладкий, пожелтевший стержень давным-давно лишился оперения и так же давно не окунался в чернила. Размером немного меньше гусиного, перо лежало в ее ладони как влитое. Она уставилась на него, приоткрыв от удивления рот, а потом подняла глаза на Гаррена.

— Что значит — от Блаженной Ларины?

Вместо ответа он, порывшись в котомке, положил на скамью небольшой лист старого пергамента, чернильницу и нож.

— А это от меня.

Она перебрала все предметы по очереди, взвешивая их в руке, точно драгоценный металл.

— Пиши, Доминика. — Он встал и закинул котомку за плечо. — Господь не хочет, чтобы ты бросала свою мечту.

Крепко зажав перо в кулаке, она почувствовала, как радость внутри нее борется с печалью оттого, что он прощается с ней, и грустно улыбнулась.

— Он начал с тобой разговаривать?

Он ответил, не оборачиваясь:

— Да. О тебе.

И ушел прежде, чем она нашла с ответом.

Не выпуская перо, она взяла чернильницу, потом, отложив и то, и другое, схватила пергамент и нож, пытаясь удержать в руках все свои сокровища разом, чтобы они не исчезли, как Гаррен. Пересев на землю, она развернула лист пергамента на скамье, торопясь обновить его, пока не стемнело. Пергамент был не новым, но прежний владелец позаботился о том, чтобы тщательно соскоблить все, написанное ранее, и аккуратными линиями наметить строки.

Боже, я не представляю, как сложится моя жизнь вне обители. Я просто знаю, что не могу там остаться. Отныне я больше не буду учить Тебя, что надо делать. Научи меня Ты.

Она обмакнула перо в чернильницу и написала одно-единственное слово. Сестре. Гаррену. Богу.

Спасибо.

Первый понедельник июля — как и все понедельники после отъезда лорда Ричарда — мать Юлиана провела на коленях, вымаливая у Бога прощение. За окошком, в опустевшем без Доминики саду, лениво жужжали пчелы.

Она перенесла вес с онемевшего левого колена на правое. Еще три молитвы Богородице, и Господь, возможно, простит ее. Правда, она не была уверена, что сможет простить себя сама.

— Матушка Юлиана, пилигримы вернулись.

Как странно, подумала она, отталкиваясь от деревянной молитвенной скамьи и вставая. В голосе сестры Агнес почему-то не было ликования. Значит, не у нее одной сегодня тяжело на душе.

— Хорошо, сестра Агнес. Приведи ко мне сестру Марию. — С Доминикой она поговорит позже.

— Не могу.

— То есть как?

Сестра Агнес всхлипнула. По ее щекам потекли слезы.

— Сестра Мария умерла.

Мать Юлиана перекрестилась дрожащими пальцами.

— Как это произошло?

— Не знаю, матушка. С нею была Доминика.

Она вздохнула. Настало время встретиться со своими грехами лицом к лицу.

— Приведи ее ко мне.

С нею без приглашения явился наемник. Верно, чтобы забрать свою награду, которую он, вне всякого сомнения, заслужил. Мать Юлиана поняла это в ту же минуту, когда увидела их стоящими вместе в проеме двери. Можно было даже не спрашивать. Девочка превратилась в женщину, и это превращение усмирило ту неугомонную энергию, которая раньше пронизывала каждое ее движение.

Уже не девственница. Лорд Ричард будет доволен, подумала она с содроганием. Но то был только ее грех. Доминика не должна за него расплачиваться.

— Добро пожаловать домой, Доминика. — Она обняла ее точно маленькую девочку, которой та когда-то была. — Я знаю о сестре Марии. Мне очень жаль.

— Мать Юлиана, — встрял паломник, — мне надо сказать вам...

— Не сейчас, — ответила она, качая головой. — Моя овечка вернулась.

— Но Господь послал мне знамение...

— Несомненно о том, что Доминика должна вступить в орден.

На секунду он замер с раскрытым ртом. А потом улыбнулся.

— Именно так, мать Юлиана.

— Господь явил мне такое же знамение. — Странно, но хорошо, что наемник ее поддержал. Может быть, он даже не попросит денег. А с лордом Ричардом она как-нибудь разберется.

Она отодвинула Доминику на длину руки и окинула ее взглядом. Как же быть? Девушка вроде бы стала еще выше ростом. Хорошая ряса сестры Марии не придется ей впору, даже если надставить низ, а денег и времени на то, чтобы сшить новую, нет.

— На следующей неделе сестра Мария будет смотреть с небес, как ты приносишь обеты. Девушка шагнула назад.

— Я не вступлю в орден.

— Но, дорогая моя, я больше не возражаю. — Настоятельница переплела руки на груди и просунула их в рукава. В синих глазах девушки, еще недавно таких пронзительных и непокорных, она разглядела новообретенное смирение. И, кажется, что-то еще. Или кого-то. Кого же?

— Ника, — заговорил наемник. — Ты же так этого хотела...

— Мне тоже было знамение, мать Юлиана. Но не то, которого я ждала.

Воистину пути Господни неисповедимы, подумала настоятельница, несколько устыдившись испытанного облегчения. Она опустила в кресло и поманила девушку к себе.

— Присядь, дитя мое, и объясни, почему.

Доминика оглянулась на наемника.

— Как-нибудь потом. Может быть.

А тот, плотно сжав рот, взирал на нее как на Святой Грааль.

Так вот оно что. А она-то, похоже, и не подозревает.

— Но что ты будешь делать, дитя мое? Как ты будешь жить? — Не собирается же она вернуться к работе прислуги. Будет жаль, если в конце концов девушка достанется лорду Ричарду, хотя это, конечно, будет уже не ее проблемой. А может, ее возьмет к себе наемник. Не как жену, разумеется.

Доминика сложила руки в замок.

— Сперва я помолюсь за душу лорда Уильяма. И попрошу у неба прощения за то, что не отвела от него смерть.

— Смерть? Но лорд Уильям жив!

Налет взрослости мигом слетел с лица девушки, а наемник расплылся в широченной улыбке.

— Еще одно чудо.

Порывисто подхватив ее руку, он поцеловал костяшки ее пальцев. Она же в ответ улыбнулась, а потом отстранилась.

Что ж. Пусть разбираются со своими чувствами. Повезло ей заполучить мужчину, хоть у него нет и фартинга за душой.

— Он пошел на поправку сразу после вашего ухода, — сказала настоятельница. Или после отъезда лорда Ричарда.

— Мы должны повидать его. — Не спрашивая разрешения, девушка метнулась к выходу и потянула наемника за собой.

Она предостерегающе крикнула им вслед:

— Граф уже не тот, каким был раньше.

Доминика убежала вперед, а наемник задержался на пороге.

— Я тоже, мать Юлиана.

Много же чудес свершилось во время их паломничества.

— Лорд Ричард уже в замке? — Скоро ей предстоит держать перед ним ответ. — Уверена, он будет счастлив узнать о выздоровлении брата.

— Лорд Ричард мертв. — На лице наемника отобразилось мрачное удовлетворение. — Такова была Божья воля.

Настоятельница перекрестилась. Еще одно следствие ее прегрешения. *Боже, прости*

меня за то, что я радуюсь его смерти. Она подняла глаза. И как теперь с ним расплачиваться? С покойника обещанных денег не возьмешь.

Уголок его рта насмешливо дернулся вверх.

— И долги его умерли вместе с ним.

Боже, подумала она, снова осеняя себя крестным знамением, прости меня за то, что позволила себе усомниться в величии Твоего плана.

Над крепостными стенами замка Редингтон не реяло черных траурных полотнищ. Сидя впереди Гаррена на несущемся к замку Рукко, Доминика не могла заставить себя спросить, поверил ли он в то, что она не останется в монастыре. В Эксетере Господь открыл перед нею новую дорогу.

Но ведь Гаррен взял ее за руку. Прямо на глазах матери Юлианы.

— Гаррен! С возвращением! — На мост, нетерпеливо простирая навстречу им руки, шагнул высокий, худой, светловолосый человек.

Ее брат.

Соскочив из седла на землю, Гаррен помог ей спешиться, и Уильям тут же заключил его в объятия. Они похлопали друг друга по спинам, потом переглянулись и вновь крепко обнялись, словно оба восстали из мертвых.

Доминика изумленно моргала. Уильям жив. Возможно, у Бога все-таки был план, и он воплотился в жизнь.

Держа Уильяма за плечи, Гаррен отодвинулся и окинул его взглядом.

— Скажи, как ты умудрился выжить?

Уильям улыбнулся. Еще не окрепший, с поредевшими волосами и выцветшими синими глазами, ныне он был бледной копией своего отца.

— Как только Ричард уехал, Никколо перестал кормить меня ядом. — Толстогубый итальянец стоял позади и терпеливо ждал, пока Иннокентий обнюхает его кожаные сапоги. Доминика впервые увидела его при солнечном свете, и он, почувствовав на себе ее взгляд, неожиданно приветливо улыбнулся, обнажив крупные зубы.

Гаррен гневно воззрился на итальянца.

— Почему он стоит с тобой рядом? Он же пытался убить тебя!

— Он давал мне яд понемногу, затем, чтобы провести Ричарда, но не убить.

— Ты выжил только Божьей милостью, — сердито ответил он.

Уильям сжал его плечо.

— У него были свои причины. Он вылечил меня. И просит прощения.

Гаррен вспыхнул.

— Просить прощения нужно не ему одному.

Она ждала, что сейчас он посмотрит на нее и снова попросит простить. Да — ответит она. Да, тысячу раз да.

Уильям оглянулся на пустую дорогу.

— А где мой брат?

Гаррен опустил голову.

— Он мертв.

На лице Уильяма промелькнуло нечто похожее на сожаление.

— Быстро же Церковь вершит свой суд.

— Господь оказался быстрее.

Уильям нахмурился.

— Похоже, друг мой, Господь дал нам повод о многом поведать друг другу.

— Господь дал тебе кое-что еще. — Гаррен открыл помятый реликварий и вытащил двумя пальцами самое маленькое перышко. — Птица оставила его в усыпальнице. — Он положил комочек пуха Уильяму на ладонь и завернул его пальцы, все еще покрытые сыпью, в кулак.

Уильям побледнел.

— Это...

Гаррен кивнул, потом осторожно закрыл створки реликвария, где осталось лежать последнее перо, и заправил его за ворот туники. Ударившись о свинцовую ракушку, коробочка весело звякнула.

— Пусть оно будет напоминанием о том, что иногда чудеса все-таки случаются.

Сжимая в кулаке перо, Уильям впервые обернулся к Доминике.

— Доминика, прости, что не поздоровался с тобой должным образом. Где сестра Мария? Уже в монастыре?

На глаза вдруг навернулись слезы. Может, и хорошо. Может, они скроют ее секреты.

— Сестра Мария упокоилась в земле недалеко от святилища.

Уильям коснулся кулаком лба, потом груди и плеч. Его взгляд затуманился скорбью.

— Она навсегда останется в памяти Редингтонов. Знаю, в монастыре тебе будет не хватать ее больше, чем кого бы то ни было. — Он испытующе посмотрел на нее.

— Вы правы, милорд, мне будет ее не хватать, — медленно проговорила она. Гаррен не сводил с нее взгляда, словно ее слова предназначались ему, а не Уильяму. — Но в монастырь я не вернусь.

У Гаррена перехватило дыхание.

— Но что ты будешь делать?

— Ты спас не только мою жизнь, но и мое призвание. — И мою душу, добавила она мысленно. — В Эксетере я познакомилась с одним писцом, которому нужен помощник. — Зрение этого славного человека с возрастом испортилось настолько, что буквы расплывались у него перед глазами. Она будет писать, пусть и не слово Божье.

— Это абсурд, — резко возразил Гаррен. — Я не позволю тебе жить в городе одной.

— Я буду не одна. Я буду жить в его семье. Ты же сам сказал, что Господь хочет, чтобы я продолжала писать.

— Я подразумевал — писать здесь, в Редингтонском монастыре.

— «Я подразумевал»? Значит, это не Господь гонит меня из твоей жизни, а ты сам?

— Все не так!

— Я сказала тебе об этом всего один раз, и ты сразу же за это ухватился.

— Но ведь я сломал твою жизнь, твою веру, я испортил все!

— Ты не ломал мне жизнь. Ты вернул меня к жизни. Так же, как лорда Уильяма.

— Я хотел все исправить.

— Не надо мне твоего раскаяния! Мне нужна твоя любовь! — крикнула она, и наступила тишина. Оцепенев, она закусил губу, а Уильям с Никколо отвернулись,

притворившись глухими.

Гаррен не сводил с нее глаз.

— Я уже не тот, кем был, когда уходил из замка. Теперь я знаю: для того, чтобы иметь смелость действовать, нам нужна вера, такая же сильная, как сам Господь.

От этих слов — хоть они и не относились к ее будущему — внутри у нее потеплело.

Человек, в котором не было веры, держал ее за руку и не отпускал.

— Пойми меня. Ричард сказал правду. Мне действительно предложили деньги. Но когда я узнал тебя, то захотел ... — Он запнулся. — Захотел тебя для самого себя. А когда Господь снова спас тебе жизнь, я поклялся сходить на поклон в Компостелу.

— Значит, ты обрел веру?

Он кивнул.

— Я хочу, чтобы ты пошла со мной, Ника. Как моя жена. А заодно напишешь новый путеводитель для пилигримов.

Она улыбнулась так широко, что заболели щеки.

— Мы станем орудием Божьим и будем нести слово Его по свету.

Вздрогнув, он стиснул ее руку.

— Но только, когда наше паломничество окончится, мне будет нечего тебе предложить.

Уильям откашлялся.

— Вообще-то, будет.

Вместе они удивленно обернулись, совсем позабыв, что они не одни. Теплая рука Гаррена обвила ее плечи.

— Гаррен, когда я думал, что скоро умру, то собирался оставить тебе Редингтон. Но так как благодаря тебе я выжил, то хочу передать тебе право владения на замок и земли в Уайтвуде.

Рука Гаррена напряглась на ее плече, но он покачал головой.

— Я и так слишком многим тебе обязан.

— Ты спас мне жизнь. С этим ничто не сравнится.

И на его лице разлилась такая радость, что Доминика едва не расплакалась. Наконец-то у него появился дом, о котором он столько мечтал.

У него — но не у нее. Замку нужна настоящая леди, а не подкидыш. Уже по нему скучая, она шагнула назад.

— Примите мои поздравления, сэр Гаррен из Уайтвуда. Надеюсь, лорд Уильям поможет вам найти себе в невесты достойную леди.

— Когда я делал это предложение, то предполагал, что этой леди станешь ты, Доминика. — Брат улыбнулся, и она заподозрила, что о секрете сестры известно не ей одной.

— Скажи «да», Ника, и наше паломничество будет длиться вечно. — Гаррен заключил ее руки в ладони. — Ты веришь в меня?

Она сжала его руки, отвечая «да» и глазами, и сердцем.

— *Credo quia absurdum est.*

Он рассмеялся.

— Что это значит?

— «Верую, ибо это невозможно». Да, я верю в тебя. Так сильно, что готова взлететь...

Больше книг на сайте - Knigolub.net